

**Уральский
федеральный
университет**

имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина

Уральский гуманитарный
институт

А. Ю. ЛАРИОНОВА

ДИНАМИЧЕСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ: В ПОМОЩЬ БУДУЩЕМУ РЕДАКТОРУ

Учебно-методическое пособие

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

А. Ю. Ларионова

ДИНАМИЧЕСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ: В ПОМОЩЬ БУДУЩЕМУ РЕДАКТОРУ

Учебно-методическое пособие

Рекомендовано методическим советом
Уральского федерального университета
для студентов вуза, обучающихся
по направлению подготовки
42.03.03 — Издательское дело

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2018

УДК 81'06-043.86(075.8)

ББК 81-02я73

Л25

Рецензенты:

завкафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного УрГПУ проф., д-р филол. наук *А. П. Чудинов*;

проф. кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (НИУ)», д-р филол. наук *Н. Н. Кошкарова*

Научный редактор — завкафедрой современного русского языка и прикладной лингвистики Уральского федерального университета проф., д-р филол. наук *Л. Г. Бабенко*

На обложке изображение с сайта http://i.piccy.info/i9/7df09d98b61fd860b529af46a09df08b/1422863700/344941/865309/Den_gramotnosti.jpg

Ларионова, А. Ю.

Л25 Динамические языковые процессы: в помощь будущему редактору : учебно-методическое пособие / А. Ю. Ларионова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. — 200 с.

ISBN 978-5-7996-2481-1

Учебно-методическое пособие призвано помочь студентам овладеть навыками анализа явлений активных языковых процессов. В пособии описываются основные языковые тенденции на разных уровнях системы языка и их проявления в разных коммуникативных сферах: в средствах массовой информации, разговорной речи и др. Особое внимание уделено сфере неформальной коммуникации: сути и интенсивности явления в современном коммуникативном пространстве. Предложена система заданий текущего и предэкзамениционного контроля по дисциплине «Активные процессы в современном русском языке».

Библиогр.: 218 назв.

УДК 81'06-043.86(075.8)

ББК 81-02я73

ISBN 978-5-7996-2481-1

© Уральский федеральный университет, 2018

Оглавление

Предисловие.....	4
Глава 1. Состояние русского языка на рубеже XX–XXI вв. Значение дисциплины «Активные процессы в современном русском языке» для формирования специалиста.....	7
Глава 2. Причины изменений в современном русском языке.....	23
Глава 3. Тенденции в современном русском произношении и ударении	49
Глава 4. Тенденции в области русского письма (графика и орфография современного русского языка)	58
Глава 5. Тенденции в словообразовании современного русского языка	77
Глава 6. Тенденции в лексике и фразеологии современного русского языка	93
Глава 7. Тенденции в морфологии современного русского языка	115
Глава 8. Тенденции в синтаксисе современного русского языка	129
Глава 9. Тенденции в пунктуации современного русского языка	147
Заключение	173
Примерный перечень заданий текущего контроля	176
Список библиографических ссылок	179

Предисловие

Лавинообразные процессы креативного использования средств и возможностей языка отличают коммуникативное пространство российского общества на рубеже XX–XXI вв. Активное творческое отношение к потенциалу языка взаимосвязано с культурно-речевой ситуацией, демонстрирует изменение характера выразительности и экспрессивности текстов. Речетворческие инновации чрезвычайно активны в разных сферах коммуникации, особенно в неформальном общении или стилизации под такое общение.

Творческое переосмысление языковых средств часто использует языковую игру, не учитывает действующие языковые нормы, этикетные правила, традиционные представления о том или ином предмете речи и его репрезентации. Интенсивность подобных проявлений опирается на апперцепционную базу современников, вызывая как поддержку в речевых практиках, так и неприятие. Изучение данного процесса с позиции лингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии, когнитивистики представляет ценность для создания целостных образов отдельных коммуникативных сфер и коммуникативного пространства в целом.

Игровое и потенциальное использование языковых средств существенно расширяет сферу бытования, меняя прежде приватный статус функционирования на публичный. Интенсивность процесса в разных речевых практиках объясняет особое внимание ученых.

В русской лингвистике вопросам творческого использования потенциала языка посвящали работы знаковые для русской филологии ученые: М. М. Бахтин, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур,

Б. А. Ларин, Л. В. Щерба и др. В последние полвека язык особенно активно изучается отечественным языкознанием в аспекте новой прагматики и креатива. Развивается лингвистика пост-тоталитарного общества, лингвистика СМИ, политическая лингвистика и др. Об актуальности подобных исследований свидетельствуют монографии, диссертации, статьи (см. работы Т. А. Гридиной, В. С. Елистратова, О. П. Ермаковой, Е. А. Земской, Е. В. Какориной, Ю. Н. Караулова, В. Г. Костомарова, Л. П. Крысина, Е. С. Кубряковой, В. М. Мокиенко, Е. Н. Ремчуковой, В. В. Химика, А. П. Чудинова и др.). Среди зарубежных исследователей языка, акцентирующих внимание на его творческом и социотворческом использовании, значимы имена Т. ван Дейка, А. Вежбицкой, У. Лабова, С. Дика, Дж. Бушнела, Х. Вальтера и других ученых.

Настоящая работа посвящена динамическим процессам в русском языке второй половины XX — начала XXI вв. и имеет целью познакомить студентов, изучающих русский язык на разных специальностях (редакционно-издательское дело, полиграфия, переводоведение и др.), с активными языковыми процессами и их проявлениями в разных коммуникативных сферах. Особое внимание в пособии уделено неформальной коммуникации как синкретичной функциональной подсистеме русского языка, представляющей собой первичную сферу лингвокогнитивных эволюционных процессов.

Изучение активных процессов в языке составляет особую область лингвистического знания, которое имеет теоретическую и практическую значимость: оно необходимо для анализа используемых технологий обращения с языком, их проникновения в разные коммуникативные сферы и функциональные стили, для выработки объективной оценки креативной составляющей языка, отличающей речь нового поколения. Изучение маркированных форм тех или иных языковых переменных может иметь прогностическую ценность для языковых процессов, систематичной эволюции языка и выявления будущих аналогий в нем.

Анализ активных процессов в языке имеет свою историю развития в рамках изучения разговорной речи, речи современного города, языковой игры, лингвистики креатива и др. Сейчас данное направление формирует новую научную парадигму на стыке лингвистики, социо- и психолингвистики, когнитивистики, культурологии, коммуникативистики.

В данном пособии в рамках тем, посвященных динамическим процессам на разных языковых уровнях, изложены базовые положения дисциплины «Активные процессы в современном русском языке». Их основу составляют такие известные труды, как «Русский язык конца XX столетия (1985–1995)», «Русский язык сегодня» (разные издания), учебные пособия Н. С. Валгиной «Активные процессы в современном русском языке» (2003) и «Актуальные проблемы современной русской пунктуации» (2004), коллективная монография под редакцией Л. П. Крысина «Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков» (2008), работа Н. В. Юдиной «Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс?» (2010) и др.

Методически оправданным в предлагаемом пособии является сопровождение теоретических положений современным, в том числе креативным речевым материалом. Темы пособия завершаются списками литературы, новых словарных и справочных материалов, контрольными вопросами, практически-ми заданиями, темами докладов.

Пособие может быть использовано при изучении курсов «Активные процессы в современном русском языке», «Современный русский язык», «Практическая и функциональная стилистика русского языка», а также при подготовке курсовых, дипломных работ и магистерских диссертаций.

Пособие будет полезно издателям, переводчикам, журналистам, филологам, копирайтерам, обязанным профессионально квалифицировать неоднозначные языковые явления, фиксируемые или создаваемые в разных текстах.

Глава 1.

Состояние русского языка на рубеже XX–XXI вв. Значение дисциплины «Активные процессы в современном русском языке» для формирования специалиста

ВОПРОСЫ ТЕМЫ

1. Состояние русского языка на рубеже XX–XXI вв.: изменение статуса русского литературного языка, влияние языка СМИ, расширение сферы публичного спонтанного общения, рост личностного начала в речи, расшатывание языковой нормы, языковые изменения (статус явления).
2. Значение дисциплины для формирования специалиста в сфере редакторского дела и книгоиздания.

К вопросу о состоянии русского языка

Язык как высокоструктурированная абстрактная система является общим для всех носителей русского языка. В силу мобильности язык реагирует на исторические условия жизни, меняя свой объем и состав. Динамика развития языка, инновации в нем признаются закономерным эволюционным процессом, однако интенсивное взаимодействие литературного языка с другими языками и нелитературными разновидностями внутри языка вызывают тревогу в научной и общественной среде. Ученых, писателей, историков, психологов настораживают возможные ментальные сдвиги в языковом сознании носителей русского языка, находящихся под влиянием политических, экономических, культурных измене-

ний внутри страны в связи с распадом СССР, а также мирового процесса глобализации. По мнению В. Г. Костомарова, в пылу изобретательства в речи нередко снимаются этические и эстетические табу [55]. Для прежде табуированных репрезентаций носители русского языка подыскивают новые (не всегда оправданные) средства языкового воплощения.

Обеспокоенность общества состоянием языка, современной русской речи и культуры носителей языка в целом заставила государство на рубеже XX–XXI вв. вмешаться в ситуацию и объявить о ряде серьезных проектов, направленных на охрану языка и совершенствование речевых практик. В число особо значимых мер вошло создание в 1995 г. Совета по русскому языку при Президенте (затем при Правительстве) РФ, разработавшего федеральную целевую программу (далее ФЦП) «Русский язык» (действовала до 2010 г.); принятие в 2005 г. Закона о государственном языке РФ; создание и издание на протяжении ряда лет серии нормативных словарей русского языка (действие ФЦП) [28].

Предпринимаемые государством меры отвечают динамике языкового развития, обусловленной системными преобразованиями внутри языка (действием внутренних законов системности, аналогии, традиции, экономии речевых усилий, антиномий) и общественным влиянием на него. Ученые отмечают подвижность языковых норм, деформацию стилистического баланса, лингвистическую экспансию англоязычного мира, смешение устного и письменного дискурсов, жаргонных и нормативно-литературных разновидностей языка, а также неписаную легализацию сквернословия и некоторые другие негативные тенденции [121; 137]. Например, в противовес прежнему стилистическому членению языка неcodифицированные типы речи начинают квалифицироваться как новые или особые разновидности языка [121; 94]. Строго нормативное публичное общение испытывает ослабление официальности, «разрешая» неверные ударения и неуклюжие сочетания.

Вместо тщательного выбора слов говорящие прибегают к словотворчеству, использованию просторечия и жаргонов. Наблюдается масштабное огрубение речи [21; 51; 55]. Избыточность бранной лексики в речевых практиках, толерантность к инвективам, по мнению В. И. Жельвиса, практически лишили смысла словарную помету «нецензурная» [41].

Важно, что перечисленные особенности современного этапа развития русского языка и речи не столько новы, сколько интенсивны в своих проявлениях, а потому, по мысли Н. В. Юдиной, слишком заметны [137]. Они требуют регулярных мероприятий по воздействию на язык и его носителей как со стороны авторитетных кодификаторов (Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН, Института лингвистических исследований РАН и др.), так и со стороны образованной части общества, профессионально и компетентно переносящей языковые нормы из словаря в речевую деятельность.

Коммуникативные сферы влияния на состояние языковых норм

Речевое творчество, новое осмысление языковых возможностей и их игровое использование наиболее заметны в СМИ, рекламе, неформальном общении (или стилизации под него), в том числе в интернет-коммуникации.

В эпоху реформ СМИ переориентировались на публичное живое общение (ток-шоу, пресс-конференции, круглые столы, публичные беседы, неотредактированные интервью), когда приватный статус многих тем и средств их репрезентаций сменился на публичный. По наблюдениям ученых, уже не письменный, а устный (не всегда литературный) язык узурпировал позиции в сфере публичной общенациональной коммуникации, а использование Интернета стимулировало активизацию ненормативных или по-особому стилизованных письменных текстов [75].

СМИ более чем за полвека превратились в источник языковых норм, потеснив русскую литературу. С позиции активных процессов ученые признают за СМИ ведущую роль в развитии современного русского языка.

Прагматичность СМИ состоит в целевой установке донести информацию до максимально широкой аудитории и привлечь ее на «свою» сторону. Адресность СМИ заключена в ориентации на «усредненного» адресата и, соответственно, в сниженной языковой «планке» [75]. Как писал М. В. Панов, если в 1960-е гг. «норма — это запрет», то теперь «норма — это выбор...». Она советует взять из языка наиболее пригодное в данном контексте ... в соответствии с целями и условиями общения [83]. И этот выбор на сегодня стал очень свободным.

Язык СМИ, взаимодействуя с устной разговорной речью, влияет на изменение отношения к литературной норме. Публичность спонтанной и неподготовленной речи, близкой неформальному общению, желание осовременить речь за счет новообразований формирует новый «языковой вкус» молодого поколения и современников в целом. В дни национального траура реципиенты воспринимают как должное теги типа «официальный представитель Минобороны России генерал-майор И. Е. Конашенков назвал карикатуры французского журнала Charlie Hebdo на авиакатастрофу Ту-154 “натужной гадостью...” или... “испражнениями на бумагу” от “двуногих” из Charlie Hebdo» [172]. Не удивляют распространенные на телевидении сочетания, называющие новые и актуальные предметы и явления: *черные риэлторы, оранжевые революции, ночные бабочки* (о женщинах), *пластиковые деньги, здоровое тщеславие, нездоровый цинизм, железнодорожное зодчество* (о куполе храма, обустроенного в железнодорожном вагоне), *духоподъемное видео* [107]; а также нетрадиционные формы множественного числа типа *капитальные ремонты, языковые неряшливости* и др. Приемные родители сейчас не только усыновляют, но и *уматеряют*, а дети посещают вместо музыкальной *пианистическую школу*. В серьезной

публицистике используются окказиональные *всеодобренищина*, *вриокультура*, *газетозавры* [134], *медицинизм* *фальсификаторов* («медицина» + «цинизм») [131]; в речи политиков — *межстранные проекты* [24], а также отпрецедентные неологизмы, например, *Кадровый голод не тетка* от *Голод не тетка*. Новообразования призваны прямо или образно передать суть явления, отношение к нему, обратить на себя внимание.

Нестабильность языковых норм проявляется в фактах распространения языковых нарушений и неустойчивых форм в разных коммуникативных сферах. Примеры игнорирования норм, безграмотности и варварских трансформаций единиц языка демонстрирует в интернет-коммуникации так называемый «олбанский» язык (язык падонкаф), общение в игровых чатах и пр. Например, использование в ролевых интернет-играх усеченных слов: *био* от *биография*, *перс* от *персонаж*; композитов: *главгад* от *главный гад* в значении «главный отрицательный персонаж» [218], *длиннопост* от *длинный пост* в значении «большое по объему игровое сообщение» (из переписки игроков); разного рода сращений: слово с сопутствующим наложением морфем *плóхорошó* в значении «неоднозначно, странно (о неуравновешенном психологическом состоянии)» (из переписки игроков); аббревиатур: *ИМХО* в значении «по моему мнению» (от англ. *IMHO* — *In My Humble Opinion*), *ГоТ* в значении «Игра Престолов» (от англ. *Game of Thrones/GoT*), *ПЛуО* и *ПЛуП* в качестве переводных вариантов названия серии романов Дж. Мартина «Песнь льда и огня» или «Песнь льда и пламени» и др. В живых игровых чатах чрезвычайно сильно действие закона речевой экономии. По мнению участников, обычным и привычным для них являются сообщения типа «в ЦЛК 25хм нид ппал, пвар, рдру, хант, демон от 6 к гс», что значит «в группу из 25 человек в игровую зону повышенной сложности «Цитадель Ледяной Короны» необходимы следующие персонажи: паладин в специализации «защита», воин в специализации «защита», друид в специализации «лекарь», охотник, чернокнижник в специа-

лизации «демонология»». Очевидно, что даже «развернутый» текст является «кодовым» и не совсем ясен тем, кто «не в теме». По мнению игроков, «развернутый» текст не удобен для динамичного чата в силу большого объема и дополнительных усилий по его написанию и прочтению, в результате чего создаются столь ущербные с позиции языка тексты.

Установка на оригинальность активно проявляет себя в рекламных текстах, демонстрирующих большое количество новообразований. Например, *телевизация* или *цифровизация* страны, *телевизованная* страна, *согревашки* (в рекламе магазина обогревателей и тепловентиляторов), *такиесптичкой* (в рекламе кондитерских изделий) и др.

Отступления от кодифицированных средств языка объясняются установкой на оригинальность, оживление речи и ее эмоциональное восприятие. Однако неединообразие нормы в отдельных случаях может быть связано с расхождениями в словарных презентациях языковых единиц. Например, бездефисное написание слов *водноэнергетический*, *горноартиллерийский* в Орфографическом словаре и дефисное *водно-энергетический*, *горно-артиллерийский* в словаре-справочнике Б. З. Бучиной, Л. П. Калакуцкой «Слитно или раздельно» (подробнее см. [121]). В авторитетном «Орфоэпическом словаре русского языка» под ред. Р. И. Аванесова [82] в парах *догово́р* и *дб́говор*, *[д'э]кан* и *[дэ]кан* вторые варианты отмечены как допустимые, а варианты *редакторы* и *редактора* даны в качестве равноправных. Однако в кратком словаре «Давайте говорить правильно!» 2008 г. [23] авторы предлагают единственное правильное употребление *догово́р*, *редакторы*, *[д'э]кан*, относя иные варианты к неправильным (подробнее см. [22]). Н. С. Валгина в качестве примера подвижной нормы приводит слово *беспредел*, которое, будучи единицей уголовного жаргона, раньше не включалось в словари литературного языка, а с 1990-х гг. появилось в Словаре С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой с пометой «разговорное» [21].

Ученые отмечают колебания разноуровневых языковых норм в речевых практиках. Например, в сфере акцентологии это процессы смены ударения в глагольных формах среднего и женского рода: вместо наоснóвного ударения в формах среднего рода типа *звáло* и нафлексивного в формах женского рода типа *звалá* (по так называемой старшей норме) используются формы *ждалó*, *звалó* либо *жда́ла*, *звáла*. В морфологии это ослабление формального противопоставления падежей [121], ведущее к развитию аналитических качеств языка. В лексике это развитие новых значений и (или) изменение сферы употребления. Новое функционирование демонстрируют слова *проговорить*, *обговорить* в значении «обсудить» (*Необходимо проговорить этот вопрос на совещании; Обговорим это позднее*), слово *озадачить* в значении «поставить (перед кем-нибудь) какую-либо задачу» (*Главное — озадачить подчиненных, чтобы не болтались без дела*), слово *подвижки* в значении «сдвиги, изменения» (*Произошли подвижки по Югославии*) [59], слово *кинуть/кидать* в значении «обмануть/обманывать», ставшее общеизвестным слово *лох* с прежде очень узкой сферой употребления [28]. В словообразовании это активизация средств, прежде редко или узко востребованных, например, в отглагольных словах типа *мочилово*, *кидалово*, *вязалово*, *отдыхалово*, *зажигалово*, *бухалово*, *гулялово*, восходящих преимущественно к жаргону; в разговорных словах на «английский манер» типа *тусейш(е)н*, *расписейш(е)н*, *конспирейш(е)н*, *отказейш(е)н*, *согласейш(е)н* или *магазининг* (вместо *шопинг*), *профессиональный пельменинг* [110], *подаркинг* — «выбор подарков», *пробинг* (вместо *кастинг*), *яхтинг* — «активный вид водного спорта, прогулки на небольшом судне», *повсеместный мусоринг* — «разбрасывание мусора», *тряпочкинг* — «использование тряпок для протирания чего-либо», *клавиатуринг* — «набор на компьютерной клавиатуре» и др.

Приведенные примеры представляют собой многочисленные новообразования, востребованность которых подтверждает факт успешного функционирования новой стилистики, зна-

чений, сочетаемости языковых единиц, словообразовательных моделей, отступающих от привычных явлений нормы и тем самым экспрессивизирующих речь.

Кроме влияния эпохи нестабильность норм связана также с отсутствием в ряде случаев необходимых теоретических решений в лингвистике, например, в такой консервативной сфере, как орфография (выбор строчных и прописных букв в случаях *Президент* и *президент*, *Фонд* и *фонд* и пр.). Отсутствие однозначности в теоретическом освещении тех или иных языковых фактов позволяет «процветать» субъективному фактору в их интерпретации, когда говорящий (пишущий) хочет в языковом знаке отразить свое отношение к называемой реалии, игнорируя языковую норму.

Резюмируя, подчеркнем два тезиса.

1. Активные процессы в языке и особенности речи в постсоветском обществе связаны с новым осмыслением языковых возможностей и их игровым использованием в разных сферах коммуникации, особенно в СМИ, рекламе, неформальном и интернет-общении. Речевое творчество представляет собой предмет многочисленных исследований, лексикографических процессов, постепенно находит отражение в новых словарях и лингвистических справочных изданиях.

2. Творческое отношение к средствам языка и иным элементам культурного фонда нации, значительный субъективный фактор в создании или выборе средств репрезентации, отсутствие в отдельных случаях исчерпывающей теории объясняют нестабильность норм и делают необходимым на уровне государства и филологического сообщества принятие тех решений и рекомендаций, которые позволили бы минимизировать расхождения в справочной литературе, обеспечив единообразие норм.

К вопросу о языковых изменениях

Новации в лексике, семантике, словообразовании, грамматике, стилистике, соотношении функциональных стилей и речевых жанров, в стереотипах речевого поведения отражают состояние русского языка с позиции его эволюции. Как пишет А. Д. Шмелев, языковые изменения и изменения условий функционирования языка — это не одно и то же. Современная лингвистика нуждается в критериях разграничения языковых изменений и текущих новаций (подробнее см. [28]).

О. А. Лаптева к наиболее «кризисным точкам» в системе языка (речи), подверженным изменениям, способным вызывать их или влиять на них, относит ряд явлений, нуждающихся в научной разработке. Во-первых, необходимость выявления речевого (языкового) феномена (узуса), в пределах которого осуществляется варьирование, приводящее к изменению в языке. Во-вторых, обязательность учета воздействия культурно-речевых факторов на состояние нормы и системы. В-третьих, создание новой теории факторов, влияющих на изменения в языке (прежние, например принцип экономии усилий, социальные и психологические факторы, свобода говорящего, преодоление традиции, стремление к упрощению и другие, в современной теории уже не считаются факторами языковых изменений). В-четвертых, необходимость изучения соотношения языковой и речевой системности, условий для возникновения в узусе новых оппозиций и позиций нейтрализации различительных признаков (прежде неизвестных языковой системе речевых синонимов и омонимов). В-пятых, выявление и описание оппозициональных отношений, наблюдаемых в фактах быстрой смены возможностей сочетаемости языковых элементов (любого языкового уровня) в речевой цепи [64].

О «точках роста», затрагивающих отношения между языковыми единицами и ведущих к перестройке определенных участков языковой структуры, пишет Л. П. Крысин в заключении

к коллективной монографии 2008 г. «Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков». В качестве явлений, свидетельствующих о начале глубоких процессов в русском языке, Л. П. Крысин приводит тенденцию к вытеснению беспредложных форм управления предложными (в рамках более общего процесса — роста аналитизма в языке); изменения в течении фонетических процессов, в просодических свойствах слова и высказывания; семантические изменения в лексике, свидетельствующие о появлении новых синонимических, антонимических и иных парадигматических отношений между словами (членами тех или иных тематических групп), новых семантически соотносительных лексических пар и рядов. Различные причины (лингвистические, коммуникативные, социальные) вызывают процессы переосмысления и переоценки говорящими определенных разрядов лексики, что само по себе указывает на перестройку отношений между единицами словаря [121].

Значимой «точкой роста» Л. П. Крысин считает также изменение отношения общества к языку. С одной стороны, засорение языка ненужными иноязычными заимствованиями, жаргонной лексикой, ненормативными выражениями, не всегда оправданное креативное словообразование и игнорирование норм, с другой — внимание образованных и социально активных слоев к данным процессам.

По мнению А. Д. Шмелева, фактором изменений языка следует считать необходимость модифицировать имеющееся нормативное лингвистическое описание того или иного явления языка: произносительных норм, словообразовательных моделей, семантики, сочетаемости, грамматических свойств, стилистической окраски каких-либо лексических единиц и др. К изменениям А. Д. Шмелев относит, например, исчезновение начального звука [j] в словоформах *им* и *их*; кодификацию нового управления вместо старого (*смириться с чем* вместо *смириться перед кем/чем*); изменение стилистической окраски слов (слово

показуха перестало быть ярко просторечным). В сфере лексической семантики к изменениям можно отнести семантическое калькирование, при котором заимствованное слово помимо «основного» значения со временем перенимает из другого языка и иные производные значения. Например, слово *деликатный* (от фр. *delicat* — «нежный, тонкий; вкусный; хрупкий; щекотливый; впечатлительный; тактичный; прихотливый») в русском языке первоначально сузило значение до оценки тактичного поведения человека, но со временем под влиянием английского языка «расширило» значение, реализуясь в сочетаниях *деликатная ткань* или *деликатная стирка*. В сфере заимствований изменениями следует считать лишь те случаи, которые обозначают новые явления, не имеют готового русского названия, т. е. заполняют лакуны в русской лексике. К изменениям А. Д. Шмелев относит нарушение традиционной концептуализации явлений в русском языке. Так, время суток в русской языковой картине мира выделяется относительно человеческой деятельности, а в западноевропейских языках больше связано со стрелками на часах. А. Д. Шмелев считает, что в речи незнакомых людей пожелания *Хорошего вам дня* или *Хорошего вечера* или приветствие *Доброе утро* (например, со стороны продавцов или сотрудников банков) с позиции русского этикета кажутся неестественными и воспринимаются как неуместное вторжение в частную жизнь адресата. В данном факте А. Д. Шмелев усматривает замену концептуализации времени суток в русском языке на другую, близкую к западноевропейской модели [28].

В то же время А. Д. Шмелев не относит к языковым изменениям, например, сниженные, грубо-просторечные выражения в газетных текстах, менее частое использование обращения *товарищи*, иноязычные заимствования наряду с аналогами в русском языке. Эти явления на современном этапе активны, но их оценка с позиции языка и общества осталась прежней. Ученый считает, что отношение к сниженным средствам в сравнении с газетами советского периода не изменилось, что

меньшая встречаемость когда-то универсального обращения *товарищи* — это не факт изменений в речевом этикете, а лишь следствие меньшей роли коммунистической власти в обществе, и наконец, что многие заимствования сегодня избыточны в русском языке [28].

Таким образом, не все описываемые особенности функционирования языка в речи есть факты изменения русского языка. Это, скорее, свидетельства интенсивного творческого отношения к языку и культурному фонду, нового характера экспрессивности и выразительности и их широкой репрезентативности в публичной речи. «Неформальные» репрезентации самого широкого круга предметов речи навеяны экстралингвистическими влияниями, общественными и культурными изменениями (например, в отношении к языку и этикету), вмешательствами извне в нашу ментальность и языковую картину мира. Для теории языкового развития сегодня чрезвычайно важно решение проблемы разграничения случаев творческого использования потенциала языка при прежнем традиционном отношении к нему и явлений, представляющих собой изменения в языке или ведущих к ним.

Значение дисциплины

«Активные процессы в современном русском языке» для формирования специалиста

Освоение дисциплины «Активные процессы в современном русском языке» опирается на ряд положений и знаний относительно состояния языка. К базовым из них можно отнести представление о языке как многоуровневой системе, о стилевой и стилистической дифференциации языка и новых явлениях в данной сфере. Специалисты (редакторы, издатели, журналисты, переводчики и пр.) должны знать о смене источников формирования литературной нормы (средства массовой ин-

формации вместо классической литературы), об утрате нормой прежней жесткости и однозначности и ее приспособляемости к ситуациям общения. При квалификации явлений, решении вопросов вариантности важно разграничивать собственно языковые вопросы и вопросы речевой практики [21].

Данные знания позволяют специалисту развивать наблюдательность при чтении и редактировании современных текстов, сопоставлять языковые явления, видеть и понимать явления расшатывания норм литературного языка, размышлять при оценке способов и средств выражения мысли при сниженной протокольности и этичности речи в разных коммуникативных сферах.

Изучение процессов помогает специалисту сориентироваться в выборе современной словарной и справочной литературы, позволяющей наиболее компетентно решать вопросы выбора с учетом современных активных процессов в языке и речевых тенденций. Для профессионального совершенствования специалисту важно иметь представление о факторах авторитетности, актуальности изданий, доступности извлечения информации из них, что отвечает запросам современной редакторской практики.

К факторам авторитетности изданий относятся: официальное одобрение Министерством образования и науки РФ, Правительством РФ (например, приказ № 195 от 08.06.2009 Министерства образования и науки РФ, узаконивший перечень грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации); утверждение профильными государственными научными организациями и их подразделениями (Академией наук СССР, Советом Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Институтом лингвистических исследований РАН, Орфографической комиссией РАН), а также их упоминание в прикнижных библиографических списках изданий, имеющих гриф выше-

названных организаций; авторитетность авторов, рецензентов, издательств. Подчеркнем, что для специалиста основным при выборе справочного издания выступает фактор утверждения Российской академией наук, высшими государственными органами. Вот почему Свод правил русской орфографии и пунктуации 1956 г. (утвержден Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР), не удовлетворяя в полной мере критерию актуальности (современности, оперативности, полноты и пр.), является до сего дня действующим и обязательным для исполнения.

Авторитетность издательства также является важным фактором выбора. Так, главный редактор портала «Грамота.ру» В. М. Пахомов советует в качестве источников норм русского языка использовать издания книжных серий «Словари XXI века» (издательство «АСТ-Пресс Книга») и «Библиотека словарей “ЭКСМО”». Однако ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН Л. И. Кругликова считает, что крупные издательства («АСТ», «Астрель», «Олма-Пресс», «Эксмо-Пресс», «Белый город») зачастую руководствуются при подготовке справочных изданий по русскому языку принципом извлечения прибыли в ущерб их содержанию. Например, издание в «Эксмо-Пресс» однотомника «В. И. Даль. Толковый словарь русского языка. Современная версия» (2002 и последующие годы) с большим количеством изъятых словарных статей, значений, информации энциклопедического характера, пословиц и поговорок потеряло авторский дух, присущий прежнему словарю [162].

К факторам актуальности справочных изданий следует отнести их нормативность, т. е. соответствие действующим языковым нормам, и новизну словарных материалов, отражающих современный этап развития языка и тенденций в нем. С этим в профессиональной деятельности связано предпочтение словарей последних лет издания при условии наличия в них помет «испр.» и (или) «доп.».

Существенным фактором выбора справочного издания является доступность извлечения информации. Суть данного требования заключена в прозрачной структуре и удобной организации справочного материала, обеспечивающих быстроту и безошибочность поиска и квалификации явления, а также в наглядности иллюстративного материала.

Резюмируя, подчеркнем, что знания о системности языка и происходящих в нем активных процессах, об обновляющемся словарном и справочном фонде принципиально важны для профессиональной деятельности специалиста, повышения и поддержания уровня его языковой компетенции. Умения и навыки, полученные в процессе изучения современных языковых тенденций, способны обеспечить квалифицированную и качественную редактуру текста и расширение сферы откорректированного общения в коммуникативном пространстве в целом.

Контрольные вопросы и задания

Примечание. Ответы на вопросы предполагают работу с материалом лекции, с современной научной литературой (обязательны ссылки на источники).

1. Охарактеризуйте внешние факторы влияния на развитие языка.
2. Приведите примеры мобильности языка на современном этапе.
3. Назовите меры государства по охране и развитию языка на рубеже XX–XXI вв.
4. Перечислите признаки изменений в языке.
5. Назовите имена ученых и их работы об активных процессах в языке.
6. Охарактеризуйте влияние СМИ на развитие языка.

7. Приведите примеры расшатывания языковых норм на современном этапе существования языка.
8. Раскройте суть знаний о языке, принципиальных для специалиста в сфере редакционно-издательской деятельности.

Темы докладов (презентаций)

Примечание. В подготовке доклада могут участвовать два человека.

Реформы русского языка (от Петра I до наших дней): меры государства по охране и развитию языка.

Глава 2.

Причины изменений в современном русском языке

ВОПРОСЫ ТЕМЫ

1. Язык как саморазвивающаяся знаковая система. Внутренние законы и внешние факторы развития языка.
2. Принципы социологического изучения языка.
3. Языковая норма, ее признаки и виды. Принципы кодификации нормы. Историческая изменчивость нормы. Варианты нормы и речевые ошибки.
4. Словари и общество.

Язык как саморазвивающаяся знаковая система.

Внутренние законы развития языка

Языковая система динамична в силу действия внутренних законов и внешних (социальных) влияний. К внутренним законам развития языка относятся законы системности, аналогии, традиции, экономии речевых усилий, антиномий.

Закон системности (открыт Ф. де Соссюром) проявляется во взаимодействии всех языковых уровней. Сбой в одном звене знаков (морфем, слов, словосочетаний и т. п.) может привести в движение рядом стоящие звенья и всю цепь в целом. Например, сокращение количества падежей в русском языке (с девяти до шести) вынудило оставшиеся падежи взять на себя функции «исчезнувших» падежей (звательного, количественного и др.) и связанных с ними значений. Данный процесс вызвал рост аналитизма в синтаксическом строе языка, при котором функция падежной формы стала определяться позицией слова в предло-

жении, см.: *Мать любит дочь; Окно было открыто и Я открыл окно* (при одинаковых формах слов разные функции в предложении). Многочисленны случаи влияния изменений семантики слова на его синтаксические связи и даже форму и обратного влияния новой синтаксической сочетаемости на изменение значения слова (его расширение или сужение). Например, расширение границ функционирования глагола *париться* в жаргонном значении «переживать о чем-либо, по поводу чего-либо» вызвало к жизни новую парадигму управления «париться по поводу чего-либо, о чем-либо, из-за чего-либо, от чего-либо» вместо привычной «как, где, чем, сколько времени». См.: *Харри никогда не парился от того, куда его поставят в следующий раз* (из телекомментария о спортсмене-футболисте). В речи стремление к более точному смысловому выражению может влиять на выбор формы сказуемого. Например, сказуемые в форме женского рода при названиях должности, профессии в форме мужского рода, обозначающих женщину, являются частотными, хотя демонстрируют формально-грамматическое несоответствие, см.: *Спецкор обратилась с вопросом* (очевидно). Не редки ненормативные сказуемые в форме множественного числа при подлежащих типа «много + имя существительное», см.: *Много потерь будут нами пережиты*. Очевидно, что кодифицированные системные случаи в речи подвергаются разного рода новациям, при критической массе которых возможны существенные изменения в системе языка и норме.

Закон языковой традиции заключен в стремлении языка к стабильности, в сдерживании инновационных процессов и действия других законов. Например, традиционное правописание *жи, ши, ча, ща*.

Закон языковой традиции нередко действует вопреки объективному положению вещей и избирательно трактуется кодификаторами, что отражено в словарях, официальных справочных предписаниях. Например:

1) при общей тенденции переноса ударений на корневую часть в личных формах многих глаголов (*варить* — *váришь*,

ва́рит; мани́ть — ма́нишь, ма́нит) по аналогии с традиционными *включи́ть — включи́шь, включи́т, вручи́ть — вручи́шь, вручи́т* кодификаторы сохраняют формы *звони́т, звоня́т*;

2) традиционная форма *носков* сохраняется, хотя для слов *валенки, сапоги, боты, чулки* нормативными давно признаны формы *валенок, сапог, бот, чулок*;

3) традиционны многочисленные исключения из правил орфографии, например, наречие *с панталыку* пишется отдельно, хотя должно иметь слитное написание, если образовано от существительного, исчезнувшего из употребления.

Закон языковой традиции обеспечивает постепенное регулирование новаций в языке и речи и минимизирует проявления хаоса в данной сфере.

Закон языковой аналогии проявляется в уподоблении одной формы языкового выражения другой, т. е. в выравнивании форм в произношении, ударении, отчасти в грамматике. Закон подрывает традицию и мотивирует создание по аналогии новых форм. Например:

1) по аналогии с формами *читать — читаю, бросать — бросаю* появились формы *полоскаю* (вместо *полощу*), *махая* (вместо *машу*), *мяукаю* (вместо *мяучу*), по аналогии с формами *читать — читает, бросать — бросает* появились формы *капает* (вместо *каплет*), *внимает* (вместо *внемлет*), что влияет на переход глаголов из одного класса в другой;

2) по аналогии с глаголами *полнеть* от *полный*, *умнеть* от *умный* А. И. Солженицын создал глагол *сильнеть* («В круге первом»), хотя в нормативных словарях его нет;

3) по аналогии с формами множественного числа *зва́ли, рва́ли, спа́ли* глагольные формы женского рода прошедшего времени в речи часто демонстрируют наосно́вное ударение типа *зва́ла, рва́ла, спа́ла* в отличие от традиционного нормативного нафлексивного ударения *звалá, рвалá, спалá*;

4) большинство терминов на *-ия* имеет ударение на конечной части (*ишеми́я, гиперто́ния, аллерги́я, терапи́я* и др.), некоторые

из них — двоякое ударение (*индуст́рия, эпилéпсия, кули́нария*); в терминах на *-гра́фия, -ция, -ма́ния* нормативным является ударение внутри основы (*фотогра́фия, флюорогра́фия; индексáция; англома́ния*); однако в словах на *-гра́фия, -ма́ния* (например, *флюорография, наркомания*) в речи, особенно в профессиональной, нередко фиксируется неправильное ударение по аналогии с терминами на *-ия*.

Закон языковой аналогии, с одной стороны, способен обеспечить единообразие языковых явлений, с другой — является источником многочисленных речевых ошибок, которые не принимаются кодификаторами.

Закон речевой экономии (экономии речевых усилий, наименьшего усилия) отвечает ускорению темпов жизни общества и позволяет то или иное значение передавать новыми, более компактными формами. Примерами действия закона служат:

1) замена одних форм именительного падежа единственного числа на другие: *грузин* вместо *грузинец*, *осетин* вместо *осетинец*;

2) доминирование нулевого окончания в формах родительного падежа множественного числа у ряда классов слов: *грузин* вместо *грузинов*; *грамм* вместо *граммов*; *апельсин, помидор, мандарин* вместо *апельсинов, помидоров, мандаринов* и т. п.;

3) замена словосочетания словом: *электропоезд* вместо *электрический поезд*, *зачетка* вместо *зачетная книжка*, *гречка* вместо *гречневая крупа*;

4) замена сложного предложения простым: *Брат сказал о приезде отца* вместо *Брат сказал, что приедет отец*;

5) образование аббревиатур, в том числе приобретающих постоянную форму наименований, способных подчиняться нормам грамматики: *вуз* — *учиться в вузе* [21];

6) замена слова его частью (обычно усеченной основой): *хор* вместо *хорошо*, *инфа* вместо *информация* в устной речи или в интернет-общении;

7) увеличение содержательной нагрузки на согласных за счет «выбрасывания» гласных из слов, словосочетаний и даже пред-

ложений; например, в интернет-общении знакомых людей формы *с нг* вместо *с новым годом*, *спс* вместо *спасибо*, *крч* вместо *корооче*, *сдр* вместо *с днем рождения*, *чтв* вместо *четверг*, *пжлст* вместо *пожалуйста* и др.

Закон речевой экономии чрезвычайно активен в речи (особенно в неформальной сфере коммуникации), пополняя словарный запас большим количеством новообразований.

Закон антиномий заключен в языковых изменениях, возникающих в результате борьбы противоположностей: говорящего и слушающего, узуса (обычаев употребления) и возможностей языковой системы, кода и текста, асимметричности языкового знака, информационной и экспрессивной функций, письменной и устной форм языка.

1. Антиномия говорящего и слушающего обусловлена различием в интересах коммуникантов (собеседников или читателя и автора): говорящий заинтересован в упрощении высказывания, слушающий — в упрощении восприятия и понимания. Например, аббревиатуры в силу компактности удобны для говорящего или пишущего, однако в силу ограниченного функционирования понятны далеко не каждому. См.: в сфере спорта — *СК* и *спортивный клуб* (в иной профессиональной сфере — Следственный комитет), *ФКР* и *Федерация Кекусинкай России*; в сфере высшего образования — *ИГНИ* и *Институт гуманитарных наук и искусств*, *ЯДО* и *Язык делового общения* (название учебной дисциплины). Лаконичность объявления *Пары в ГУКе* устраивает «опытных» студентов, так как не нарушает понимание, и ставит в тупик первокурсников, не сразу понимающих, что *занятия проходят в главном учебном корпусе*. Аббревиатуры могут быть эмоционально нейтральны, наращивать эмоциональные значения (например, в силу звукобуквенного сходства с другими словами) или терять эмоциональные значения развернутых наименований. Аббревиатура *ЯДО* (от названия учебной дисциплины *Язык делового общения*) в студенческой среде ассоциируется со словом «яд», т. е. «учебный предмет, отравля-

ющий жизнь студента, не рассчитывавшего изучать лингвистическую дисциплину в техническом вузе». Название института *ИГНИ (Институт гуманитарных наук и искусств* в структуре УрФУ) в сознании сотрудников вуза связывается с отрицательными эмоциями, так как созвучно со словами *гнать, гнуть*: повальные сокращения профессорско-преподавательского состава, разрушение (слом) сложившейся системы образования в угоду чиновникам, функционерам от образования, преследующим не всегда благие цели. Ср. с русскими фразеологизмами *гнуть в бараний рог* («принуждая, безжалостно подавлять, притеснять кого-либо»), *ломать через колено* («заставлять кого-либо делать что-либо против воли, своих убеждений, не по зову сердца»). Помимо воздействующей силы ассоциативных значений аббревиатуры в своих прямых значениях могут быть менее эмоционально значимы, чем их развернутые эквиваленты. Аббревиатура *вуз* сегодня так же привычна и обыденна, как и слово *школа*. Однако развернутый эквивалент *высшее учебное заведение* затрагивает душу сколько-нибудь амбициозного человека, понимающего суть превосходной степени прилагательного *высший* и свою принадлежность к данной (элитарной) среде.

2. Антиномия кода (набора языковых единиц) и текста (употребления языковых единиц в связной речи) проявляется в том, что увеличение кода (количества языковых знаков в системе, т. е. фонем, морфем, слов, синтаксических единиц) влечет за собой сокращение текста и наоборот. Это значит, что чем больше языковая система имеет готовых языковых единиц для выражения тех или иных объемных понятий (развитый код), тем больше возможностей для лаконичной речи. Если кодовых знаков недостает, содержание приходится передавать описательно, т. е. увеличивать текст.

К примерам действия антиномии относятся:

1) однословные и описательные номинации родственников, см.: *деверь* — брат мужа, *шурин* — брат жены, *золовка* — сестра мужа и др.; некоторые из однословных номинаций, например

свекор, свекровь, тесть, теща, зять, сноха, продолжают быть общепонятными и активно функционировать; другие (как в приведенных парах) менее употребительны и используются реже описательных названий, в результате чего увеличивается длина текста, ср.: *мой шурин* и *брат моей жены*;

2) термины и их дефиниции (употребление термина без его толкования делает текст короче), см.: «аббревиатура» и «существительное, состоящее из усеченных слов, ...»;

3) иноязычные слова и их русские переводы в виде словосочетаний, см.: *круиз* — морское путешествие, *сюрприз* — неожиданный подарок, *брокер (маклер)* — посредник при совершении сделки (обычно при биржевых операциях) [21].

3. Антиномия нормы и системы, узуса и системы представляет собой борьбу трех сущностей: системы, нормы и узуса. Система языка понимается как совокупность возможных способов и средств выражения в национальном языке. Норма представляет собой совокупность правил отбора таких способов и средств выражения, принятых в данном обществе в данное время и признаваемых большинством говорящих (норма реализует не все возможности системы языка). Узус — это использование языка в разных речевых практиках.

Возможности системы языка шире того, что разрешает литературная норма, и по-особому проявляются в том, что закреплено в узусе. Свидетельством действия антиномии служит языковое творчество детей, писателей, участников неформального общения и др.

Соотношение нормы и системы в узусе может быть тройным. Во-первых, это может быть соответствие норме и системе. Во-вторых, это нарушение нормы при использовании возможностей системы. Например, краткое причастие *задизайнено* [<https://www.artlebedev.ru/everything/>] от *задизайнить* (от *дизайнить* — от *дизайн*) создано по действующей словообразовательной модели типа *запудрено* от *запудрить* (от *пудрить* — от *пудра*), но, как и производящий глагол, отсутствует в нормативных сло-

варях. В-третьих, это нарушение нормы и системы, например, прилагательное *тощаковая* (*моча*) в речи медиков образовано от несуществующего слова *тощак*, чего не должно быть в системе [60].

Борьба нормы и возможностей языка (практики) связана с единицами разных языковых уровней. Например, русская фонетическая система допускает сочетания мягких задненебных согласных с последующим /о/: [к'о], [г'о], [х'о]. Однако в современном русском языке норма отвергает словоформы типа *берегет*, *жгет*, несмотря на их частотность в речи; признает единичные словоформы с [к'о]: *ткешь*, *ткет*; слова с [х'о] вообще не встречаются. Между тем, носители русского языка в случаях заимствования слов с такими звуко сочетаниями готовы произносить их без звуковых замен и артикуляционных запинок [84].

Грамматическая система также демонстрирует многочисленные примеры борьбы нормы и возможностей языка. Например, система разрешает образовывать форму 1-го лица единственного числа от всех глаголов, а норма запрещает такую форму от глаголов *победить*, *убедить*, *пылесосить*, *дерзить* и некоторых других (ср. с нормативными *наслежу*, *огорожу*, *разбужу*). Между тем, в обывденной речи и в телерекламе фиксируются ненормативные грамматические формы *пылесошу* или в детской речи *побежу тебя* (во время настольной игры). Так называемые двувидовые глаголы — типа *атаковать*, *использовать*, *мобилизовать* — в языке не имеют нормативных видовых пар. Однако в просторечии и в литературной речи еще в первой половине прошлого века встречались формы *атаковывать*, *использовывать*, *мобилизовывать*, *организовывать* и т. п. Несмотря на их нелитературность, только некоторые из них остаются ненормативными (*использовывать*), а некоторые вполне привычны и в устной, и в письменной речи (*организовывать*, *мобилизовывать*) [60] и даже фиксируются в нормативных словарях. В современных СМИ встречаются довольно многочисленные

некодифицированные пассивные причастия прошедшего времени от переходных и даже непереходных глаголов совершенного и несовершенного вида типа *полюбленный, ис坎анный, поступленный* или причастия будущего времени типа *пожелающий, сделавший, прочитавший* (...*И лишь случайно на него наткнется музыкант или писатель, **пожелающий** оживить эти пергаменты и свитки*) [121]. Система разрешает общую именную группу в определенном падеже при глаголах с одинаковой моделью управления (*покупать и разводить страусов*) и запрещает ее при разноуправляющих глаголах. Практика позывает, что разговорная речь и язык СМИ нарушают данный запрет (*разводить и заботиться о страусах, любить и мечтать о море*). Норма не принимает форму единственного числа *джинсы* от имени существительного группы *pluralia tantum* *джинсы* или форму компаратива *одиначе* (или *одиначе*) от имени прилагательного *одинокый*, но возможности языковой системы позволяют достаточно свободно образовывать эти формы.

Борьба нормы и возможностей языка наблюдается и в такой стабильной сфере лингвистики, как орфография. Неоднозначность правила слитного-дефисного написания иноязычных сложных имен существительных без соединительной гласной позволяет существовать и дефисному, и слитному написанию слов (*люля-кебаб, ноу-хау, папье-маше, пресс-папье, но бейстроганов, метрдотель, нотабене, прейскурант*). Непоследовательность правила написания *и/ы* узаконивает одно написание после русских приставок и другое — после иноязычных (*предынфарктный, но постинфарктный*). В односложных именах существительных с основой на *-ий* в форме предложного падежа в окончании по правилу должна писаться буква *и*, но все чаще на письме встречается окончание *е* (*о Лие, о змие, о кие*) [121]. При тенденции к несклоняемости географических названий на *-ин (о), -ов (о)* (типа *Пушкино, Бутово, Шереметьево*) их формы в речи продолжают быть вариантными [21] (см. у М. Ю. Лермонтова: ... *помнит вся Россия про день Бородина*).

На рубеже веков антиномия узуса и системы, по мнению Е. В. Какориной, стала менее динамичной и разрешается в пользу языковой системы. Связано это с преодолением таких внешних факторов, как бурный этап перестройки и постперестройки и на фоне этого этапа массовое привлечение в узус разнообразных языковых ресурсов, нуждающихся в срочной адаптации в системе языка [121].

4. Антиномия плана содержания и плана выражения (асимметричность языкового знака) основывается на двусторонней природе языкового знака, т. е. наличии значения (плана содержания — ПС) и формы (плана выражения — ПВ).

Асимметричность языкового знака заключается в отсутствии равновесия между ПВ и ПС на каком-то этапе существования знака. Например, не все слова в русском языке имеют необходимые грамматические формы для выражения задуманного содержания. Так, у слова *мечта* нет формы родительного падежа множественного числа, а содержание «одна мечта, другая мечта, и еще мечта, и пр.» есть и нуждается в выражении. Для глагола *сбыться* трудно подобрать нормативное производное существительное, сохранившее глагольное значение результативности, итоговости. Несмотря на потенциальную возможность слова *сбытие*, оно не является нормативным, лаконичным и выразительным для говорящих, стремящихся передать нужное значение в выразительной, оригинальной и лаконичной форме. В результате время от времени приходится говорить или слышать просторечно-шутливое пожелание «сбычи мечта», которое, нарушая языковую норму, стремится преодолеть асимметричность языкового знака (в приведенных примерах неполные грамматические и словообразовательные парадигмы).

В плане развития лексической семантики асимметричность языкового знака проявляется в том, что значение стремится к более точным средствам выражения (новым знакам), а знак — к развитию новых значений. Так, в явлении синонимии схожий ПС имеет несколько ПВ, стремящихся к дифференциации

значения слова-идентификатора и развитию новой семантики (врач — доктор — лекарь — эскулап). Примером изменения значения слова, мотивированного асимметрией знака, может служить слово *белье*. Будучи образованным от прилагательного *белый*, оно имело значение «Изделия из тканей, чаще всего некрашенных, служащих нижней одеждой, а также для разного рода хозяйственных надобностей». Существовал баланс между ПС и ПВ слова. Со временем белье стали красить в разные цвета и слово стало собирательным для *большого* количества означаемых (ПС). Появились сочетания *красное белье, черное белье, цветное белье*, стремящиеся к дифференциации прежнего значения и обусловившие конфликт между формой и содержанием (не могло быть красных, черных, цветных изделий белого цвета). Асимметричность языкового знака разрешилась после утраты словом *белье* семы «белый цвет, некрашенный» и развитием значения «изделия из тканей, трикотажа, носимые непосредственно на теле, а также изделия для бытовых надобностей».

Асимметричность характерна для существительных общего грамматического рода *сирота, забияка, зазноба, неряха и т. п.*, для названий должностей, званий, профессий в грамматической форме мужского рода (*адвокат, летчик, врач, профессор* и др.), которые при одной форме имеют два значения (называют лиц мужского и женского пола) и согласуются в форме мужского и женского рода.

5. Антиномия информационной и экспрессивной функций языка. Информационная функция реализуется с помощью стандартных языковых единиц и характерна для официальных и научных сфер общения. Экспрессивная функция реализуется с помощью новых, оригинальных средств выражения мысли и характерна для речи ораторской, публицистической, художественной, неформальной.

Лингвистика креатива свидетельствует о чрезвычайном расширении зоны творческой речи, экспрессивизации публичной речи в разных коммуникативных сферах. Например, любители

спорта, чтобы понимать фактическую информацию о состоянии игры, матча, вынуждены осваивать образные выражения спортивных комментаторов типа *гол в раздевалку* — «гол, забиваемый на последних минутах первого тайма», *играть на втором этаже* — «делать удары по мячу головой» [192]; *наколотить 21 мяч* — «забить 21 мяч» [169]; *короткая скамейка* — «маленькое количество запасных в команде» [157] и др.

6. Антиномия устной и письменной форм языка. Антиномия традиционна для языка, но характер ее в современной ситуации меняется в силу разрушения соотношения книжности (основа — письменная речь) и разговорности (основа — устная речь). Устная речь включает элементы книжности, а письменная речь использует такие принципы разговорности, как спонтанность общения, ослабление норм официального публичного общения, ослабление цензуры и самоцензуры [21].

Антиномии представляют собой внутренние стимулы развития языка, но находятся под влиянием социальных факторов.

Социологическое изучение языка.

Внешние факторы развития языка

Социологические исследования языка нацелены на изучение соотношения «язык и общество», где под обществом понимается этническая совокупность или отдельная социальная группа в этой совокупности. Сбор фактов социальной дифференциации языка, его особого функционирования в условиях социумно специфичных речевых практик и их анализ осуществляются в рамках социолингвистики.

Социолингвистика — научная дисциплина, развившаяся на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии; изучает проблемы, связанные с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмами воздействия социальных факторов на язык и той ролью, кото-

рую играет язык в жизни общества [137]. Цель социолингвистики — понять, как история общества порождает языковые изменения и как в языке отражается общественное развитие.

К методам социолингвистики относятся сбор материала (наблюдение, опросы), общенаучный метод анализа письменных источников; обработка материала, включая статистические исследования; оценка достоверности материала.

Социологические исследования языка связывают какие-либо языковые новации с общественным развитием, с наиболее активными слоями общества, участвующими в историческом формировании нормы, — с социальной верхушкой общества и массовыми демократическими слоями.

Основной принцип социологического изучения языка заключен в учете взаимодействия внутренних и внешних факторов его развития. Внутренние факторы есть действие законов в самом языке (см. выше). Внешние факторы объединяют в себе общественные процессы, не безразличные для языковых и речевых тенденций. В эпоху российских реформ на рубеже XX—XXI вв. к таким факторам относятся: создание новой государственности, социально-психологическая перестройка личности в новых условиях, изменение круга носителей языка, территориальные перемещения народных масс, вхождение в публичную жизнь носителей разных форм нелитературной речи, развитие науки, техники, распространение новых знаний, международные контакты, рост количества и влияния средств массовой информации разного качества и статуса (печать, радио, телевидение) и др. [21; 59]. На развитие языка, особенно его лексический состав, влияют также природные, географические факторы, особенности быта, осуществления трудовой деятельности и др. Например, около 100 наименований оттенков цвета снега в эскимосском языке не актуальны для языков жителей российских центральных и южных регионов. Однако большие российские территории с длинными зимами, массовые перемещения людей, экономические и другие процессы могут способствовать

проникновению в литературный язык отдельных определений снега, относительно общих для всех жителей страны. Похожая ситуация может сложиться с названиями мастей лошадей, которых в соседнем с Россией Казахстане в силу исторических и национально-региональных особенностей представлено несколько десятков [6]. В полном объеме они могут быть интересны только узкому кругу специалистов, однако активные бизнес-контакты с Россией (например, в сфере коневодства, развития конного спорта) не исключают появления наиболее актуальных номинаций в русском литературном языке в статусе новых единиц.

Совокупное действие внешних факторов влияет на языковой вкус эпохи (фактор моды), активизируя тенденции демократизации, неологизации, экспрессивизации языка. Фактор языковой моды (В. Г. Костомаров) проявляется в поиске и отборе специфичных языковых единиц, в предпочтении тех или иных вариантов репрезентации предметов речи. В лексике это активное появление новых синонимичных пар за счет новообразований внутри языка или иноязычных заимствований. Например, *подписанты* вместо *подписавшиеся*, *волнительный* — *волнующий*, *гаджет* — *устройство*, *сертификат* — *свидетельство*, *гостиница* — *отель*, *нецивилизованно* — *ненормально* и др. Многочисленные новации не всегда необходимы и ведут к нарастанию хаоса в языке [64]. По мнению русского языковеда В. И. Чернышева, высказанному более ста лет назад (в 1911 г.), стилистические мерки и вкусы существуют для известного времени и меняются так же, как меняется язык [132]. Эти изменения демонстрируют чуткую реакцию языка на внешние факторы влияния.

Языковая норма, ее признаки и виды

Языковая (литературная) норма — это совокупность правил выбора и употребления элементов языка, действующих на различных уровнях языка, т. е. принятые в общественно-

языковой практике правила произношения, словоупотребления, использования грамматических и стилистических языковых средств [118].

Данное определение отражает широкое и узкое понимание нормы. В широком смысле речь идет об узуальной норме, т. е. устоявшемся способе использования языка в речевой практике. Например, оканье в северорусских диалектах и аканье в южнорусских или устоявшиеся способы использования языковых средств в социальных или профессиональных жаргонах, где носители жаргонов с легкостью отличают чужое от своего. В узком смысле речь идет о кодифицированной норме, представляющей собой результат целенаправленного воздействия на язык [60].

Кодифицированная норма как образцовый вариант и результат нормализаторской деятельности закреплена в сводах правил, словарях, учебниках. Кодификация нормы осуществляется с учетом ряда принципов. К ним относятся: 1) верность культурным традициям, т. е. воспроизводимость тех или иных способов выражения как проявление консерватизма нормы; 2) следование законам языка, т. е. соответствие способов выражения возможностям системы литературного языка; 3) распространенность языкового факта, т. е. общественное одобрение воспроизводимых способов выражения со стороны писателей, ученых, образованной части общества; 4) авторитетность источника нормы. Ранее это была русская классическая литература, теперь — все чаще СМИ (подробнее см. [32; 21; 118]).

Кодифицированные нормы с позиции строгости предписаний принято делить на императивные и диспозитивные.

Императивные нормы — это обязательные реализации, вытекающие из структуры языка (нормы спряжения, склонения, согласования в грамматическом роде, числе и т. п.). Императивные нормы определяются как строгие, жесткие (не допускают вариантов), всеобщие. Они меняются вместе с языком, и в плане кодификации можно говорить о более или менее пол-

ном их описании [116]. В качестве примеров императивной нормы можно привести единственное правильное ударение в словах *алфави́т, сре́дства, досу́г, катало́г, при́нял* (другое ударение будет нарушением нормы); единственные формы слов *класть, их, откуда* или сочетаний *иметь значение* и *играть роль* (соответственно формы *ложить, ихний, откуда́ва, сочетания играть значение* или *иметь роль* являются ненормативными) и др.

В современных нормативных словарях случаи императивной нормы помимо единственно верного облика языковой единицы часто имеют пометы «не», «неправильно», «недопустимо», «не рекомендуется», «не употребляется» при ненормативных вариантах, например:

1) вольте́ровский [тэ];

2) гну́ть, гну, гнет, *прич. страд. наст. неуп., прич. страд. прош. гну́тый, деепр. неуп.* [82].

Диспозитивные нормы — это те рекомендации, которые даются с опорой на структуру (структурные отношения) или представляют собой следствие тех или иных теоретических или культурно-исторических предпосылок. Диспозитивные нормы уточняются, видоизменяются или отменяются при очередных попытках кодификации. Диспозитивная норма допускает выбор из вариантов в двух случаях. Во-первых, выбор из равнозначных нейтральных вариантов, например, произношение в вариантах *поро́до[чн]ый* и *поро́до[шн]ый*; мужской и женский род в вариантах *волье́р* и *волье́ра*; написание *Интерне́т* и *интерне́т* и др. Во-вторых, выбор из нейтрального и стилистически маркированного вариантов, например, ударение в вариантах *тво́рог* и *тво́рог*, *сосредото́бивать* и *сосредото́чивать*, *ра́порт* и *рапо́рт*; согласование слова *кофе* в форме мужского и среднего рода; окончания в существительных в форме именительного падежа множественного числа *редакто́ры* и *редакто́ра*. Первые компоненты приведенных пар являются нейтральными, вторые — стилистически маркированными (разговорными, профессиональными, устаревшими) [21].

В современных нормативных словарях случаи диспозитивной нормы имеют пометы «допустимо», «устарелое» (или «устаревающее»), «и», «специальное», «в профессиональной речи» и т. п., например:

1) во́семьдесят, восьмíдесяти, *тв.* восемьдóесятью **и** восьмьдóесятью;

2) вóрótца, вóрótцев **и** вóрóтец [82].

Наличие вариантов всегда есть двигатель языкового развития, которое, несмотря на неравномерность происходящих процессов, является постоянным. В диахронном аспекте развитие языка проявляется в замене одних языковых знаков другими (устаревающие заменяются новыми). В синхронном аспекте развитие проявляется в борьбе сосуществующих вариантов, каждый из которых с течением времени претендует на нормативность [21].

Варианты (или *дублеты*) — это разновидности одной языковой единицы, обладающие одинаковым значением, но различающиеся по форме. Благодаря кодификации (существующим нормам) происходит укрепление одних вариантов и ослабление (и исчезновение) других.

Варианты наблюдаются в пределах разных языковых норм:

1) произносительные варианты: *було* [ч']ная — *було* [ш]ная, *же*[н']щина — *же*[н]щина, *до*[жд']ом — *до*[ж']ом, [г]алоши — [к]алоши, *матра*[ц] — *матра*[с] и т. п.; звуковые несовпадения в некоторых корнях, приставках и суффиксах (обычно в формах, восходящих к старославянскому и исконно русскому источнику), например, *брег* — *берег*, *врата* — *ворота*, *всходить* — *восходить*, *умиротворение* — *умиротворенье*, *смирение* — *смиренье*;

2) варианты в ударении, например, *далеко́* — *далёко*, *творо́г* — *твóрог*, *ко́мпас* — *ко́мпас* (проф.), *догово́р* — *до́говор* (разг.);

3) словоизменительные варианты, например, *тракторы* — *трактора*, *в цехе* — *в цеху*, *гектар* — *гектаров* и т. п.;

4) словообразовательные варианты, например, *резание* — *резка*, *сгибание* — *сгибка*, *прошивание* — *прошивка*, *набивание* — *набивка* и т. д.;

5) формообразовательные варианты, например, *достигнул* — *достиг*, *намокнул* — *намок*;

6) синтаксические варианты, например, предложное и беспредложное управление (*ехать на трамвае* — *ехать трамваем*, *высота в 10 метров* — *высота 10 метров*); варианты беспредложного управления (*ждать самолета* — *ждать самолет*, *не могут прочесть книгу* — *не могут прочесть книги*, *два основных вопроса* — *два основных вопроса*) и др.

Убывание вариантов и появление новых — постоянный языковой процесс. В работе Т. П. Плещенко [85] представлена схема соперничества вариантов и смены норм современного русского литературного языка:

1) явление X_1 — норма, явление X_2 — за пределами литературного языка (употребляется в разговорной речи, в просторечии, в профессиональной речи);

2) сближение явлений X_1 и X_2 , явление X_2 начинает употребляться в устной разновидности литературного языка;

3) явления X_1 и X_2 употребляются наравне как варианты нормы;

4) «сдвиг» нормы: вариант X_2 вытесняет вариант X_1 , последний употребляется только в письменной речи литературного языка;

5) смена норм: явление X_2 становится единственной формой литературного языка, а X_1 находится за пределами нормы.

Как пишут авторы, по этой схеме происходило изменение окончаний именительного падежа множественного числа у слов *лектора* — *лекторы*, *фактора* — *факторы*, *смотрителя* — *смотрители*, *циркуля* — *циркули*, *ефрейтора* — *ефрейторы* и др. У подобных форм существительных норма изменялась дважды: исконным было окончание *-ы(-и)*; в последней трети XIX в. нормативными стали формы с окончанием *-а(-я)*; во второй половине XX в. снова наблюдается тенденция замены окончания *-а(-я)* на окончание *-ы(-и)* [85]. Единицы измерения физических величин в родительном падеже множественного числа в XIX в. имели окончание *-ов* (*амперов*, *вольтов*, *ваттов*); на ру-

беже XIX–XX вв. господствовала форма с нулевой флексией (*ом, ватт, кулон, ампер, эрг, герц*); теперь снова нормативны формы с окончаниями (*граммов, килограммов*), хотя в устной разговорной речи широко распространены формы с нулевой флексией.

Данная схема отражает обычный процесс смены норм. В нем на сосуществование вариантов в литературном языке влияют сферы и стили общения, социальная и профессиональная принадлежность говорящих, коммуникативные намерения (например, речь всерьез или шутя), способности переключаться с одной манеры речевого общения на иную (например, с профессиональной речи на общелитературный язык) и др. [60].

В развитии вариантности участвует тенденция стилистического размежевания вариантов на нейтральные и стилистически ограниченные. Последние включают профессиональные, социальные, территориальные ограничения, отражающие характерную локальную фонетику, акцентуацию, интонацию, словоизменение, лексику. Например, книж. *тракторы, инспекторы, прожекторы* и нейтр. или разг. *тракторá, инспекторá, прожекторá*, книж. или нейтр. *в отпуске* и разг. *в отпуску*, устар. *тропою* и нейтр. *тропой*; устар. *бойкой, широкой* и нейтр. *бойкий, широкий*; нейтр. *кóмпас* и в речи моряков *компáс*, нейтр. *разбивка* и науч. *разбиение*; в речи интеллигенции старшего поколения *по средáм, творóг, щавéль* и в речи молодого и среднего поколений независимо от социальной принадлежности *по срéдам, твóрог, щáвель*; в речи москвичей старшего поколения *ш[ы]ги, ж[ы]рá* и в речи других групп носителей современного литературного языка *ш[а]ги, ж[а]рá* и др. В речи интеллигенции Вологды, Перми, Красноярска, Тобольска и некоторых других городов наблюдается меньшая в сравнении со «столичной» нормой редукция гласных в неударных (особенно в заударных) слогах; в речи носителей литературного языка в городах к югу от Москвы встречается [ʏ] фрикативный на месте [г] взрывного; носители литературного языка Москвы и Санкт-Петербурга демонстрируют некоторые акцентные особенности и т. п. [60].

Помимо нейтральных и стилистически маркированных вариантов языковых единиц в пределах нормы Л. П. Крысин указывает также на случаи свободного и семантически обусловленного варьирования.

Свободное варьирование демонстрируют примеры твердого или мягкого произношения согласного перед [э] в некоторых иноязычных словах: *пре[т'э]нзия* — *пре[тэ]нзия*, *[сэ]ссия* — *[с'э]ссия*, *[дэ]зодорáнт* — *[д'э]зодорáнт* и т. п.; вариантного ударения, например, в слове *одновременно* на третьем или на четвертом слоге или в форме *угля́* и *у́гля*; вариантов окончаний в некоторых падежных формах, например, *в мозгу* и *в мозге* или в личных формах глагола, например, *чтят* и *чтут* и др. Подобные варианты испытывают давление со стороны нормы, стремящейся уйти от дублетов. Со временем некоторые из них останутся в литературном языке, другие уйдут в иные подсистемы.

Семантически обусловленное варьирование наблюдается в основном в случаях, связанных с историческими фактами языка. Например, флексивные варианты форм родительного падежа представляют собой наследие исчезнувших (определительного и количественного) падежей: *чая* — *чаю*, *сахара* — *сахару*, *коньяка* — *коньяку* и т. п., а флексивные варианты форм предложного падежа наследуют окончания местного и изъяснительного падежей: *[лежать] в снегу* — *в снеге* [*мало живописности*], *на самом краю* — *на переднем крае*, *в круге света* — *в своем кругу* и т. п. В ряде случаев разные окончания имен существительных в формах множественного числа именительного падежа связаны с разными значениями слов. Семантическое варьирование наблюдается, например, в лексических парах *тормо́зá* (механизм) — *то́рмозы* (в работе), *учите́ля* (в школе) — *учи́тели* (о главах учений, научных или социальных теорий), *сыновья́* (в семье) — *сыны́* (сыны Отечества) и др. [60].

Динамика соотношения вариантов неравномерна и неодинакова даже в рамках типовых явлений. Поэтому многие из них представляют собой отклонения от современной нормы и трак-

.....

туются как речевые ошибки. Но даже в таком качестве они далеко не случайны и «подсказываются аналогией или другими системными проявлениями живого языка» (А. Фрей) [33]. Ошибки (отклонения от норм литературного языка) дифференцируются в зависимости от того, на каком языковом уровне они допущены (фонетическом, лексическом, грамматическом), и конкретизируются в связи с предметом нормы. Могут быть ошибки в ударении или связанные со смешением паронимов, ошибки в употреблении деепричастных оборотов, стилистические ошибки (нарушающие единство стиля) и др.

Раздел лингвистики, который изучает тенденции развития нормы литературного языка и определяет границы между колебаниями внутри нормы и отклонениями от нее, называется *ортологией*.

Словари и общество

Словарь является проводником культуры и одновременно ключом к ней [9]. С одной стороны, словари призваны обеспечить единообразие языковых (и культурных) норм, с другой — отразить активные языковые процессы, мотивированные системой под влиянием речевых практик и широко распространенного в них неформального стиля общения.

Осознание особой роли словаря как проводника культуры и ключа к ней привело к невиданному всплеску лексикографической активности. На рубеже XX—XXI столетий были созданы словари, отразившие «новое» состояние лексической системы русского языка. Например, словари под редакцией Г. Н. Складневской: «Толковый словарь русского языка XX века. Языковые изменения» (1998), «Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия» (2005), «Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» (2006); «Толковый словарь русского языка с включени-

ем сведений о происхождении слов» под ред. Н. Ю. Шведовой (2007), «Словарь модных слов» В. И. Новикова (2008), «Словарь языка интернета.ги.» под ред. М. А. Кронгауза (2015), «Словарь трудностей русского языка для работников СМИ. Ударение, произношение, грамматические формы» М. А. Штудинера (2016), специально ориентированные: «Справочная книга корректора и редактора. Редакционно-техническое оформление рукописи, вычитка, корректура» А. Э. Мильчина (2012), «Справочник издателя и автора» А. Э. Мильчина и Л. К. Чельцовой (2014) и др.

Несмотря на лексикографическую активность и богатство обновленных словарных материалов, ученые отмечают, что привычка ориентироваться на авторитетные словари и справочники у масс населения не выработана [28]. Данное положение вещей связано, во-первых, с бессознательным отношением к языку большого количества его носителей и, во-вторых, в ряде случаев с разночтениями в репрезентации одного языкового явления в разных словарях и, соответственно, невозможностью получить однозначный ответ на интересующий вопрос.

Безразличное отношение к языку и отсутствие интереса к словарям, по мнению ученых, влечет падение языковой культуры и приводит к формированию литературного просторечия, или общего жаргона, который сегодня распространен не только в непринужденном общении жителей города, в том числе образованных, но и в печатных и электронных СМИ, ориентированных на широкую аудиторию [16]. Динамика формирования «нижнего пласта разговорной литературной речи», отражающего игнорирование или незнание литературных норм, также находит отражение в словарях, например в «Толковом словаре русского общего жаргона» О. Е. Ермаковой и др. (1999).

Интерес обывателя и специалиста к словарям может повыситься, если носитель языка при обращении к справочной литературе будет получать однозначный ответ на интересующий его вопрос. Для этого, по мнению ученых, необходимо иметь

единые принципы отражения в словарях новых явлений народно-разговорного языка, находящихся на пути к нормализации (пласт общего жаргона); исключить разные презентации языковой нормы в синхронных словарях (например, вариантное написание); разработать исчерпывающий набор стилистических помет и принципов их включения в словари. Кроме того, по мнению Н. В. Николенковой, необходимо создать систему оповещения о том, какие словари должны использоваться на современном этапе, а какие нет, что помогло бы устойчивости норм [176].

На рубеже XX–XXI вв. государство не раз предпринимало меры по развитию языка и речи. К ним относятся: закон «О государственном языке Российской Федерации» (от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ) и поправка к этому закону (от 1 июля 2014 г.) о запрете ненормативной лексики на ТВ, в кино, на сцене; многолетняя работа орфографической комиссии при Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН над новой редакцией правил орфографии и пунктуации; программа «Словари XXI века»; список грамматик, словарей, справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации (утвержден в 2009 г. Министерством образования и науки РФ; приказ от 6 августа 2009 г. № 195 прошел регистрацию в Минюсте России). Последний включает четыре словаря, подготовленные и изданные в рамках совместного проекта издательской компании «АСТ-Пресс» и Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН — «Словари XXI века»:

1) Букчина Б. З. Орфографический словарь русского языка / Б. З. Букчина, И. К. Сазонова, Л. К. Чельцова. — Москва : АСТ-Пресс, 2008. — 1288 с.;

2) Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение / А. А. Зализняк. — Москва : АСТ-Пресс, 2008. — 794 с.;

3) Резниченко И. Л. Словарь ударений русского языка / И. Л. Резниченко. — Москва : АСТ-Пресс, 2008. — 943 с.;

4) Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. — Москва : АСТ-Пресс, 2008. — 782 с.

Данный список словарей имеет официальный статус, что предписывает их использование во всех спорных ситуациях. Авторы должны аргументировать свою позицию ссылками на эти словари. Кроме того, утвержденный список может выступать базовым при создании разноаспектных словарей меньшего объема. Ценность утвержденного на государственном уровне списка словарей связана как с обеспечением единообразного написания слов в спорных случаях, так и с практической, обучающей методикой презентации словарных материалов. Например, в словарь А. А. Зализняка впервые включено приложение о словоизменении более 8000 имен собственных, а в словаре И. Л. Резниченко предложены способы запоминания ударения.

В процессе редакторской и обучающей деятельности возникает вопрос, как быть с иными авторитетными словарями и справочниками, не вошедшими в перечень. К ним относятся, например, официально действующие «Правила русской орфографии и пунктуации» (1956), «Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник» Н. С. Валгиной и др. (2006); «Русское правописание сегодня. О “Правилах русской орфографии и пунктуации”» С. Н. Боруновой и др. (2006); «Справочник по русскому языку: правописание, произношение, литературное редактирование» Д. Э. Розенталя (2007); «Русский орфографический словарь» под ред. В. В. Лопатина (2005); «Прописная или строчная? Орфографический словарь» В. В. Лопатина и др. (2007); «Орфографический словарь русского языка» Б. З. Букчиной и др. (2008); «Русский орфографический словарь» под ред. В. В. Лопатина (2012). Авторитетность данных изданий обеспечивается такими факторами, как компетентность авторов и авторских коллективов, главных научных редакторов, престиж профильных государственных научных организаций и их подразделений (Академия наук СССР,

Совет Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Орфографическая комиссия РАН), утверждающих данные издания, и др. Однако важно отметить, что, несмотря на авторитетность перечисленных изданий, не все из них способны в отдельных случаях обеспечить единообразие нормы или дать исчерпывающую информацию о ней (примеры будут рассмотрены в соответствующих темах).

В заключение темы подчеркнем следующее: динамизм языкового развития обусловлен действием внутренних законов и внешних факторов. Активная социальная дифференциация форм языка влияет на состояние языковых норм и представляет собой особый предмет лингвистического, социолингвистического, когнитивного, лексикографического изучения. Уникальную функцию основ новых теоретических изысканий и академических словарей русского языка призван выполнить проект «Национальный корпус русского языка».

Языковая политика государства регулирует проблемы, представляющие русский язык в качестве государственного, с помощью законов; утвержденных списков нормативных грамматик, словарей, справочников; специальных программ и проектов, совершенствующих теоретическую и фактическую базу лингвистики.

Контрольные вопросы и задания

Примечание. Ответы на вопросы предполагают работу с материалом лекции, с современной научной литературой (обязательны ссылки на источники).

1. Назовите положительные и отрицательные проявления действия закона языковой традиции.
2. Сформулируйте сущность действия закона языковой аналогии и назовите форму языка, наиболее подверженную действию данного закона.

3. Приведите примеры действия закона речевой экономии.
4. Приведите примеры действия закона антиномий.

Задание по теме

Подготовьте аналитическое заключение на тему «Факторы полезности словарей, справочников XXI в. для практики редактирования». На примере конкретных словарных материалов аргументируйте свое мнение о полезности словаря в профессиональной деятельности. Составьте рекомендательный список словарной и справочной литературы для редактора (не менее пяти).

Темы докладов (презентаций)

Примечание. В подготовке доклада могут участвовать два человека.

1. Проблематика дискуссии о состоянии современного русского языка.
2. Национальный корпус русского языка как явление русистики и основа современных словарей.
3. Проявления нового языкового вкуса эпохи в современных речевых практиках.

Глава 3.

Тенденции в современном русском произношении и ударении

ВОПРОСЫ ТЕМЫ

1. Активные процессы в русской фонетике.
2. Произносительная норма и явления ее динамики.
3. Акцентологическая норма и новые явления в словесной и фразовой просодии.

Фонетические процессы и тенденции в произношении

Фонетические процессы в языке консервативны. Изменения как таковые могут быть зафиксированы только при ряде условий. Во-первых, длительность действия причин, вызывающих изменения. Во-вторых, всеобщность замены одного звука другим во всех словах со схожими условиями для такого изменения. В-третьих, распространение конкретного изменения в речевой практике всех носителей данного языка или диалекта [121]. На подобные процессы влияют как внутриязыковые факторы, так и социально-эстетические (например, стремление к воспроизведению в речи графического облика печатного слова или формирование образцового произношения).

Несмотря на консервативность фонетических изменений, ученые на рубеже XX–XXI вв. отмечают ряд произносительных тенденций, сформировавшихся в результате многолетних «движений» в орфоэпическом оформлении речи.

1. Сближение написания и произношения, когда последнее стремится «повторить» буквенный (графический) облик единицы. Например:

1) отверждение согласных в позиции перед мягкими согласными (схематично $C'C' \rightarrow CC'$), см.: *лю[б']ви* и *лю[б]ви*, *я[з']вить* и *я[з]вить*, *те[м']ница* и *те[м]ница* и т. п. [121];

2) произносительные варианты с е/ё типа *блѣкнуть* → *блекнуть*, *акушѣр* → *акушер*, *белѣсый* → *белесый* и др. Отметим, что процессмены е/ё реализован в подобных случаях в разной степени, см.: *современный* — *совремѣнный* — *современный*, но *разношерстный* — *разношѣрстный* — ?, *раскаленный* — *раскалѣнный* — ?, *слезный* — *слѣзный* — ? (неравномерность процесса проявляется в разных вариантах одних и тех же слов в синхронных словарях);

3) совпадение произношения с написанием в словах *городошник*, *двурушник*, *киношник* или *коричневый*, *сливочный*, *гречневый* (вместо старомосковского произношения *кори[шн]евый*, *сливо[шн]ый*, *гре[шн]евый*); важно, что в подобных случаях расхождения написания и произношения также очень многочисленны: в словах *конечно*, *что*, *скучно*, *нарочно*, *прачечная*, *девичник*, *Никитична*, *Ильинична*, *яичница* пишем *чн*, *чт*, а произносим *[шн]*, *[шт]*; в словах *скворечник*, *булочная*, *двоечник* пишем *чн*, *чт*, а нормативное произношение имеет варианты — близкий написанию и отступающий от него и др. [21];

4) замена твердого произношения заднеязычных согласных перед окончанием в прилагательных на мягкое произношение, см.: *убог[у]й*, *широк[у]й*, *бойк[у]й*, *тих[у]й*, *строг[у]й* вместо *убог[о]й*, *широк[о]й*, *бойк[о]й*, *тих[о]й*, *строг[о]й* (последние отличали речь актеров старшего поколения МХАТ);

5) замена старомосковского твердого произношения постфикса *-ся* на мягкое: вместо *бою[с]*, *смеял[са]* распространены *бою[с']*, *смеял[с'а]*.

2. Фонетическая адаптация иноязычных слов к русскому произношению. Например:

1) прежде четко произносимый безударный звук [о] в первом предударном слоге в словах *вокзал*, *команда* стал более редуцированным и приблизился к [а] — [ъ], а в словах *поэт*, *поэ-*

зия, боа, бокал, роман продолжает сохраняться в случаях высокой стилистической окраски;

2) использование разной орфографии в случаях, когда мягкое или твердое произношение согласного имеет в слове смысловоразличительную функцию, например, в словах *мэтр* в значениях «учитель, наставник» или «почитаемый авторитет среди своего окружения» и *метр* в значениях «единица измерения» или «размер стихосложения». Е. Н. Ремчукова приводит пример из СМИ, где данное орфографическое различие нарушено, см.: *метресса моды* (о Вивьен Вествуд) [37].

3. Нивелирование территориального произношения на всей территории России. Например, стремление единообразить московское и петербургское произношение в сочетаниях [шн] — [чн], заменить южнорусский фриктивный звук [γ] на взрывной [г] и др. [21].

4. Стремление к преодолению зияния (хиатуса), т.е. сочетания нескольких гласных в пределах слова или на стыке слов, с помощью следующих приемов:

1) замена одного гласного звука соответствующим согласным, например, [и] заменяется на [j], [у] — на [в] в позиции перед ударным гласным во втором-третьем слогах, см.: *миль[jo]н*, *варь[ja]нт*, *троту[ва]р*, *риту[ва]л*;

2) вставка согласного звука (в основном йота [j] или гортанной смычки [ʔ]) между двумя гласными, например, *ди[jэ]з*, *кли[jэ]нт*, *о[ʔ]азис*, *со[ʔ]автор*, просторечные *Лари[во]н*, *ради[во]* [61].

5. Компрессия в звучащей речи. Например:

1) оглушение сонантов (*р, л, м, н*) не только после глухих согласных (как в первой половине XX в.), но и после гласных, например, сонант [р] в варианте твердого и мягкого аллофонов в словах *двор* [двор], *дверь* [дв'ер'];

2) включение коротких ненормативных слов, слов-паразитов в паузы (хезитации (речевого сбоя, заминки в речи), см. слова *типа*, *блин*, *как бы* и др.

Современные произносительные нормы фиксируются орфоэпическими словарями, отражают соотношение фонетических и фонематических вариантов (последние отражаются в орфографии). Ср.: *ноль* и *нуль*, *валериана* и *валерьяна* и др. [43].

Тенденции в ударении

Акцентологическая сфера современной речи демонстрирует процессы расшатывания нормативного ударения и формирование новых тенденций. На смену старой норме все чаще приходят явления молодой нормы, кодификация которых находит отражение в современных словарях.

Процесс кодификации акцентологических норм неравномерен. Его трудности обусловлены экстралингвистическими и лингвистическими причинами. Первые связаны с фактом звучания речи, когда нарушения спонтанно тиражируются и создают большую массу ненормативных реализаций. Вторые связаны с относительной свободой русского ударения, его спецификой в морфологических классах слов, действием закона аналогии, влиянием говоров или других языков. С позиции специфики ударения в морфологических классах слов глагол демонстрирует тенденцию к сокращению подвижного ударения, а имена существительные — тенденцию к дифференциации форм слова с помощью ударения. По аналогии с нормативными неопределенными формами глаголов *витьяся*, *носитья*, *кружиться* возникла разговорная форма *вихри́ться* (при лит. *víхриться* от *víхрь*); по аналогии с краткими формами *прíнят*, *прíнято*, *прíняты* возникла разговорная форма *прíнята* (при лит. *принятá*); аналогия с ударением в словах *лéкарь*, *пéкарь*, *то́карь* поддерживает в речи южнодиалектное ударение *бóндарь* (при лит. *бонда́рь*), а ударение в словах *лыжн́я*, *мазн́я*, *родн́я*, *резн́я*, *квашн́я* — ударение *петл́я* (при лит. *пéтля*). Вариантные ударения демонстрирует большое количество иноязычных заимствований на эта-

пе адаптации в русском языке. На вариантность здесь могут влиять разные факторы: 1) ударение в языках-источниках (лат. *индустрия́* и греч. *индуст́рия*); 2) ударение в языке-посреднике (лит. *докуме́нт* и простореч. из польского *доку́мент*); 3) ударение, близкое источнику, и ударение русифицированное (англ. *Ше́кспир* и рус. *Шексп́ир*); 4) ударение на основе действующих тенденций в похожих явлениях, например, аналогичные русским парам слов варианты корневого и суффиксального ударения в прилагательных от заимствований. См.: русские пары *гру́шевый* — *грушо́вый*, *ви́шневый* — *вишнё́вый* и похожие прилагательные от заимствований *пе́рловая белизна* (как у перла) и *перло́вая крупа*, *ла́вровый* (ботанический термин) и *лавро́вый лист*, *ло́зунговый* и *лозунго́вый*. В подобных акцентологических вариантах тенденция проявляется в доминировании суффиксального ударения в речи, однако кодифицированы могут быть как оба варианта, так и один из них.

На современном этапе общую тенденцию в русском ударении составляет стремление к *ритмическому равновесию*, когда ударение смещается к центру слова (до и после ударения находится примерно одинаковое количество слогов). Наиболее ярко тенденция проявляется в многосложных словах. Например, в прилагательных: *августовский* → *августо́вский*, *ма́льчиковый* → *мальчи́ковый*, *сча́сливый* → *счастли́вый*; в пяти- и шестисложных глаголах на *-ировать* с преимущественным ударением на «и»: *аккомпани́ровать*, *абони́ровать*, *бальзами́ровать* (в четырехсложных глаголах могут быть варианты ударения — *норми́ровать* и *нормиро́вать* или одна нормативная форма — *маскиро́вать*); в сложных словах в сравнении с производящими простыми, ср.: *зубча́тый* — *мелкозубча́тый*, *развито́й* — *малора́звитый*, *возра́стной* — *великовозра́стный*, *характе́рный* — *разнохара́ктерный*, *догово́р* — *хоздо́говор* [21].

Стремление к ритмическому равновесию как общая тенденция в современной русской акцентологии сосуществует с другой активной речевой тенденцией — *унификацией ударения*.

Наиболее частые случаи унифицированных ударений в словесной просодии включают:

1) перемещение ударения с постфикса на основу в бесприставочных возвратных глаголах прошедшего времени в форме мужского рода, например, *брался* → *брáлся*, *взялся* → *взя́лся*;

2) нафлексивное ударение в бесприставочных невозвратных глаголах прошедшего времени в форме среднего рода, например, *брало́*, *звало́*, *спало́* (раньше отличало формы женского рода; теперь иногда даже кодифицируется: форма *взяло́* в словаре идет с пометой «допустимо», а форма *дало́* приводится как равноправная с *да́ло*);

3) затухание побочного ударения в сложных и сложносокращенных словах, за исключением многосложных слов со значительным удалением основного и побочного ударения (более чем на два слога): *а́втоматистра́ль*, *а́виако́нстру́ктор*, *бо́леутоля́ющий* и т. п. [121].

Специфичное словесное ударение фиксируется в прилагательных на *-истый*, ударение которых зависит от ударения в производящих словах. Н. С. Валгина указывает на следующую закономерность: если в производящем имени ударение падает на первый слог, то в прилагательном оно с течением времени закрепляется на *-истый*, см.: *ба́рхат* — *ба́рхатистый* → *бархати́стый*, *са́хар* — *са́харистый* → *сахари́стый*, *ка́мень* — *ка́менистый* → *камени́стый*; если в производящем имени ударение падает на второй (третий) слог, то в прилагательном ударение сохраняется: *болото́* — *болоти́стый*, *обрыв* — *обры́вистый*, *сосуд* — *сосуди́стый*, *пузырь* — *пузы́ристый*.

Специфичное словесное ударение может быть связано исключительно с культурной традицией. Например, *га́млетовский*, *по́слушничество* [21].

Фразовая просодия также демонстрирует акцентологические особенности, заключенные в отчетливом разграничении в потоке речи не только слов, но и отдельных морфем и даже служебных слов. Подобную «самостоятельность» демонстрирует

акцентное выделение частиц, например, *Эта комиссия была рас-
пущена Президентом же*; конечных слогов, включающих флек-
сии, например, *Это заявляют сами депутаты*; предлогов, при-
ставок, особенно при передаче контраста: *Ты этот куст лучше
перед домом посади*. В сочетаниях предлогов и одно- или двус-
ложных существительных и числительных ударение с предло-
га часто перемещается на слово, не просто меняя акцентный
облик сочетания, но часто и его семантику, ср.: *как снег на го-
лову* и *надеяться на го́лову*, *вызвать врача на́ дом* и *тень упала
на до́м* и т. п. [40].

По мнению Р. Ф. Касаткиной, новые явления в словесной
и фразовой просодии в основном пока фиксируются в речи,
но представляют собой заметные ростки нового в развиваю-
щейся системе языка [121].

Резюмируя, подчеркнем следующие тезисы.

1. В современной русской фонетике и просодике активны
новые речевые тенденции к ритмическому равновесию, к уни-
фикации ударения в аналогичных формах, к отказу от архаи-
ки и исключений.

2. Консервативность произносительных и акцентных норм
сосуществует с новыми явлениями действия закона аналогии,
влияниями диалектных, социолектных и иноязычных форм.
Орфоэпическая и акцентологическая норма стремится к еди-
нообразию, нивелируя территориальные, культурные, ино-
язычные произносительные особенности.

3. Новые явления словесной и фразовой просодии, много-
кратно фиксируемые в речи на протяжении длительного вре-
мени, представляют собой элементы изменений в развиваю-
щейся системе языка.

4. Многочисленные проявления действующих тенденций,
их стабильность в течение долгого времени объясняют возмож-
ность их кодификации.

Рекомендуемая справочная литература¹

1. Введенская Л. А. Словарь ударений для дикторов радио и телевидения / Л. А. Введенская. — Москва : МарТ, 2006. — 352 с.
2. Зарва М. В. Русское словесное ударение. Словарь / М. В. Зарва. — Москва : Энас, 2001. — 600 с.
3. Иванова Т. Ф. Новый орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы / Т. Ф. Иванова. — Москва : Русский язык Медиа, 2005. — 898 с.
4. Иванова Т. Ф. Русская речь в эфире. Комплексный справочник / Т. Ф. Иванова, Т. А. Черкасова. — Москва : Русский язык, 2000. — 346 с.
5. Каленчук М. Л. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. — Москва : АСТ-Пресс, 2012. — 1008 с.
6. Резниченко И. Л. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение / И. Л. Резниченко. — Москва : АСТ : Астрель ; Минск : Харвест, 2007. — 1184 с.
7. Резниченко И. Л. Словарь ударений русского языка / И. Л. Резниченко. — Москва : АСТ-Пресс, 2008. — 944 с.
8. Соловьев Н. В. Словарь правильной русской речи / Н. В. Соловьев. — Москва : АСТ : Астрель : Хранитель, 2006. — 960 с.
9. Соловьева Н. Н. Как сказать правильно? Орфоэпические нормы русского литературного языка / Н. Н. Соловьева. — Москва : Оникс, 2008. — 96 с.

¹ Списки рекомендуемой справочной литературы здесь и далее не претендуют на полноту отражения современных словарей и справочников по русскому языку.

Контрольные вопросы и задания

Примечание. Ответы на вопросы предполагают работу с материалом лекции, с современной научной литературой (обязательны ссылки на источники).

1. Назовите современные произносительные тенденции. Подберите к ним примеры.
2. Назовите тенденции в ударении (в глагольном, именном, в ударении в заимствованных словах).

Задание по теме

По словарям последнего десятилетия подберите примеры вариантного произношения (возможно, написания) в следующих случаях:

- 1) [э] и [е] после твердых согласных (сравните историю употребления вариантов с данными более ранних словарей);
- 2) [е—о—е] (сравните историю употребления *е* и *ё* с данными более ранних словарей);
- 3) иные случаи.

Темы докладов (презентаций)

Примечание. В подготовке доклада могут участвовать два человека.

1. Борьба и судьба московского и петербургского произношения в свете активных процессов в языке.
2. Ударение в кратких формах прилагательных (по РГ—1980) и современная речевая практика ударений.
3. Современные орфоэпические словари русского языка (факторы новизны, особенности дефиниций и пр.).

Глава 4.

Тенденции в области русского письма (графика и орфография современного русского языка)

ВОПРОСЫ ТЕМЫ

1. Современное состояние русской графики и орфографии: влияние социальных факторов на отступления от орфографических норм.
2. Необходимость реформы русской орфографии и ее основные направления.
3. Экспрессивные возможности современной русской орфографии (использование элементов дореформенной графики, латиницы, разных шрифтов в пределах слова или словосочетания, слитное написание нескольких слов, замена буквы внутри слова рисунком и др.).

Орфография — один из важных элементов национальной культуры, это некоторый просвет, намекающий на культурное здоровье общества. Работа по упорядочению орфографии для цивилизованной страны необходима.

*В. В. Лопатин*¹ [28]

Соблюдать правописание самого автора (будь то Пушкин, или Лермонтов, или Гоголь) есть утопия, и страшно подумать, какое бы началось бедствие, если бы в текстах Пушкина была восстановлена орфография его рукописей.

*Е. В. Аничков*² [8]

¹ Владимир Владимирович Лопатин (род. в 1935) — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, председатель орфографической комиссии РАН.

² Евгений Васильевич Аничков (январь 1866 — 22 октября 1937) — российский историк литературы, критик, фольклорист, прозаик, главный редактор серии «Русские классики».

Термин «орфография» имеет два значения:

1) исторически сложившаяся система единообразных написаний, которая используется в письменной речи (в этом же значении употребляется слово «письмо»); данная саморазвивающаяся система учитывает развитие языка и практику письма;

2) раздел языкознания, изучающий и разрабатывающий систему правил, обеспечивающих единообразие написаний [138] (в этом смысле орфография/правописание — это результат нормализаторских усилий).

Из значений термина следует, что он относится и к объекту, и к его интерпретации в процессе кодификации [28].

Современное состояние русской орфографии

Письмо вне нормы немыслимо, поэтому игнорирование нормы означает размывание границ литературного языка, разрушение языка культуры [121].

На безграмотное письмо сегодня влияет целый ряд общественных и научных факторов. К ним относятся низкий уровень общей и языковой культуры общества (по оценке современников, теперь мы мало читаем), отмена цензуры; создание частных издательств, занимающихся непрофессиональным изданием словарей, содержащих орфографическую дезинформацию; отсутствие практики редактирования и шлифовки печатного и звучащего слова [46; 35; 21; 121]. Непростым в этой ситуации признается факт сосуществования абсолютно авторитетных академических и официально утвержденных нормативных словарей. К академическим словарям, рекомендованным РАН, относятся, например, словарь Н. В. Соловьева, словарь О. Е. Ивановой и др. (подробнее см. [176]). См.:

1) Соловьев Н. В. Орфографический словарь русского языка / Н. В. Соловьев. — Москва : АСТ, 2006. — 1008 с.;

2) Иванова О. Е. Русский орфографический словарь / О. Е. Иванова, И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. — Москва : АСТ-Пресс, 2005. — 960 с.

В ряд с академическими может быть поставлен большой орфографический словарь для школьников и студентов: Лопатин В. В. Учебный орфографический словарь русского языка / В. В. Лопатин, О. Е. Иванова, Ю. А. Сафонова. — Москва : Эксмо, 2006. — 1184 с.

Официально утвержденным в качестве нормативного является авторитетный словарь Б. З. Букчиной и др.: Орфографический словарь русского языка. Букчина Б. З., Сазонова И. К., Чельцова Л. К. — Москва : «АСТ-ПРЕСС», 2008. — 1288 с.

Наряду с названными словарями существует еще большое количество авторитетных словарей. Однако проблема заключается в том, что в ряде случаев синхронно существующие словари дают разные рекомендации. Так, слово *Интернет* в орфографическом словаре «Прописная или строчная?» (2007) предлагается писать с прописной буквы. Однако в орфографическом словаре 2013 г., рекомендованном Орфографической комиссией РАН, нормативными считаются оба варианта — с прописной и строчной букв. Или, например, справочная служба портала «Грамота.ру» в названиях специальностей в кавычках типа *специальность «физика»*, *«математика»* считает корректным написание со строчной буквы [145], однако в наименовании специальности с кодом служба считает нормативным написание с прописной буквы — *специальность 10.02.01 «Русский язык»* [146].

Создана ситуация, в которой действующие правила орфографии, словари, справочники, специальные интернет-службы не всегда способны ответить на вопросы практиков. Помимо заимствованных слов, которые в процессе адаптации в системе русского языка демонстрируют варианты написания (*карате* и *каратэ*), встречаются многочисленные примеры вариантности и в других случаях. Например, вариантное написание *не* с существительными, см.: *он еще не пенсионер* и *непенсионеры*

не имеют льгот; написание причастных форм и стоящих при них наречий, см.: *быстрорастущие* виды растений и *быстро растущий* ребенок [175]; написание прописных и строчных букв, см.: *Государственная Дума* и *Государственная дума*, *Президент* и *президент*; использование кавычек или отказ от них, см.: *Внешэкономбанк*, но «*Росгосстрах*»; взаимозамена дефиса и тире в словах с распространенными приложениями, см.: «*ЛУКОЙЛ-Западная Сибирь*» и «*ЛУКОЙЛ — Западная Сибирь*» и др.

Ситуация «молчания» действующих правил орфографии объясняется долгим прикладным положением орфографии в лингвистике и в силу этого недостаточностью теоретической базы для решения назревших орфографических проблем, в частности, отсутствием в отдельных случаях полных и непротиворечивых правил, работающих критериев однозначного написания, а также не всегда оперативным отражением новых материалов в справочных изданиях и др.

Помимо лингвистических причин орфографической вариативности действуют и экстралингвистические, такие, как недоверие к справочным лингвистическим интернет-порталам; следование написанию в авторитетных, в том числе иноязычных СМИ; соблюдение рекомендаций в утвержденных на государственном уровне справочниках ограниченного пользования (например, «Краткий справочник по оформлению актов федеральных органов государственной власти» 1997 г. для использования при подготовке проектов законов РФ и пр.) или тиражирование написаний в государственной базе данных Федеральной налоговой службы РФ. Проблема орфографической вариантности усугубляется здесь тем, что написание в данных источниках не всегда нормативно с точки зрения языка и соответствует официальным справочникам. На орфографическую вариантность влияет иногда стремление авторов отразить на письме субъективное отношение к предмету номинации (например, выбор прописных букв при передаче особого уважения, придания статуса и пр.).

К важнейшим признакам современного состояния русской орфографии на рубеже XX–XXI вв. ученые относят следующие изменения.

1. Новый статус орфографии как полнозначной лингвистической дисциплины. Активное внимание научного сообщества к проблемам орфографии проявилось в создании специальной орфографической комиссии при Отделении литературы и языка РАН. Научная орфографическая деятельность комиссии нацелена на решение проблем русского правописания с учетом реального опыта изучения орфографии на научной основе [35].

2. Следование таким лексикографическим принципам словарного отражения новых явлений в орфографической практике, как современность и оперативность, отказ от простого воспроизведения материалов прежних словарей. По мнению Л. П. Калауцкой, для современной орфографии как науки актуальна следующая закономерность: «явление (слово) извлекается из живого языка, оттуда попадает в словарь, чтобы ... вернуться опять в язык» [48]. Решению этой задачи способствует сегодня создание Национального корпуса русского языка (НКРЯ), представляющего собой электронное информационно-справочное собрание письменных и устных текстов разных жанров и стилей. Как заявлено разработчиками, Национальный корпус русского языка предназначен для научных исследований, обучения языку (для профессиональных лингвистов, преподавателей языка, школьников и студентов, иностранцев, изучающих русский язык), а также рекомендован в качестве иллюстративной базы при составлении академических словарей [194].

Основные принципы и направления реформы русской орфографии

Задача лингвистов в сфере орфографии заключается в том, чтобы следить за действенностью орфографических правил,

выявлять, по выражению С. И. Карцевского, «стеснительные правила» и разрабатывать научно обоснованные предложения по их изменению (принимать или не принимать эти предложения — дело общества). Решением этой задачи с 1990 г. занималась орфографическая комиссия при Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Результатом работы явилась новая редакция свода «Правил орфографии и пунктуации» (издание 2000 г. и последующие переиздания). Главный принцип новой редакции заключен в учете консервативности письма и в установке на стабильность орфографии [121].

Необходимость новой редакции была обусловлена рядом причин.

1. Появление во второй половине XX в. большого количества новых слов, написание которых оказалось нерегламентированным и вариантным. Например, слова *дилер, киллер, офшор, дефолт, риелтор* или находящиеся на грани между словом и частью слова языковые единицы *микро-, мини-, макси-, видео-, аудио-, медиа-* и другие нуждались в том, чтобы их написание было кодифицировано.

2. Неполнота отражения некоторых языковых явлений в прежнем своде правил. Например, необходимо было правило написания буквы *э* после твердых согласных либо расширение списка слов с данной орфограммой (в своде 1956 г. были указаны только слова *нэр, мэр сэр*). В сфере пунктуации насущной была регламентация оформления явлений разговорного синтаксиса.

Неполнота отражения некоторых языковых явлений была компенсирована в новом своде некоторыми новыми правилами. Например, правило письменной передачи безударных гласных в конце основы инфинитива у глаголов *морочить — vorочать, утешить — вешать, строить — таять*; правило слитного написания существительных, образованных от собственных имен, пишущихся через дефис, например, *йошкаролинцы, ореховозуевцы, ньюйоркцы*; правило написания через дефис прилагатель-

ных, образованных от сочетания имени и фамилии, например, *жюль-верновский, конан-дойлевский* и др.

3. Присутствие неточностей и непоследовательностей в прежних формулировках правил. Так, самым бездействующим правилом русского правописания ученые называют правило слитного-дефисного написания сложных прилагательных, которые непоследовательно представлены в словарях и пособиях.

Известно, что в Своде 1956 г. в основу написания сложных прилагательных был положен семантико-синтаксический принцип, согласно которому при выборе написания учитывался характер отношений компонентов в составе прилагательного: при сочинительной связи слов рекомендовалось дефисное написание (*рабоче-крестьянский, звуко-буквенный, садово-огородный*), при подчинительной связи — слитное (*железнодорожный, народнохозяйственный, естественнонаучный*). Однако уже в момент принятия свода 1956 г. это правило нарушалось и в практике письма, и в Орфографическом словаре (1956). Так, словарь предлагал дефисное написание вместо слитного в словах *жилищно-кооператный* (от *жилищный кооператив*), *сравнительно-исторический* (от *сравнительная история*), *уголовно-процессуальный* (от *уголовный процесс*) и слитное написание вместо дефисного в словах *рельсобалочный* (от *рельс* и *балка*), *торфоперегонный* (от *торф* и *перегон*), *нефтегазовый* (от *нефть* и *газ*).

В 1972 г. появился словарь Б. З. Букчиной и Л. П. Калакуцкой «Слитно или раздельно», в котором в качестве альтернативы семантико-синтаксическому принципу авторы предложили формально-грамматический принцип написания сложных прилагательных. Новый принцип учитывал наличие суффикса в первой части и его влияние на дефисное написание, например, *народно-поэтический*. Соответственно, отсутствие суффикса должно было объяснять слитное написание. На практике этот принцип не имел последовательных реализаций, и некоторые слова при наличии суффикса в первой части писались слитно, например, *цельноформленный, холодноштамповочный* и некоторые другие [121; 28].

Таким образом, сложилась ситуация, трудная для пишущих и для кодификаторов, потому что два авторитетных словаря — академический орфографический (ОС) и словарь-справочник «Слитно или раздельно» (С-Р) — давали взаимоисключающие рекомендации: *водноэнергетический, горноартиллерийский* (ОС) и *водно-энергетический, горно-артиллерийский* (С-Р). По мнению С. М. Кузьминой, в замене одного принципа другим (семантико-синтаксического — формально-грамматическим) не было смысла, поскольку написание не стало единообразным, ситуация для носителей языка не упростилась, да и сам языковой материал сопротивлялся этим принципам в случаях двойной соотнесенности сложного слова с производящими сочетаниями. Последние могли восприниматься пишущими и как подчинительные, и как сочинительные. Например, слово *государственно-монополистический* может быть образовано от подчинительного сочетания *государственная монополия* и сочинительного сочетания *государственный и монополистический, народно-языковой* — от *народный язык и народный* и *языковой, книжно-письменный* — от *книжная письменность* и *книжный* и *письменный*. Двойная соотнесенность влияет на орфографическую вариантность таких прилагательных, в связи с чем С. М. Кузьмина предлагает разрешить любое из двух написаний, пока вопрос не будет иметь окончательного теоретического решения и подобные прилагательные не пополнят сферу стабильного правописания сложных прилагательных. Например, сферу устойчивого дефисного оформления составляют сегодня имена прилагательные, обозначающие сочетания и оттенки цветов (*бело-голубой, красно-полосатый*) и некоторые другие качества (*зло-недоверчивый, крикливо-вздорный* и т. п.), отношения сторон (*англо-русский, волжско-камский*), а также имена прилагательные с основами на *-лог-*, *-граф-* и финалями *-ский, -ический*, см.: *медико-биологический, химико-технологический, патолого-анатомический* [121].

Приведенный материал позволяет говорить о нестабильности ряда орфографических зон в русском языке, о необходимости научного решения проблем, демонстрирующих борьбу нормы и узуса в современной орфографии.

Актуальные проблемы современной орфографии

Одной из важнейших проблем современного русского правописания является проблема приведения в соответствие языка и его письменности, т. е. орфографического упорядочения [35]. Существует два способа кодификации (официального закрепления норм): словарь и правила [28].

Словари необходимы, потому что современное русское письмо в основном не фонематическое и произношение расходится с написанием. Например, слово *карате* в орфографическом словаре дается с конечной *-е*, а написание в Интернете часто демонстрирует здесь конечную *-э*. Создание новых орфографических словарей с единым теоретическим подходом, принятым в филологическом сообществе, способно преодолеть нежелательную в орфографии вариантность.

Правила необходимы для процесса обучения и обеспечения устойчивости нормы (единообразного написания слов). По мнению Е. В. Бешенковой, принципы организации правил и описания языкового материала различны и зависят как от теоретической разработки актуальных вопросов, так и от языковой традиции. В результате есть правила-предписания, которые описывают весь соответствующий материал и способны обеспечить стабильность нормы. Есть правила, предполагающие в материале до половины исключений и тем самым не способные обеспечить единообразного написания. Есть правила-рекомендации, предлагающие единичные исключения, написание которых определяется по словарю [28]. Одним из примеров орфографической неоднозначности в русском языке являет-

ся написание наречий. В качестве проблем здесь О. Е. Иванова [28] отмечает словарный характер написания довольно большого количества наречий; отсутствие алгоритма правописания, при котором словообразовательно схожие наречия писались бы одинаково, см.: *немедля* и *не спеша*, *вплотную* и *в открытую*, *все-рвез* и *в шутку* (подробнее см. [104]); проблему различения терминов «наречие» и «сочетание предлогов с существительными с обстоятельственной функцией». Так, в «Правилах русской орфографии и пунктуации» (1956) [88] или позднее в «Справочнике по правописанию и литературной правке» Д. Э. Розенталя [99] говорится о слитном написании «наречий» и о раздельном написании «сочетаний предлогов с существительными». Однако в «Русской грамматике» (1980) раздельно пишущиеся сочетания типа *не видя*, *в придачу*, *на дом*, *про запас* и другие называются наречиями.

В «Правилах русской орфографии и пунктуации» (2006) для правописания наречий остается правило-рекомендация, в котором решены некоторые проблемы. Так, для всех единиц с наречной функцией используется термин «наречное сочетание», и весь материал наречных сочетаний разделен на две части: первая — написание соответствует правилу (§ 136, 137, 138); вторая — написание соответствует письменной традиции (длительному бытованию формы) и является словарным (§ 139) [28].

Как пишет Е. В. Бешенкова, для современной орфографии принципиальна однозначность правил, которая может быть обеспечена соблюдением ряда критериев.

1. Полнота описываемого материала. Например, в Правилах 2006 г. расширен круг корней с чередованием гласных, в частности, добавлены корни *-вес-// -вис-*, *-сед-// -сид-*, *-леп-// -лип-*, *-вир-// -вр-*, *-жид-// -жд-*, *-зир-// -зер-// -зр-*.

2. Безупречность формулировки правила, которая заключается в адекватности поставленной задаче и логической непротиворечивости. С позиции данного критерия желательно, чтобы правило описывало весь подходящий под заголовок материал.

Так, например, правило о правописании суффиксов *-ец*, *-иц* [100] включает более широкий материал, чем заявленный в заголовке правила. Последнее регламентирует написание не только слов с суффиксами *-ец*, *-иц*, но и слов, где этот компонент является частью другого суффикса или корня (например, *первенец*, *младенец*, *беженец*, *втузовец*, *уроженец*, *танец*). Следовательно, в формулировке, чтобы адекватно отразить весь материал, вместо слова «суффикс» правильное употребить «слова на *-ец*, *-иц*». В другом случае § 46 Правил 2006 г. посвящен написанию «*-ев-*, *-ив-*, *-лив-*, *-чив-* в прилагательных», однако речь идет только о прилагательных на *-евый*, *-ивый*, а прилагательные на *-евой* в параграфе не упоминаются.

Требование логической непротиворечивости правила призвано сделать невозможным разное написание одного и того же слова на основе разных признаков. Так, в справочнике [89] выбор *о/ё* после шипящих зависит от двух условий: наличия беглой гласной (тогда пиши *о*) или однокоренного слова с *е* (тогда пиши *ё*). Но слова *шов* и *почёт* оба имеют беглую гласную (*шов* — *шва*, *почёт* — *почтение*) и однокоренные слова с *е* (*пóшевни* — «розвальни, широкие сани, обшитые лубом, новгор.» (Даль); *почести*). Однако в одном слове учитывается первый критерий, в другом — второй.

3. Терминологическая точность формулировки. Сложность соблюдения требования связана с недостаточностью разработки терминологической базы орфографии и разной значимостью одного термина в смежных областях науки. Например, в орфографии не ясно, термин «чередование» относится к буквам, звукам или к тому и другому. Термин «суффикс» в орфографии и морфологии имеет разную значимость: в орфографии точное выделение суффикса не столь важно, как в морфологии. Например, если в «Справочнике по правописанию, произношению, литературному редактированию» [100] говорится о суффиксе *-ичк-* в словах *пуговичка*, *лестничка*, то в словообразовательных или морфемных словарях в этих словах выделяются суффиксы

-иц-/-ич- и -к- (а не -ичк-). Поэтому в орфографии вместо термина «суффикс» логичнее использовать описательное понятие «слова на...» или понятие «финаль» (как в академической грамматике), куда входит и суффикс. Термин «приставка» в орфографии и морфологии также имеет разное наполнение, так как не учитывает границы между исторически и синхронно выделяемыми приставками. Например, компонент *близ-* в справочнике Д. Э. Розенталя [100] считается корнем, а в словаре-справочнике «Русское правописание» [122] это приставка. Аргументом в пользу второй трактовки является существование предлога *близ* (см. «Вечера на хуторе близ Диканьки»), которому в слове должна соответствовать приставка, а не корень. В данном случае морфологический статус части слова важен для формулировки орфографического правила.

4. Достаточная полнота и корректность списка исключений. Академические орфографические словари около полувека сознательно сокращали круг исключений. Эта тенденция коснулась, например, бывших исключений среди слов с корнем *-зар-/-зор-*: с 1974 г. «Орфографический словарь русского языка» (13-е изд.) утвердил в качестве нормативного написание *заярка*, с 1991 г. — *заревой* (исключение — имя собственное *Зоревая пушка* в Петербурге), с 1999 г. — *заревать* в соответствии с действующим правилом [17].

5. Отсутствие неработающих критериев. Например, по существующим правилам возможно написание *поллитровый* [42] и *пол-литровый* [105], так как производящим может быть слово *поллитровка* или слово *пол-литра*. В подобных случаях недостаточно основного критерия, необходимы и иные (может, не самые важные), позволяющие сделать выбор, и эти критерии тоже должны быть отражены в правиле [28].

Резюмируя, подчеркнем, что современная орфография нуждается в правилах, обеспечивающих однозначный выбор написания и, соответственно, стабильность нормы. Такие правила должны быть адекватны поставленной задаче, непротиворе-

чивы, терминологически точны, с полным списком исключений, с рабочими основными и вспомогательными критериями выбора.

Буква ё в современном правописании

Положение буквы ё относится к одной из проблем современной орфографии. Будучи законной буквой русского алфавита, ё почти не используется на письме, за исключением случаев ее смыслоразличительного функционирования. Например, в словах *передохнем* и *передохнѐм*, *небо* и *нѐбо*, *берет* и *берѐт*, *мел* и *мѐл*, *весел* и *вѐсел*, *поем* и *поѐм*, *съем* и *сѐм*. Потенциал оппозиции *е/ё* использован на телеканале «Россия 1» в названии развлекательного проекта «Танцуют все». Для игровой интриги и передачи многозначности название проекта не раз звучало как *Танцуют всѐ*, чтобы к значению «всеобщее увлечение» добавить значение «высочайший профессионализм артистов, исполняющих танцевальные композиции в разных стилях и жанрах». Буква ё содержится в 12 500 слов, незаменима в именах и фамилиях (например, в именах иностранных студентов в российских вузах, см. имя *Ёкубаджон*), в географических названиях. Пренебрежение буквой ё в антропонимах и топонимах чревато появлением ошибок, юридических казусов (при заполнении паспортов, свидетельств о рождении, оформлении наследства и в ряде других случаев), что является нарушением прав человека.

Отказ от буквы ё на письме имел начало в типографской деятельности в конце XIX в., когда набор точек над буквой требовал дополнительных усилий и материальных затрат. Сейчас при компьютерном наборе и верстке наличие в тексте буквы ё не ведет к удорожанию печати, и, следовательно, статус необязательной, факультативной буквы должен быть снят с буквы ё. По мнению ученых, возвращение буквы в письменные тексты должно рассматриваться как условие юридической четкости и однозначности написанного, прочитанного и понятого [133].

Усиление экспрессивной функции средств письма

На современном этапе усиление экспрессивной функции средств письма является активным процессом, отражающим рост личностного начала в письменной форме языка. Авторская орфография, намеренное отступление от орфографической нормы, графические особенности письменного оформления текстов используются как способы передачи особого отношения к предмету номинации, приемы игры и эпатажа.

По мнению Т. М. Григорьевой, к наиболее заметным в сфере графики и орфографии относятся следующие экспрессивные возможности.

1. Использование элементов дореформенной графики. Среди «возвращенных» букв лидирует буква **ѣ** (прежде указывала на твердость согласного), в меньшей степени используется литера **і** (в основном во фразеологизме «поставить точки над і»). Старые буквы встречаются в факсимильных и репринтных воспроизведениях дореформенных изданий; в переиздании старых поздравительных открыток (*Съ Рождествомъ Христовымъ.*!); в возрожденных названиях дооктябрьских периодических изданий (газета *Коммерсантъ*); в рубриках или фрагментах современных периодических изданий (*Архивъ русской революции*, *Биржевые Вѣдомости*); в научно-популярных лингвистических изданиях, где имена прошлых реалий под иллюстрациями (не в словнике) даются в старой орфографии (подробнее см. [30]); в названиях телепередач (*Русский миръ*, *Кинематографъ*); в текстах современного города: *Банкъ*, *Трактиръ*, типография *Печатный дворъ*, издательства *Азъ* в Москве и *Глаголъ* в Санкт-Петербурге, ресторан *ЧЕХОВЪ*, музыкальная группа *Ва-банкъ* и др.; в наименованиях гастрономических изделий (*славянский супъ*).

Современное «возрождение» дореформенного правописания есть знак новизны (и экспрессивизации), однако включение элементов дореформенной графики в современные тексты часто является безграмотным [35].

2. Совмещение латиницы и кириллицы в так называемых «русско-латинских гибридах» или целых текстах, см.: названия песен *Африки* [79], *Прогноз погоДы* [66]; строчка из песни *Love-love, лови, будто бы рыбу fish!* [19]; названия предприятий *BANK* и *БАНК*, *AIRFLOT* и *АЭРОФЛОТ*; рубрика *ДОМ КУЛЬТУРЫ* в молодежном журнале «Бумеранг» и др.

3. Использование разных шрифтов, прописных букв внутри слова, позволяющее комплексно решать эстетические, коммуникативные и смысловые задачи. Например, в названии киоска куриных продуктов *МирКурий* (Екатеринбург) легко узнаются слово *Меркурий*, а также словосочетания *мир курей* и *мир курий* (т. е. куриный). В названии «спрятано» нарушение грамматической, орфографической, акцентологической, стилистической норм, что не может не привлекать внимания носителей языка. В названии фирменного мороженого *Жириновский в Шо-КоладЕ* (компания «Ледяной дом», Пенза) внимание привлекает как имя широко известного харизматичного политика (дополненное видеорядом), так и использование прописных букв внутри слова, задающих множественную интерпретацию названия. Последняя поддерживается неологизмами «кто-то в шоколаде» (успешен во всем) и «кто-то в шоке» (озадачен, удивлен).

4. Разбиение слов на слоги и нередко отделение их друг от друга орфографическими, пунктуационными или иными (заимствованными из иноязычной культуры) знаками. Например, в названии песни Д. Арбениной *Зву-чи!* [80]. В объявлении *Тре! Бу! Ет! Ся!* восклицательные знаки после каждого слога «предписывают» прочтение слова как четырех восклицательных предложений, что передает настоятельность «требования». В названии магазина хозяйственных товаров *У!Дачный магазин* (Екатеринбург) постановка восклицательного знака в слове позволяет передать как несколько значений (*удачный*, т. е. хороший во всех смыслах; *дачный*, т. е. предназначенный для дачников, огородников, садоводов и пр.), так и подчеркнуть оценочную составляющую в семантике новообразования.

5. Слитное написание нескольких слов, например, название молодой рок-группы *ЗаНаМи* (образована в 2010 г.) или одного из театров Москвы *черное НЕБОбелое*, творчество *черного НЕБАбелого*.

6. Замена буквы внутри слова рисунком (пиктографемика). Явление характерно для рекламных текстов, названий городских объектов. Основу замен составляет схематическое сходство между графическим обликом буквы и сферой называемого или рекламируемого предмета. Например, вместо буквы **А** на вывеске *ЗАМКИ* использован ее рисуночный эквивалент в виде замочной скважины, в слове *КАНЦТОВАРЫ* — в виде циркуля, в слове *КУЛИНАРИЯ* (название магазина) — в виде треугольного кусочка торта; в названии магазина *БОЛЬШИЕ ЛЮДИ* вместо буквы **Л** изображены брюки; в названии парикмахерской вместо буквы **Х** используются раскрытые ножницы; в слове *МОРОЖЕНОЕ* буква **Ж** символизирует снежинку и т. д. Особый размах для художественного творчества дает буква **О**, предоставляя для рисунка свою удобную круглую площадку [35].

Итак, основные тезисы о современном состоянии русской орфографии заключаются в следующем.

Русская орфография представляет собой самостоятельную дисциплину, нацеленную на решение проблем орфографической вариантности и обеспечение единообразного представления схожих явлений в синхронных словарях.

Борьба орфографической нормы и узуса, сопротивление языкового материала нуждаются в упорядочении за счет исчерпывающих, непротиворечивых, терминологически точных правил правописания.

Русское письмо под влиянием внешних факторов демонстрирует расширение сферы экспрессивного функционирования собственных средств.

Рекомендуемая справочная литература

1. Букчина Б. З. Орфографический словарь русского языка / Б. З. Букчина, И. К. Сазонова, Л. К. Чельцова. — Москва : АСТ-Пресс, 2008. — 1288 с.
2. Валгина Н. С. Русский язык. Орфография и пунктуация. Правила и упражнения / Н. С. Валгина, В. Н. Светлышева. — Москва : Неолит, 2000. — 414 с.
3. Глинкина Л. А. Иллюстрированный словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII—XIX веков / Л. А. Глинкина. — Оренбург : Оренб. кн. изд-во, 1998. — 280 с.
4. Иванова О. Е. Объяснительный русский орфографический словарь-справочник / О. Е. Иванова, Л. К. Чельцова, Е. В. Бешенкова. — Москва : АСТ-Пресс, 2015. — 592 с.
5. Лопатин В. В. Учебный орфографический словарь русского языка / В. В. Лопатин, О. Е. Иванова, Ю. А. Сафонова. — Москва : Эксмо, 2012. — 1184 с.
6. Мудрова И. А. Словарь современного русского языка. Строчная или прописная? / И. А. Мудрова. — Москва : Центрполиграф, 2010. — 320 с.
7. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. — Москва : АСТ-Пресс, 2009. — 432 с.
8. Розенталь Д. Э. Большой справочник по русскому языку / Д. Э. Розенталь. — Москва : Мир и Образование, 2015. — 1008 с.
9. Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке / Д. Э. Розенталь. — Москва : Айрис-Пресс, 2016. — 368 с.
10. Чумаков В. Т. Словарь употребления буквы Ё//Вместо ё печатать е — ошибка / В. Т. Чумаков. — Москва : Народное образование, 2005. — С. 137—320.

11. Шелякин М. А. Объяснительный словарь непроверяемых орфограмм русского языка / М. А. Шелякин. — Москва : Флинта: Наука, 2009. — 320 с.

Рекомендуемые справочные электронные ресурсы

1. Словари/Яндекс//Яндекс.Каталог. — URL: <http://bit.ly/2y5x16T>. — Загл. с экрана.
2. СЛОВАРИ.РУ/ИРЯ РАН, Словари.ру. — URL: <http://slovari.ru>. — Загл. с экрана.

Контрольные вопросы и задания

Примечание. Ответы на вопросы предполагают работу с материалом лекции, с современной научной литературой (обязательны ссылки на источники).

1. Дайте толкование термина «орфография».
2. Сформулируйте основные проблемы современной орфографии.
3. Назовите основные принципы и направления реформы русской орфографии.
4. Раскройте суть критериев хорошего орфографического правила.
5. Назовите способы усиления экспрессивной функции средств письма.

Задание по теме

Подберите примеры вариантного орфографического оформления. Проанализируйте их отражение в современных словарях.

Темы докладов (презентаций)

Примечание. В подготовке доклада могут участвовать два человека.

1. Новые словари и справочники по русской орфографии.
2. Изменения в орфографии, внесенные в новую редакцию «Правил орфографии и пунктуации» (по данным справочника (2000 и следующие годы издания) и научной литературы).
3. Проблемы орфографии, которые не решены в новой редакции «Правил орфографии и пунктуации» (по данным научной литературы).

Глава 5.

Тенденции в словообразовании современного русского языка

ВОПРОСЫ ТЕМЫ

1. Основные тенденции в современном словообразовательном процессе.
2. Рост агглютинативных черт в структуре производного слова.
3. Специализация словообразовательных средств. Рост именной префиксации. Активизация аббревиации и способов компрессии. Изменение круга производящих основ.

На рубеже XX–XXI вв. специалисты отмечают лавинообразное появление новых производных слов, что объясняется динамичной жизнью общества и «неспокойным» языковым развитием в период реформ. Повышенная потребность языкового коллектива в словообразовании проявляется в создании не просто новых слов, но целых словообразовательных гнезд [125].

Тенденции процесса словотворчества отражают сдвиги в картине мира современников, подчеркивают ее нестабильность, текучесть, возросшую языковую рефлекссию. Для словотворчества сегодня характерно сложное соотношение стандартно и субъективно передаваемых значений, типичного и индивидуально-своеобразного, для чего целенаправленно выбираются те или иные словообразовательные модели [76].

Результаты языковой рефлексии, предпочтений или игнорирования возможностей языка и лингвокультурного потенциала наблюдаются в ряде особенностей современного словообразовательного процесса, обзор которых представлен ниже.

Высокая степень отпрецедентности производных единиц

Данная особенность словообразовательного процесса отражает взаимодействие языковых единиц, текстов в общей цепи речевых практик [76]. Отпрецедентные новообразования связаны с таким качеством прецедентности, как потребность в сиюминутном творчестве на базе знакомых текстов, актуальность творчества «здесь и сейчас» [63]. Трансформации известных текстов востребованы в разных сферах коммуникации, но особенно частотны в шоу, рекламе, неформальном общении. Например, в студенческих граффити: *Дед Маразм и придурочка*, *На безбабье и лягушка — царица*, *Есть еще ... ягоды в ягодицах*; в реплике *Не прыгай, как стрекозел*; в монологе М. Задорнова *наблюдашки и размышлисты* [74], в разговорной речи *пенсермен и пенсервумен* (о пенсионерах) и др.

Прецедентными постепенно становятся социально значимые слова эпохи (например, *модель, обвал, беспредел, тусовка, крутой* и др.), выступая активными производящими для новых производных и новой сочетаемости, например, *модель года, супермодель, фотомодель; обвальное падение рубля, процесс пошел обвалью; беспределщик, беспредельничать; тусоваться, тусовочный образ жизни, тусня, тусовщик, рок-тусовка, кинотусовка; крутой прикид (продюсер, текст), крутая разборка (электроника, газета), крутые шины для крутых русских, крутость как состояние души (крутость как лихость, бесшабашность) и др.* [21].

Активизация креативного словообразования

Суть процесса заключена в реализации креативной, эстетической, эмотивной и апеллятивной функций языка [96]. Результатом выступают многочисленные окказиональные и потенциальные слова. Например, *ветировать* от *вето* [1]; *читабельный, носибельный, диссертабельный* (по аналогии с привычным *опе-*

рабельный); просторечные *пофигизм* и *пофигист*, новые молодежные *нашизм* и *нашист* (созданные в противовес известным *фашизм* и *фашист* по аналогии с названием молодежного движения «Наши» в рамках партии «Единая Россия») и др.

Креативное словообразование чрезвычайно востребовано в таких публичных сферах речетворчества, как СМИ, телекоммуникация, а также в неформальной коммуникации и в художественной литературе. Окказиональные и потенциальные слова фиксируются в заголовках и подзаголовках статей, например, при заголовке *Дорогая теща* подзаголовок *Родина вождя мирового пролетариата переквалифицируется в центр тещеведения и зятелогии* [27]; в речи тележурналистов, например, *рублепровод*, *бомжатник*; в деловой речи, например, *на рынке сейчас **повышательная** тенденция* [170]. Многочисленные телепрограммы переносят на экран стиль и средства выражения мысли из живой речи, например: *майдаун* [26], *грибные ногти* (ногти, пораженные грибом) [123], *телевизация страны* и *самая **телевизованная** страна* (в телерекламе). Сфера неформальной коммуникации творчески «перерабатывает» узнаваемые средства языка (лексику, модели образования, прецедентные единицы и др.), создавая окказионализмы, см.: в студенческих граффити *очковытирательство*, *безразвратно*, *негееспособен* и др.

По наблюдениям Е. Н. Ремчуковой, наряду с креативным словообразованием на современном этапе активно **креативное формообразование**. Например, в названии одной из рубрик журнала «Антенна» — *Пошучено*, в заголовке статьи — *Укуситель и укусомый* [29], в студенческих граффити — *Не зная **падежов** — не говори **глупостей**, Утро вечера **бодунее/похмелее***, в речи участника телепрограммы — *Он был **ламповей** Магомаева* (в значении «выше, престижнее, известнее, круче», несмотря на закрепившееся в молодежной среде новое значение слова *ламповый* «уютный, милый») [92] и др.

Для художественной литературы актуально «возвращение форме ее активного характера» [109] через новое осмысление

словообразовательных возможностей. Например, в стихотворении О. Арефьевой «Кот и хвост» внимание концентрируется на разнообразии суффиксов (в том числе малопродуктивных в литературном языке), присоединяемых к одним и тем же лексическим корням и позволяющих передать одно содержание при разных стилистических регистрах субъективных оценок (подробнее см. [76]). См.: *Бежит кот, задрал хвост. Бежит котик, задрал хвостик. Бежит котейка, задрал хвостейко. Бежит котишка, задрал хвостишко. Бежит котец, задрал хвостец. Бежит котяра, задрал хвостяру. Бежит котифан, задрал хвостифан. Бежит котяндрик, задрал хвостяндрик. Бежит котяус, задрал хвостяус. Бежит котенч, задрал хвостенч. Бежит котян, задрал хвостян. Все куда-то бегут* [10].

Рост случаев неопределенности знака

Данная особенность наблюдается в размывании границ между морфемами, словами, грамматическими формами и классами, словом и предложением. Например, зыбкие межчастеречные границы в выделенном слове в поэтической строчке *Я **достоевский** мальчик* (А. Цветков), в названии социальной сети в интернете *вконтакте* (в разных вариантах использования строчных и прописных букв, кириллицы и латиницы), в рекламном названии кондитерских изделий *такиесптичкой*, в названии человека *улыбай* (человек, который улыбается). Разговорные слова на «английский манер» *тусейш(е)н, расписейш(е)н, конспирейш(е)н, отказейш(е)н, согласейш(е)н* в одной и той же форме могут выступать в качестве и имен существительных, и глаголов, см.: *Там была прикольная тусейшн, Мы собираемся на тусейшн* (синоним «тусовка»), *В субботу идем тусейшн* (синоним «тусоваться»); *Встретимся у расписейшн* (синоним «расписание»), *Мы быстро расписейшн и пошли к гостям отмечать наш брак* (синоним «расписаться») и т. п.

Только контекст подсказывает здесь частеречную принадлежность слова.

Аналогичные процессы происходят с некоторыми иноязычными заимствованиями, распространенными в молодежном интернет-общении и разговорной речи. Например, слова *ЛОЛ*, *ИМХО* (в разных вариантах использования строчных и прописных букв, кириллицы и латиницы), представляющие собой результат аббревиации от английских сочетаний *Laughing Out Loud* — «громко хохотать, смеяться вслух» и *In My Humble Opinion* — «по моему скромному мнению» или в русском ироничном толковании «Имею Мнение Хрен Оспоришь». Эти новообразования демонстрируют лексико-грамматическую диффузность. Например, в тексте *Гыыы, лол! Ваш постинг привел меня к бурному эмоциональному подъему* [167] выделенное слово может быть воспринято и как междометие, и как имя существительное в позиции обращения; в тексте *Эта история просто лол!* — и как имя прилагательное в значении «очень смешная, забавная», и как имя существительное в значении «просто смех» в предикативной функции; в текстах *Ты лол что ли?*; *Не пара* (в значении «занятие длительностью в два учебных часа в вузе»), *а лол какой-то* — как имя существительное в разных значениях (название-характеристика человека «дурак» и характеристика предмета «сплошное развлечение, смех» соответственно); в тексте ... *я тут просто лол под стол медленно уползаю* — как глагол в значении «умираю со смеху или смеюсь до смерти» (из личной переписки студентов в социальных сетях, орфография и пунктуация сохранены). Контексты со словом *ИМХО* из Национального корпуса демонстрируют не меньшее лексико-грамматическое разнообразие, см.: *На мое личное ИМХО, ... — лучше уж сказать: «Спасибо»* [183] — имя существительное в значении «мнение»; *Эти чернила не хуже оригинала, но это только ИМХО* [158] — именное сочетание в значении «мое субъективное мнение», или слово категории состояния в значении «субъективно», или глагол *кажется*; *Имхо, лучше с такой скоростью не ездить*

на отечественных машинках... [182] — глагольная предикативная основа в значении «я считаю», «я уверен».

Приведенный материал представляет собой новое явление речи и языка и отражает процесс формирования синкретичных по лексико-грамматической и синтаксической природе классов слов. Единицы последних активно функционируют в интернет-общении, в разговорной речи, в рекламе. При перспективе остаться в языке надолго они со временем «прояснят» свои грамматические особенности: либо найдут свои ниши в традиционных классах слов, либо будут переживать свою историю в языке, подобную истории слов категории состояния, в конце концов отделившихся от наречий.

Изменение характера новых именований, их экспрессивности при использовании прежних способов, типов и средств словообразования

Результаты данного процесса отличает пограничное положение новых единиц по отношению к литературному языку или положение за его пределами (в просторечии, жаргонах); оценочный и часто пейоративный характер репрезентаций (отрицательно оценочный, неодобрительный, порицательный, ироничный, презрительный); востребованность в качестве производящих основ разного рода заимствований, иноязычных и социолектных в пределах русского языка. Например, распространённые в молодежной среде *хакнуть* от *хакер*, *лайкнуть* от *лайк*, *ксерить* от *ксерокс* или отпрецедентные произведения *Бронетемкин «Поносец»*; *Идет качок, бычается*; *Гражданский сирюльник*; *Объединились Пежо и Опель и получился Пежопель*; *Главное качество таракана — целеустремленность*. Наследуя семантику производящих основ и развивая оригинальную, новообразования обычно репрезентируют сложные образы, которые не обязательно коррелируют с реальностью. Во многих слу-

чаях новообразования демонстрируют игровую нацеленность словообразовательного процесса, интенсивность протекания которого отличает современный этап развития языка.

Активизация отдельных моделей и способов словообразования

Тенденция объединяет целый ряд словообразовательных процессов.

1. Высокая продуктивность интернациональных латинских и греческих суффиксов и приставок, единиц английского языка. Например, *квазирынок*, *супербогач*, *постсоветский*; *референдум*, *референдумный*; *сантабарбаровщина* и др. Английское слово *gate* стало словообразующим для целой лексической парадигмы с общим значением «крупный политический скандал», см.: *Ирангейт*, *Израильгейт*, *Панамгейт*, *Кремлегейт*, *Соросгейт* [21; 137].

Кроме иноязычных средств активизировались внутриязыковые словообразовательные модели. Например, суффикс *-ант* для обозначения лица: *подписант*, *амнистант*, *реабилитант*, *эксплуатант*, *отъезжант*, *выезжант*, *номинант*; бессуффиксные образования (преимущественно в разговорной речи, просторечии, жаргоне), например, отглагольные слова, а также их сочетания: *отлов*, *выгул*, *выпас*, *прикид*, *напряг*, *закуп*, *подклад*, *обжиг*, *подогрев*, *быть в отпаде*, *полный отпад*, *схлопотать принуд*, *иметь хороший прикид*; отадъективные формы: *наив*, *серьез* (ср.: *на полном серьезе*), *интим*, *беспросвет*, *нал*, *безнал*, *афган*, *неформал*, *инфантил*; термины: *термояд*, *негабарит*, *конструктив*, *криминал* и др. [21].

Словообразовательную активность проявляют новые или прежде редкие словообразовательные модели, имеющие ограниченную сферу употребления, например, в студенческих граффити *Замутиссимо*, *накуриссимо*, *приколиссимо* и *неспалиссимо*;

Ну а завтра снова экономик и декан...; в уголовной среде и речи полицейских, обязанных понимать речь «оппонентов», отглагольные слова типа *мочилово, кидалово, вязалово* и др.

В качестве **производящих** сегодня активны иноязычные слова, социально значимые слова, стилистически сниженные слова. Их семантика отражает политические, социально-экономические, культурные, ценностные и другие изменения в сознании, жизни людей и страны. В эпоху перестройки, например, *ваучер* и его производные *ваучерный, ваучеризация*; в нулевые и десятилетия XXII в. *рейтинг* и *рейтинговый, рейтинговать; легитимный* и *легитимность*; *политика* и *политикум*; неформальные *егзнуться, егзнутый* от *ЕГЭ*, *трампункт* от *Трамп*, *лохануться* от *лох*; рекламные *телевизация, цифровизация, телевизиованный* от *телевидение, цифровое телевидение* и др.

К особенно заметным **производным** Н. С. Валгина относит новые лексические парадигмы, демонстрирующие существенную активизацию прежде менее продуктивных аффиксов и их семантическую и коннотативную общность. Например: 1) парадигмы абстрактных имен: *бессобытийность, газетность, советскость, офисность; легализм, журнализм; криминализация, компьютеризация* и др.; 2) парадигмы имен со значением лица по роду деятельности, принадлежности к партиям, организациям: *рыночник, кооперативщик, бюджетник, платник* (студент, обучающийся за плату), *силовик* и др.; *подписант, номинант* и др.; 3) парадигмы оценочных, эмоционально-экспрессивных имен: *сталинщина, беспредельщина; порнуха, развлекуха; выступальщик, маразматик*; а также имен с менее продуктивными суффиксами: *тупарь, блатняга*; 4) парадигмы окказиональных оценочных образований от собственных имен: *гайда-ризация, ельцинизм, мавродики, жириновцы* [21].

2. Рост компрессивных репрезентаций. Компрессия (сжатие) представляет собой одно из универсальных свойств языковой способности человека [86; 76] и чрезвычайно разнообразна в речи. Новообразования, созданные одним из способов ком-

прессии, имеют комплексную семантику, заменяя собой более пространные описательные конструкции. Компрессия отвечает действию закона речевой экономии, тенденции усиления личностного начала в речи.

К высокопродуктивным способам, основанным на компрессии, относятся:

1) разнословное сложение, в том числе с заимствованными элементами, например, композиты *бизнес-план*, *фирма-спонсор*, *арт-тусовка*, *байк-шоу* и др.;

2) аббревиация, включая создание акронимов. Например, *ПК* — персональный компьютер, *СД* («си-ди») — компакт-диск, *ЦБ РФ* — Центральный банк Российской Федерации, *ГМО-продукты* — генетически модифицированные продукты, *СВЧ-печь* — сверхвысокочастотная печь и др. [137]; акронимы *Барс* — Банк развития собственности; *МИФ* — Московский инвестиционный фонд [21], *Изба* — «Изоляция базальтовая», в студенческой среде: *студент* — «сонное, теоретически умное дитя, естественно не желающее трудиться»; *ЯрГУ* — «якобы ребенок где-то учится» и др. Аббревиатуры нередко выступают в качестве производящих, например, *гаишник*, *ООНовский*, *геккачепист* и др.;

3) телескопия, когда новая единица создается из начальной части одного слова и конечной части другого без четкой закономерности в использовании сочетающихся элементов. Например, в разговорной речи *сетеголик* от «сетевой» + «трудоголик», *господарищ* от «господин» + «товарищ», *бредактор* от «бред» + «редактор» (редактор, одержимый бредовыми идеями), *фильтикультикатор* от «фильм» + «мультик» + «культура» + «мультипликатор» (человек, снимающий мультфильмы с элементами художественного фильма с целью культурного воспитания детей), *брысёнок* от «брысь» + «котёнок», *жрусть* от «жрать» + «грусть» (грусть, вызывающая повышенный аппетит) и др. [150];

4) универбизация, когда словосочетание сокращается до слова с сохранением прежнего смыслового объема, например, уни-

вербы *наружка* от «наружное наблюдение», *верняк* от «верное дело», *передовуха* от «передовая статья» [86];

5) контаминация, когда новая единица (или новое значение) возникает на основе взаимодействия близких по значению или по звучанию языковых единиц — чаще слов или словосочетаний, например, контаминированные слова *приблизиться* от «блюз» + «приблизиться», *пожюристь* от «жюри» + «пожурить», *Беспределькино* от «Переделкино» + «беспредель», *меладзино* от «Меладзе» + «мелодично» и др.

Увеличивается число контаминированных новообразований с графическим выделением отдельных компонентов, например, *МАВРоди* сделал свое дело, *МЫСкина* доброй надежды, *ЦСКАзка* с печальным концом, *Джордж* еще *поБУШует*, *Кличко* заварит чай с *ЛЕЙМО*ном [86].

Контаминированные слова вбирают семантику мотивирующих (с их стилистическими особенностями и ассоциациями), развивая свое значение, аллюзивные смыслы, семантику соединения, противопоставления или сравнения и др. [76]. По общему выражению поэта М. Айзенберга, при контаминации «слова так горячо радуются счастливой встрече друг с другом, что никак не могут остыть» [5];

6) усечение слов, словосочетаний и даже предложений, например, *ретро* от *ретроспективный*, *ретроспектива*; *док* от *доктор*; *запасной* от *запасной игрок*, *докладная* от *докладная записка*; *беруши* от *береги уши* [21].

3. Рост агглютинативных черт в процессе образования слов. Агглютинация (от лат. *agglutinatio* — «приклеивание») — автоматическое присоединение словообразующего элемента (чаще всего суффиксов) к морфу производящего слова без мены фонем [21].

Агглютинация для русского языка не характерна, и на стыке морфем из-за «несовместимости» соседствующих фонем исторически происходило чередование звуков, например: *рука* — *ручка* (к/ч), *нога* — *ножка* (г/ж), *соха* — *сошка* (х/ш).

В современном русском языке чередование фонем на стыке морфем происходит не всегда, например, *Владивосток* — *владивостокский*, *штанга* — *штангист*, что делает более прозрачными исходный фонемный состав слова и словообразовательные связи. Агглютинация чаще наблюдается при образовании производных от топонимов, заимствованных слов, названий учреждений, аббревиатур.

К особенностям протекания агглютинативного процесса Н. С. Валгина относит прежде всего его противоречивый характер. В одних случаях сохраняются формы с чередованием: *коми-пермяки* — *коми-пермяцкий*, *коми-пермячка*, *казак* — *казачий* и *казачий* (*казачье войско*, *казацкая сабля*); в других закрепляются формы без чередования: *тюрки* — *тюркский*; в третьих наблюдается сосуществование вариантов форм: *Таганрог* — *таганрожский* и *таганрогский*, *калмык* — *калмыцкий* и *калмыкский*, *Петербург* — *петербуржский* и *петербургский*, *петербуржцы* и *петербуржцы*.

К следствиям агглютинативного процесса относится рост интерфиксации на стыке морфем, чтобы не сталкивать несочетающиеся фонемы. Например, использование интерфикса *-ч-* перед суффиксом *-анин* (*-ане*) при обозначении лица по принадлежности к нации, народу и т. п.: *Торонец* — *торопчане*; интерфикса *-ов-* (*-ский*) в прилагательных, реже в существительных, образованных от аббревиатур: *пентагоновский*, *селькоровский*, *сельсоветовский*, *ооновский*, *тассовский*, *мхатовский*, *омоновец* и др.; просторечного интерфикса *-ш-* перед суффиксами *-н* (у прилагательных) и *-ник* (у существительных): *МГУ* — *эмгеушник*, *СНГ* — *эсенгешник*, *ГАИ* — *гаишник*, *КГБ* — *кагебешник* и соответственно — *эмгеушный*, *эсенгешный*, *гаишный*, *кагебешный*. Другим следствием агглютинации выступает опрощение морфем в случае их наложения (совпадения конечной части производящей основы и суффикса), что делает более экономными словообразовательные модели. Например: *Челябинск* — *челябинский* (*ск* + *ский*); *Динамо* — *динамовский*, *динамовец* (*о* + *ов*; *о* + *овец*); *сельпо* — *сельповский* (*о* + *овский*) [21].

Расширение словообразовательных моделей

Данный процесс наблюдается в увеличении словообразовательных возможностей слова в случае обновления его семантики (появления нового значения). Например, слово *ламповый* в значении «прил. к лампа (лампа как осветительный прибор или прибор специального назначения)» не имеет производных в современном языке. В новом значении «уютный, душевный, приятный» (в молодежной среде) слово имеет ряд производных: абстрактное существительное *ламповость*, наречие *лампово*, сравнительная степень *ламповее* (см. в контексте: *Хочется лампово посидеть в кругу друзей*), а также расширяет сочетательные возможности: *ламповый чел*, *ламповый вечер*, *ламповая музыка* и др.

Слово *пост* в значении «место, откуда можно наблюдать...» имеет в русском языке производное *постовой*, в значении «воздержание от скоромной пищи» — производные *поститься*, *постный*. В новом значении «публикация в социальной сети» (среди интернет-пользователей, в молодежной среде, в компьютерном сленге) слово имеет совсем другие производные: *пóстить*, *запóстить* (публиковать/опубликовать пост в социальной сети), *репóст* (готовая публикация, отправленная кому-либо в социальные сети), *репóстить* и видовая пара *репóстнуть* (пересылать/переслать готовую публикацию), а также новую сочетаемость: *разместить/выложить пост*.

Специализация словообразовательных средств с целью передачи необходимых смыслов

Процесс специализации аффиксов мотивирован частотностью случаев передачи новых значений за счет давно используемых словообразовательных средств (особенно суффиксов) с традиционной семантикой. В подобных случаях слова с оди-

наковыми словообразовательными средствами перегружаются разными значениями.

Процесс специализации аффиксов имеет разные результаты. Например, суффиксы *-щик*, *-ник*, *-тор*, *-тель* в словах-названиях человека стали употребляться для названий предметов. В одних случаях формально одно слово может обозначать и лицо, и предмет: *выемщик* — и человек, и орудие выемки, в других случаях — либо лицо, либо предмет: *молчальник*, *начальник*, но *рубильник*, *холодильник*; *следователь*, *последователь*, но *обогреватель*, *выключатель*; *авиатор*, но *рефрижератор* и др. В речи возникает необходимость специализации суффиксов для облегчения понимания сказанного. Однако ситуация такова, что где-то размежевания не происходит и одно слово обозначает и лицо, и предмет, например, *конструктор* (лицо и детская игра), *фиксатор* (тот, кто фиксирует, и раствор для фиксации). Где-то получается развести названия предметов и лиц с помощью разных суффиксов, например, предметы *купальник*, *классификатор*, *перфоратор* и лица *купальщик*, *классификаторщик*, *перфораторщик*. Однако во многих подобных парах при вторичной суффиксации суффикс *-щик* по-прежнему используется в названиях лица, а для названия предмета используется другой суффикс.

Помимо разграничения значений лица и предмета специализация словообразовательных средств может дифференцировать семантику при общем идентифицирующем значении. Так, старое слово *эксплуататор* в значении «лицо, эксплуатирующее чужой труд» и новое слово *эксплуатант* в значении «лицо, эксплуатирующее технику» при общем идентифицирующем значении лица разведены семантически: суффикс *-ант* в новой номинации помог избежать прежних негативных ассоциаций.

Процессы специализации позволяют наряду с существующими словами создавать новые с ограниченной сферой, используя для этого непродуктивные модели. Так, в сфере прилагательных параллельно с общеупотребительными активно

появляются дериваты научно-технического терминологического характера, например, пары *шумный* — *шумовой*, *вкусный* — *вкусовой*, *пыльный* — *пылевой* (вторые позиции являются терминами).

Н. С. Валгина подчеркивает, что в случаях семантической дифференциации и создания специальных значений однокоренные слова с разными суффиксами могут различаться сферами употребления, относиться к разным грамматическим классам (например, к качественным или относительным прилагательным) и в целом создавать трудности выбора слова с тем или иным суффиксом в конкретной ситуации словоупотребления. Трудности выбора могут быть связаны, во-первых, со слабым разграничением оттенков смысла, например, *комфортный* и *комфортабельный*, *планетный* и *планетарный*, *термальный* и *термический*, *очистной* и *очистительный* и др.; во-вторых, с разными производящими основами для однокоренных производных, например, *комфортный* от *комфорт* и *комфортабельный* от *комфортность*, *элитный*, *элитность* от *элита* и *элитарный* от *элитарность*; в-третьих, с дублетностью нескольких средств, например, от производящей основы *вариант* создано несколько производных: *вариантный*, *вариативный*, *варибельный*, *вариационный* (из данного ряда словарь С. И. Ожегова (1998) фиксирует только формы *вариантный* и *вариативный*) [21].

Рост примеров чересступенчатого словообразования

Суть явления заключена в появлении производных слов раньше производящих, т. е. в «пропуске» некоторого звена в словообразовательной цепочке. Например, слова *заузоренный*, *испугыренный*, *зафилологичено*, *залингвистичено* в текстах «...окна все уже *заузоренные*, снежинками облепленные»; «...есть такие пакетики, *испугыренные*, в них технику укладывают»; «Слишком все это *зафилологичено*, *залингвистичено*» [135]. Выделенные

слова имеют неполные словообразовательные цепочки, образованы от имен существительных, минуя производящие глаголы, см.: *узор* — ... (*узорить*) — ... (*заузорить*) — *заузоренный*; *пупырышек* — ... (*пупырить*) — ... (*испупырить*) — *испупыренный*; *филология* — ... (*филологичить*) — ... (*зафилологичить*) — *зафилологиченный* — *зафилологичено*; *лингвистика* — ... (*лингвистичить*) — ... (*залингвистичить*) — *залингвистиченный* — *залингвистичено*.

Речевые практики свидетельствуют, что современная словообразовательная система, отвечая требованиям времени и речетворческим установкам современников, чрезвычайно динамична. Перечисленные тенденции на данном этапе отличает высокая интенсивность проявления.

Рекомендуемая справочная литература

1. Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. — Москва : Русский язык, 2000. — 2 т.
2. Новейший школьный словообразовательный словарь / сост. А. В. Ковригина. — Москва : Славянский Дом Книги, 2014. — 640 с.
3. Рацибурская Л. В. Словарь уникальных морфем / Л. В. Рацибурская. — Москва : Флинта: Наука, 2009. — 160 с.
4. Русский словарь языкового расширения / сост. А. И. Солженицын. — 3-е изд. — Москва : Русский путь, 2000. — 280 с.
5. Тихонов А. Н. Морфемно-орфографический словарь русского языка / А. Н. Тихонов. — Москва : АСТ : Астрель, 2002. — 704 с.
6. Тихонов А. Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным / А. Н. Тихонов. — Москва : АСТ, 2014. — 640 с.

Контрольные вопросы и задания

Примечание. Ответы на вопросы предполагают работу с материалом лекции, с современной научной литературой (обязательны ссылки на источники).

1. Приведите примеры, иллюстрирующие тенденции в современном словообразовании.
2. Назовите наиболее продуктивные словообразовательные средства, модели на рубеже XX–XXI вв.
3. Приведите примеры слов, созданных разными способами компрессии.
4. Назовите следствия агглютинации в русском языке.
5. Приведите примеры специализации словообразовательных средств в современном русском языке.

Задание по теме

Подберите примеры общих тенденций в словообразовательной системе современного русского языка. Сделайте заключение о стилистической специфике приведенных примеров.

Темы докладов (презентаций)

Примечание. В подготовке одного доклада могут участвовать два человека.

Креативное слово-и формообразование в речи современников (на материале разных речевых практик).

Глава 6.

Тенденции в лексике и фразеологии современного русского языка

ВОПРОСЫ ТЕМЫ

1. Понятие неологизма в лингвистике.
2. Активные семантические процессы.
3. Стилистические процессы в лексике.
4. Иноязычные заимствования: причины массового проникновения.

Лексика, называя явления окружающего мира, более всего обращена к действительности. На рубеже веков, в перестроечный и постперестроечный периоды, словарный состав русского языка активно пополнялся новыми единицами, многие из которых в силу регулярной воспроизводимости уже входят в новые словари русского языка, а некоторые остаются элементами социолектов, неформальной коммуникации и пр. Ученые говорят о неологическом буме, активном во всех коммуникативных сферах и отражающем новую действительность, ее новое осмысление в языке и речи, а также новое отношение к самому языку и его потенциалу.

Понятие неологизма в лингвистике

Неологический бум подхлестнул интерес к понятию неологизма, условиям вхождения неологизмов в язык и их отражению в словарях. Все эти вопросы стали принципиальными для развития теории неологии и неографии.

В коллективной работе «Неология и неография современного русского языка» [87] рассмотрены многочисленные попытки упорядочить понятие неологизма с опорой на разные квалификационные признаки, проанализирован ряд определений и факторы их ограниченности и приемлемости. Приведем их краткий обзор.

По *стилистической теории*, неологизмы трактуются как стилистически маркированные слова, значения слов или фразеологизмы, употребление которых сопровождается эффектом новизны [18; 78; 77].

Недостаточность определения заключена в том, что признак новизны: 1) не конкретизирован в науке; 2) субъективен (новым может казаться и неологизм, и устаревшая лексика); 3) быстро перестает ощущаться как таковой (вследствие активного употребления слов, например, перестройка, спонсор, презентация и др.); 4) не имеет методик лексикографирования.

По *психолингвистической теории*, неологизм — это языковая единица, не встречавшаяся ранее в индивидуальном речевом опыте носителя языка [124]. Однако, как отмечалось выше, субъективная новизна недостаточна для квалификации понятия неологизма (например, новыми для человека могут оказаться устаревшие слова *погост*, *свинец* и др.).

По *лексикографической теории*, неологизмы — это слова, отсутствующие в современных словарях.

Ограниченность определения в том, что оно: 1) учитывает только языки, имеющие письменную форму; 2) зависит от количества и типов словарей конкретных языков, а также от принципов отбора материала, установленных авторами-составителями.

По *денотативной теории*, неологизм — это слово, обозначающее новое явление (денотат, реалию) или понятие [11; 53 и др.].

Данное определение не учитывает: 1) стремление носителя языка к выразительности и экономности номинации; 2) образование по аналогии или иным внутриязыковым причинам; 3) обозначение явлений и понятий, которые либо действитель-

но являются новыми (*деидеологизация, ваучер, спонсор, ближнее зарубежье, дальнее зарубежье* и т. п.), либо ранее уже имели названия в языке (*консенсус* — синоним «согласие»), либо существуют гипотетически (*аура, биополе, чакры, экстрасенс*). Таким образом, данная теория охватывает лишь часть новой лексики, поскольку неологизмы не всегда называют новые явления и понятия.

По *структурной теории*, неологизмы — это слова, которые обладают абсолютной структурной, формальной новизной, т. е. представляют собой уникальные непроеизводные звукосочетания, например, *неон, лилипут, бокр, куздра, гуолла, рокоо, фелибр* и т. п. [56].

Согласно определению, неологизмами следует считать лишь те слова и их сочетания, которые: 1) искусственно созданы и в силу этого ограничено востребованы, например, в творчестве писателей-фантастов (*гуолла* — болезнь неземной цивилизации) или тех, кто занимается проблемами искусственной номинации; 2) непроеизводны; 3) имеют семантически пустые корни. Однако непроеизводный характер слов, использование только грамматических словоизменительных морфем при десемантизированных корнях не характерны для языка и особенно для новых слов.

По *конкретно-исторической теории* (автор — Н. З. Котелова, подробнее см. [57]), к новым словам относятся слова: 1) впервые образованные или заимствованные из других языков, например, слово *экибана* было неологизмом для русского языка 70-х гг. XX в., но не было таковым для японского языка, из которого пришло в русский язык; 2) ранее известные в русском языке в качестве нелитературных (имеющих ограниченное употребление) или ушедших на какое-то время из активного употребления и вновь ставших широко употребительными; 3) потенциально существовавшие в языке и вдруг образованные от известных слов по известным моделям.

Данное определение неологизма учитывает признаки времени, языкового пространства и типа новизны. В соответствии

с первым признаком неологизмы существуют в определенный период языка и не существовали раньше. В соответствии со вторым признаком неологизмы могут быть новы для всех или некоторых языков, для данного национального языка, для литературного языка, для конкретного подязыка (определенной терминосистемы, жаргона, диалекта и т. п.), для языка и (или) речи. В соответствии с третьим признаком неологизмом может быть слово или фразеологизм, которые имеют новое значение (семантический неологизм), новую форму (есть синоним) или то и другое вместе (собственно неологизм). Авторы пособия «Неология и неография современного русского языка» [87] считают данное толкование неологизма наиболее полным, отвечающим сути понятия.

Подвижность объема современного словарного запаса связана не только с появлением неологизмов, но и с иными процессами, вызванными к жизни изменениями в обществе и сознании людей. На объем словарного запаса влияют:

1) уход из употребления слов и словосочетаний, называющих исчезнувшие реалии, например, связанные с эпохой строительства социализма в СССР и доминирующей идеологией государства (*партком, соцсоревнование, коммунистическое воспитание, ленинский стиль руководства*);

2) появление новых актуальных слов и сочетаний, например, новые фразеологизмы *шоковая терапия, теневая экономика, отмывание денег* (новы не сами слова, а их сочетания), новый политический словарь, пришедший на смену привычным прежде сочетаниям идеологической тематики, например, вместо *развитой социализм* появились *административный социализм, застойный социализм* и др.;

3) возвращение прежде неактуальных лексем, например, *атаман, губернатор, гимназия, коммерсант, милосердие, грех, заповедь*;

4) распространение заимствований — иноязычных или социально и профессионально ограниченных, например, *тусовка, беспредел* и др. [21].

Таким образом, высокая подвижность объема словарного состава языка заключена как в существенном обновлении лексики, так и в преемственных связях внутри языка.

Активные семантические процессы

Динамика изменений объема современного словарного запаса сопровождается многочисленными примерами изменений лексической семантики. По наблюдениям О. П. Ермаковой, к наиболее заметным семантическим процессам последних десятилетий относятся новые отношения прямых и переносных значений, расширение семантики, развитие многозначности и др. [121]. Приведем их краткий обзор.

Перераспределение активности прямых и переносных значений

Данный процесс наиболее ярко проявляется в ряде тематических групп слов.

Во-первых, слова, связанные с религией и религиозной деятельностью (названия церковных обрядов, служб, праздников и т. д.). Активизация данной лексики связана с демократизацией общества, свободами, которые способствовали массовому возвращению народа в церковь (например, возрождению духа православия, усилению надежды найти помощь и утешение в религии, отсутствию страха быть наказанным за веру). На активизацию данной лексики повлияла мода на обрядовую сторону религии, подражание «верхам», публично посещающим церковь. Особенностью употребления слов религиозной тематики на современном этапе стала бóльшая востребованность прямых значений по сравнению с переносными значениями, доминирующими в советскую эпоху. Например, *креститься, венчаться, исповедоваться, причащаться, соборовать*,

отпевать, святить (воду, куличи, яйца), ладанка, благословить, поститься, верующий, панихида, батюшка, крестник, крестная мать, всенощная, иконостас, святые, мощи, монах и др.

Во-вторых, слова, развивающие метонимическую модель «название созвездия и название лица, рожденного под знаком этого созвездия или под знаком животного по восточному календарю», например, *Водолей, Стрелец, Скорпион* или *Тигр, Змея, Крыса* и т. п. (о людях); в разговорной речи *Их брак не может быть удачным: Змея и Обезьяна не сочетаются; Тельцы — самые хорошие мужья*. Прежде названия созвездий в русской речи были неактуальны, не фиксировались в толковых словарях, кроме БАС, где приводились с пометой «астрон.». Сегодня слова данной группы в значении предопределенности судьбы, характера человека в зависимости от знака зодиака очень активны в речи, в частности, в модных астрологических прогнозах.

В-третьих, слова административной, юридической, финансовой и других сфер, например, *фискал, сыщик, губернатор, полиция, купец, городской* и др. Несмотря на большую востребованность переносных значений данных слов, на современном этапе запущен процесс деархаизации их прямых значений, т. е. гораздо большей частотности их использования в прямых значениях. Так, слово *чиновник* активизировалось в прямом значении «государственный служащий» [81], хотя в речи простых людей больше ассоциируется с неодобрительным переносным значением «человек, который относится к делу бездушно, формально, бюрократ».

Расширение значений

Данный процесс, как правило, связан с изменением денотативного пространства или отношения к нему. Например, слово *пилот* в значении «летчик» приобрело в современном употреблении новое значение «спортсмен, управляющий гоночным

автомобилем», см.: *пилот команды КАМАЗ-мастер, пилот команды Mercedes Формула 1*; арготизмы *завязать* в значении «прекратить преступную деятельность» и *стучать* в значении «доносить, сообщать о чем-либо в органы госбезопасности или в партийные организации» стали использоваться соответственно в значениях «прекратить любую деятельность» и «сообщать кому-то». Отрыв от денотата демонстрируют слова *коктейль* в новом значении «любая смесь»; *контора* в разговорной речи в значении «любое учреждение»; английское *хит* с оценочным значением «о чем-то популярном или заслуживающем внимания, рекомендуемом» (о разных реалиях: песнях, фильмах, продуктах, героях мультипликационных фильмов и др.); многие названия одежды, утратившие семантику «мужской», например, слова *пиджак, шортук, куртка*, или семантику «женский», например, слово *жакет*. Изменение отношения к реалии обычно связано с ироническим употреблением слов, приводящим к частичной энантиосемии (наличию в семантике противонаправленных прагматических компонентов). Например, семантика нежелательной для субъектов-людей ситуации в значениях глаголов *грозить, угрожать* при ироничном употреблении последних расширяет семантику субъектов ситуации и демонстрирует новую сочетаемость. См.: *Повышение по службе мне не грозит; В ближайшее время улучшение благосостояния нам не угрожает; Мне нравятся умные, но вам это не грозит* [121].

Яркий пример специфичного развития значения в русском языке демонстрирует термин *PR (Public Relations)* — паблик рилейшнз, пиар. По одному из определений, данному Британским Институтом общественных отношений (*Institute of Public Relations*), *пиар* трактуется как «усилия по созданию *доброжелательных отношений* между организацией и общественностью» [139]. В русском языке значение данного слова опирается на исходное терминологическое, а его развитие заключено в новой семантике, противоположной исходной. По наблюдению Е. В. Какориной, вместо семантики «доброжелательный,

доверительный» слово в русской речи обрастает коннотациями «распространение *недостовой* информации», «информация, направленная на *дискредитацию* объекта», что подтверждается данными «Толкового словаря современного русского языка» под редакцией Г. Н. Складневской. В словаре зафиксировано клише *черный пиар* в значении «формирование *отрицательного мнения* о ком-либо, чем-либо», а в качестве типичного приведен следующий контекст: «Классическая сверхзадача науки PR — формирование положительного морального климата и доброжелательных отношений — остается нерешенной в отдельно взятой стране. При этом все остальные сопутствующие задачи — *оболванивание* избирателей, *запудривание мозгов* потенциальным покупателям или вкладчикам — решаются великолепно» [126]. Очевидно, что слово *пиар* развивает оценочный компонент (которого не должно быть в термине), что подчеркивается частотностью его предикатного употребления типа *Это чистый пиар*, т. е. неправда, ложь [121].

Развитие многозначности и «омонимическое притяжение»

Данный процесс особенно заметен в повторной реализации словообразовательных моделей. *Грузовик* теперь не только грузовой автомобиль, но и космический корабль, перевозящий груз с Земли на орбитальную станцию; *газовик* — это и работник газовой промышленности, и газовый пистолет. О. П. Ермакова называет это явление *омонимическим притяжением*, когда «одно из значений возникает на основе готовой структуры с другим значением» [121]. Примером омонимического притяжения служат слова распространенной в речи семантической модели «собрание, совокупность предметов, названных производящей основой» и «человек, занимающийся тем, что названо производящей основой». Например, *травник* — старинная книга с описанием лечебных трав и тот, который занимается сбором целебных трав, лечит травами; *цветочница* — продавщица

цветов и ящик для цветов; *песенник* — сборник популярных песен и автор текстов песен или композитор, пишущий музыку к текстам песен. Подтип этой модели составляют слова со значениями «помещение для животных» и «человек, связанный с животными профессиональной деятельностью», например, *птичник, коровник, соболятник, медвежатник* и др.

При повторной реализации словообразовательной модели может появляться несколько названий лиц с разными значениями (например, *собачник, кошатник* — это люди, которые любят собак, кошек, и люди, которые занимаются истреблением собак, кошек; *газетчик* — это сотрудник редакции газеты и продавец газет) или названий разных предметов (например, *ночник* — лампа и ночной клуб, ресторан).

Явление многозначности активно для многих общеупотребительных слов, которые меняют свое значение в зависимости от ситуации или принадлежности социолекту. Так, в связи с допинговым скандалом в речи политика А. Д. Жукова в отношении российской сборной по-новому прозвучало слово «чистый» в значении «не использующий допинг»: *Чистые спортсмены должны быть допущены к соревнованиям* [151].

Непривычные для литературного языка контексты демонстрирует и современный компьютерный жаргон, в котором компьютер *зависает, отказывает*, в него *загружают информацию*, которую можно *скачать на дискету, распечатать на принтере*, а в случае ее ненужности — *переместить в корзину*. Начинаящего пользователя называют *чайником*, в отличие от истинного пользователя — *юзера* (англ. *user* — от *to use* — «пользоваться»), или мнимого знатока компьютеров — *ламера* (англ. *lame* — «хромой, слабый») (подробнее см. [59]).

Развитие энантиосемии (внутрисловной антонимии)

Энантиосемия зарождается обычно в разговорной речи и жаргоне. Ее источником является ирония. Например, в ре-

плике *Зарплаты не будет. Весело!* последнее слово значит «со всем не весело», «грустно», а прежде позитивные сочетания *светлое будущее* или *ум, честь и совесть* со сменой политической ситуации в стране приобрели отрицательную оценочность. Появление новых коннотаций у одних и тех же слов Н. С. Валгина связывает с идейной и материальной дифференциацией общества: для «новых русских» слова *бизнес, предприниматель* звучат положительно, а для обнищавших людей — отрицательно. Олигархи любят приватизацию, потому что обогатились на ней, присвоив государственные (народные) активы, а народ дает ей оценку с помощью таких новообразований, как *прихватизация, прихватизаторы, нью-воришки* и т. д. [21].

Энантioseмия широко распространена не только в разговорной речи, но и в публицистике. Явления частичной энантioseмии представляют собой вариации отношений семантических, коннотативных, прагматических компонентов, например:

1) совмещение в слове значений агенса и пациенса, см.: *отказник* — «тот, кому было отказано в чем-либо (например, в выезде за границу)» и «тот, кто отказался от чего-либо (например, от службы в армии)»; *переселенец* — «тот, кто переселился» и «тот, кого переселили»;

2) совмещение в слове противоположных коннотаций, см.: *Это нелюди, волки* (о бандитах) (МК, 24.10.1999) — с отрицательной оценкой; ... *войсковые волки* готовы уничтожить любого бандита (КП, 21.11.1999) — с положительной оценкой;

3) совмещение в слове противопоставленных прагматических компонентов (например, желательного и нежелательного результата), см.: *обещать повышение оплаты и обещать повышение цен; огрести кучу денег и огрести по шее* и т. п. [121].

Инновации в области оценки

Данный процесс отражает изменения в общественном сознании и проявляется в частотности некоторых признаков слов

с новой позитивной оценочной семантикой. Например, *элитный, престижный, эксклюзивный, продвинутый, знаковый, сексуальный*. Став чрезвычайно востребованными, эти слова ассоциируются с теми объектами оценки, которые оказались новыми ценностями для многих современников (обладание богатыми домами, шикарными машинами, одеждой из дорогих магазинов, посещение дорогих ресторанов и т. п.). Однако ментальные основы нации, а также доступность богатств только для небольшой прослойки населения вызывают в народе ироническое отношение к новым «ценностям». В результате появились сочетания *элитный гроб, престижная юбка, эксклюзивные шмотки* и т. п.

Расширение пространства метафорических моделей за счет новых групп лексики

Метафоричность речи, особенно в сфере публицистики, наиболее активно использует следующие тематические поля:

1) «вода», например, *плыть, уплыть* (о деньгах), *всплывать, разливаться, захлестнуть, захлебнуться, утонуть, накрыть волной, отмываться* (об эмоциональном, финансовом состоянии человека, моральном облике);

2) «болезнь», например, *фобии, болезненное состояние психики, социальная инфекция, «информационный вирус» зависти, историческая апopleксия, спазмы кризисов, коллапс мировой торговли, паралич суда*;

3) «родство», например, *дочернее предприятие, материнский капитал, дочки Сбербанка на Украине*;

4) зоометафоры, например *крот* (о шпионе), *гориллы* (о бизнесменах), *разобраться с козлами, акулы пера, волчата журналистики, динозавр рока* и т. п.

Развитие новых семантических оппозиций

Данная тенденция мотивирована социальными процессами старого и нового идеологического противостояния, повлиявшими на нейтрализацию прежних стилевых контрастов, возникновение новых коннотаций и т. п.

В русле этих языковых процессов находятся новые лексико-семантические оппозиции. Например, оппозиции, включающие новые имена лиц, образующие пары по признаку пола, см.: *боевик* — *боевичка*, *снайпер* — *снайперша*, *заказчик* — *заказчица* (о людях, заказавших убийство), *депутат* — *депутатша*, *бизнесмен* — *бизнесменша*, *клоун* — *клоунесса*, *менеджер* — *менеджерша*, *приятель* — *приятелка* (наряду с лит. *приятельница*) и др.

Некоторые хорошо знакомые слова под влиянием внешних факторов приобрели новую семантику, стилистическую специфику, включаясь в новые лексические оппозиции. Так, в оппозиции *товарищ* — *господин* первое слово перестало быть актуальным в официальном общении, а второе активизировалось и как нейтральное, и как ироническое. Нейтральное употребление отличает в основном официальную речь бизнесменов, чиновников, ироническое — преимущественно неформальную, в том числе публичную речь. Среди новых оппозиций активными стали оппозиции с компонентом «хозяин», например, *человек* — *хозяин*, *хозяин* — *раб*, *хозяин* — *реализатор*. Слово *хозяин* приобрело новую семантику и часто отрицательную оценочность. Обновилась оппозиция *сыщик* — *преступник*, в которой компонент «сыщик» с прежним значением «тайный агент, занимающийся выслеживанием» с отрицательными коннотациями стал применяться для названия следователей уголовного розыска, полицейских, частных детективов (в прессе, детективных романах, телесериалах). С развитием СМИ активизировалась оппозиция *журналист* — *читатель*, в которой первый компонент приобрел отрицательные коннотации «неправдивости, поверхностности, бесцеремонности, продажности и др.», отраз-

ившиеся в новых наименованиях представителей профессии: *журналюга, журналюжка* [121].

Стилистические процессы в лексике

Эпоха гласности, снявшая многие табу, стимулировала чрезвычайно интенсивное творческое использование языка. В разного рода шоу на радио, телевидении, в публикациях в СМИ и их интернет-версиях современники получили образцы безграничной эксплуатации средств языка и его этикетных возможностей для достижения коммуникативных эффектов. Во многих сферах публичной массовой коммуникации новым поколением воспринят стереотип ерничания по любому поводу, детабуизация многих тем и средств их вербализации. В речи куда более частотными стали оригинальные комбинации языковых единиц, по-новому осмысленные фразеологизмы, отступления от языковых норм, речевые средства из низовой городской культуры, молодежной контркультуры, уголовной субкультуры и пр. Например, в речи тележурналистов, политиков: *Что Обама успеет **навернуть** за два месяца до Трампа; Трамп отправляет Европу **в свободное плавание*** [1]; в неформальных и близких к ним по стилю речевых практиках, например, жаргонные *наехать, приколоть, кинуть, расколоться, отстегнуть* [21], *лафа, клевый, стрем* и их производные *стоять на стреме* (караулить), *стремный* (опасный) и др. [38], *крутой, вешать лапшу на уши, крыша едет/поехала* (у кого-либо) [59], *отмороженные патриоты, квасить втроем, автоподстава, достал своих преемников, нестыковка* [121] и др.

Огрубление речи (ее стилистическое снижение, утрата практическим языком возвышенно-эстетических качеств) проявляется в широком распространении отрицательно оценочной или обценной (от лат. *obscenus* — «непристойный»), инвективной лексики (от позднелат. *invectiva oratio* — «бранная речь»). На-

пример, *дебилоид*, *лохозавр*, *фигемия* (премия, которую «фиг дадут») и др. Общее качество нелитературности подобных средств оказывается привлекательным для носителей языка, отвечая стремлению к «свободе», не быть ограниченными в средствах самовыражения и в отдельных ситуациях не подчиняться доминирующей культуре. Важно, что, несмотря на нелитературность, обценная лексика и жаргоны традиционны для русской культуры, но имеют разные истории в русском языке. По наблюдениям Р. И. Розиной,

1) обценизмы почти неизменны на протяжении веков, жаргоны относительно новы (с конца XIX в.) и постоянно обновляются;

2) обценизмы резко отрицательно эмоциональны, жаргоны преимущественно ироничны и с сильным игровым компонентом;

3) обценизмы неметафоричны, жаргоны часто метафоричны;

4) обценизмы осознаются говорящими как запрещенные, нежелательные, социумно ограниченные (например, свободно используются в закрытом мужском общении); жаргонизмы осознаются как неуместные во многих случаях (вызывают неловкость), но непринужденно используются большинством носителей языка в подходящих для того ситуациях [121].

Отмеченные выше тенденции находятся в русле стилистических процессов, развивающихся по двум основным направлениям — стилистической нейтрализации и стилистического перераспределения.

Стилистическая нейтрализация заключена в перемещении слов с высокой или низкой стилистической окраской в нейтральную лексику. Например, «книжные» слова *перспектива*, *принцип*, *проблема*, *престиж*, *тенденция* теперь встречаются в бытовых контекстах [21], глагол *задействовать* из языка военных (*задействовать дивизию*, *резервы главного командования*) переместился в общее употребление, особенно в язык чиновников [59].

Стилистическое перераспределение заключено в перемещении слов из одной стилистической группы в другую. Нейтральные слова могут стать разговорными, например, *давеча, повертывать, сговор, сборище*; просторечными, например, *взаправду, загода, кабы*; книжными, например, постепенно устаревающие *огласить, овеять, меж*; бранными, например, литературные *кобель, кобыла, свинья, сука* и другие в качестве зоосемантических метафор [21].

К стилистическим процессам (часто вместе с семантическими преобразованиями) относится процесс **детерминологизации**, при котором термины выходят за пределы терминологической системы и широко употребляются в переносном смысле, например, *атом, атмосфера, рефлексия, реакция, патология, точка опоры* и другие [21].

Иноязычные заимствования

На рубеже XX–XXI столетий ученые отмечают значительную интенсивность иноязычных заимствований. Этапы перестройки и постперестройки подготовили большую часть населения к восприятию своей страны как части цивилизованного мира [121], к расширению внутреннего и международного общения, в том числе виртуального. Открытость миру, международные контакты, появление многих иностранных реалий в нашей жизни и их названий в нашей речи (преимущественно английских и интернациональных на греко-латинской основе) обусловили относительно быструю адаптацию иноязычных заимствований в русском языке.

Англоязычная культура (экономика, политика, спорт, торговля, мода, музыка, туризм и многое другое) молниеносно вошла в российское пространство, привнесла иные ценности, вкусы, жизненные стандарты, манеру поведения и др. Ориентация на Запад, англомания (американомагия) во многих сферах име-

ла для нас положительное влияние, заключенное, по мнению Л. П. Крысина, в возможности сравнить и переоценить свои и чужие социальные и нравственные ценности [121]. В сфере языка англомания стала причиной и условием интенсификации не всегда оправданного процесса заимствований. Английские слова не только заполнили лакуны, называя новые предметы и явления, но и вытеснили некоторые русские и ранее заимствованные из других языков слова. В речи на смену немецким *бутерброд*, *лозунг*, *шлягер* пришли английские *сэндвич*, *слоган*, *хит* соответственно; английские *аниматор*, *дисплей* стали более востребованы в сравнении с французскими *мультипликатор*, *экран*; английское *сингл* (дословно «песня») вытеснило *диск*, а *диск* когда-то вытеснил *пластинку* [21].

Социально-психологическую причину массового проникновения иноязычных неологизмов в наш язык Л. П. Крысин усматривает в их бóльшем престиже по сравнению с уже привычными русскими или обрусевшими словами. Ситуация часто такова, что слова, именуя в языке-источнике «рядовые» объекты, в русском языке приобретают семантику «чего-то значительного». Так, французское слово *boutique* и английское *shop* со схожим значением «лавочка, небольшой магазин» в русском языке приобрели значения «магазин модной одежды», «магазин, торгующий престижными товарами, преимущественно западного производства»; английское *hospice* в значении «приют, богадельня» в русском языке превратилось в *хоспис* — дорогостоящую больницу для безнадежных больных с максимумом комфорта, облегчающего процесс умирания [121].

Большое количество иноязычных заимствований в русском языке отрицательно повлияло на состояние орфографических и грамматических норм, не успевающих кодифицировать то или иное явление. Так, многочисленные сложные слова, например, *прайм-тайм*, *массмедиа*, *флешмоб*, не имеют правил, упорядочивающих их слитное, дефисное, раздельное написание. Помимо орфографического варьирования, заимствования демон-

стрируют и грамматические варианты, например, по признаку склоняемости/несклоняемости, см.: *индустрия фаст-фуда* и *индустрия фаст-фуд*, но неизменяемое *плей-офф*. Акцентологические варианты нередко отступают от тенденции одноместного ударения, сохраняя побочное. Кроме того, многие заимствования часто имеют ограниченные словообразовательные возможности [68].

Мода на сложные слова, способные в одной единице передать полиситуативную, комплексную семантику, проявилась в появлении так называемых слов-кентавров, одна часть которых (обычно первая) перенесена из другого языка в «нетронutom» виде, т. е. представлена латиницей, а другая (русифицированная или русская) оформлена кириллицей, см.: *web-сайт*, *web-служба*, *web-разработчик*, *e-mail-адрес*, *VIP-обслуживание*, *Internet-карта*, *TV-программа* и т. п. [121]. Написание слов-кентавров в русском языке имеет разнообразные варианты в плане выбора кириллицы или латиницы, прописных или строчных букв.

Вопрос обоснованности иноязычных заимствований в русском языке имеет двоякое решение, отсылая к действию языковых законов, семантической специфике, моде и престижности. Без некоторых заимствований можно обойтись, но некоторые из них необходимы, так как выполняют ряд языковых и коммуникативных функций. Так, иноязычные заимствования:

1) отвечают действию закона речевой экономии, например, *снайпер* вместо *меткий стрелок*, *стайер* вместо *бегун на длинные дистанции*, *сейф* вместо *несгораемый шкаф*;

2) называют новые вещи, явления, понятия, например, *блейзер* (приталенный пиджак особого покроя), *телефакс*, *факс* (виды телефонной связи);

3) разграничивают понятия, передают дополнительные специальные значения, например, *визажист* (специалист в области макияжа, по уходу за красотой лица; от фр. *visage* — «лицо») и ранее заимствованное *дизайнер* (художник-конструктор, от англ. *design* — «замысел, чертеж, проект»); *панарацци* (назойливый

репортер светской хроники) и *фоторепортер*; *лизинг* (арендная сдача с выкупом по мере дохода) и *аренда*;

4) позволяют уйти от обыденности, например, *презентация* не просто представление чего-либо, а торжественная акция; *слаксы* не просто широкие брюки, а модные широкие брюки; *бутик* не маленькая лавочка, а элитный салон-магазинчик;

5) обеспечивают психологически более приемлемые формы при передаче негативного или прямого смысла, нежелательного по политическим, морально-нравственным, этическим соображениям и способного создать коммуникативный дискомфорт, например, *педикулез* вместо *вшивость*, *гениталии* вместо *половые органы* и др. [21] (подробнее см. [14; 52; 58; 70; 113; 114 и др.]); такие заимствования выполняют функцию эвфемизмов.

Резюмируя, подчеркнем следующее. Активное пополнение словарного запаса на рубеже веков, проявившееся в новых словах, новых значениях, новых оценках прежних значений, было мотивировано изменениями во всех сферах российской действительности. Общественные реформы повлияли на психологию масс и «языковой вкус эпохи». Активными сферами порождения и распространения «нового слова» выступили прежде всего средства массовой информации и сфера неформальной коммуникации. На современном этапе интенсивно протекающие в лексике процессы в силу значительной доли стихийности и субъективности в оценке и переоценке словоупотребления нуждаются в строгом толковании понятия нормативности для того, чтобы быть осмысленными в условиях современной научной парадигмы и исчерпывающе отраженными в словарях.

Рекомендуемая справочная литература

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. — 2-е изд. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1536 с.

2. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. — Москва : АСТ-Пресс, 2009. — 784 с.
3. Ваулина Е. Ю. Толковый словарь ключевых слов русского языка / Е. Ю. Ваулина [и др.]. — Санкт-Петербург : Филол. фак. СПбГУ, 2014. — 672 с.
4. Елистратов В. С. Словарь русского арго. Материалы 1980—1990 гг. / В. С. Елистратов. — Москва : Русские словари, 2000. — 694 с.
5. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. / Т. Ф. Ефремова. — Москва : АСТ : Астрель; Минск : Харвест, 2005. — 3 т.
6. Жуков А. В. Современный фразеологический словарь русского языка / А. В. Жуков, М. Е. Жукова. — Москва : АСТ : Астрель, 2009. — 448 с.
7. Захаренко Е. Н. Новый словарь иностранных слов / Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В. Нечаева. — Москва : Азбуковник, 2008. — 1040 с.
8. Катлинская Л. П. Толковый словарь новых слов и значений русского языка. — Москва : АСТ, Астрель, 2008.
9. Крысин Л. П. 1000 новых иностранных слов / Л. П. Крысин. — Москва : АСТ-Пресс, 2009. — 320 с.
10. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. — Москва : Эксмо, 2008. — 944 с.
11. Мокиенко В. М. Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 716 с.
12. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. 2-е изд. — Москва : Астрель, 2005.
13. Новиков В. И. Словарь модных слов / В. И. Новиков. — Москва : АСТ-Пресс, 2008. — 352 с.
14. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 1980-х годов. Под ред. Е. А. Левашова. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1997.

15. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов. В 3 томах. Отв. ред. Т. Н. Буцева. Ин-т лингвистических исследований РАН. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2009—2015.
16. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю. Д. Апресяна. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — 1488 с.
17. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. — 26-е изд., испр. и доп. — Москва : Оникс, 2009. — 1360 с.
18. Окунцова Е. А. Новейший словарь иностранных слов / Е. А. Окунцова. — 2-е изд., испр. — Москва : Айрис-пресс, 2009. — 512 с.
19. Словарь перестройки (1985—1992) / под ред. В. И. Максимова. Санкт-Петербург : Златоуст, 1992.
20. Словарь синонимов русского языка / под ред. Л. Г. Бабенко. — Москва : АСТ : Астрель, 2011. — 688 с.
21. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складчиковой. — Москва : Эксмо, 2006. — 1136 с.
22. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Азбуковник, 2007. — 1176 с.

Рекомендуемые справочные электронные ресурсы

1. Gufo.me. — URL: <https://gufo.me> (дата обращения — 10.10.2017).
2. Академик/Центр Телекоммуникаций. — URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения — 10.10.2017).
3. Википедия/Фонд Викимедиа. — URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения — 10.10.2017).
4. Жаргон.ру. — URL: <http://jargon.ru> (дата обращения — 10.10.2017).

5. Кругосвет/под ред. А. В. Добровольского. — URL: <http://krugosvet.ru> (дата обращения — 10.10.2017).
6. Мир энциклопедий/С. Волков [и др.]. — URL: <http://encyclopedia.ru> (дата обращения — 10.10.2017).
7. Рубрикон/Русс Портал. — URL: <http://rubricon.com> (дата обращения — 10.10.2017).
8. Словари/Яндекс//Яндекс.Каталог. — URL: <http://bit.ly/2y5x16T> (дата обращения — 10.10.2017).
9. СЛОВАРИ.РУ/ИРЯ РАН, Словари.ру. — URL: <http://slovari.ru> (дата обращения — 10.10.2017).
10. Словарь сленга/Jizus CREED [и др.]. — URL: <http://slinger.ru> (дата обращения — 10.10.2017).
11. Словоново/А. Моисеев. — URL: <http://slovonovo.ru> (дата обращения — 10.10.2017).
12. Фразеология.ру/под ред. А. Н. Тихонова. — URL: <http://frazеologiya.ru> (дата обращения — 10.10.2017).

Контрольные вопросы и задания

Примечание. Ответы на вопросы предполагают работу с материалом лекции, с современной научной литературой (обязательны ссылки на источники).

1. Перечислите признаки неологизма, отвечающие наиболее полному его толкованию (по конкретно-исторической теории Н. З. Котеловой).
2. Назовите факторы влияния на объем словарного запаса современного русского языка.
3. Охарактеризуйте семантические процессы в лексике современного русского языка.
4. Сформулируйте суть стилистической нейтрализации и стилистического перераспределения в лексике. Приведите примеры.

5. Назовите причины необходимости иноязычных заимствований в русском языке на рубеже XX–XXI вв.

Задание по теме

Подберите примеры неологизмов разных видов (абсолютных и относительных, окказиональных и потенциальных, словообразовательных, семантических, заимствованных, неофразем).

Темы докладов (презентаций)

Примечание. В подготовке одного доклада могут участвовать два человека.

1. Языковые особенности городских вывесок.
2. Изменения лексической семантики и сочетаемость.

Глава 7.

Тенденции в морфологии современного русского языка

ВОПРОСЫ ТЕМЫ

1. Особенности протекания процессов в русской морфологии: темпы, специфика, незавершенность.
2. Лингвокреативность, рост аналитизма и другие тенденции русской морфологии.

Морфология как наиболее устойчивая область системы языка подчиняется преимущественно действиям внутренних законов и обнаруживает развитие в течение длительных периодов. Современную русскую морфологию, по мнению М. Я. Гловинской, отличает активизация давно идущих процессов, быстрый темп новых изменений, развитие специфических только для русского языка явлений, незавершенность грамматических процессов [121]. Фиксируемые изменения касаются в основном количества словоизменительных вариантов, связанных с расширением или сужением количества форм грамматического рода, падежа, числа, категорий глагола и т. д. Приведем краткий обзор состояния русской морфологии.

Особенности протекания процессов в русской морфологии

Активизация давно идущих процессов. Данная особенность наблюдается в упрощении и унификации склонения составных количественных числительных, в падежной омонимии у некоторых существительных и числительных. Экономя усилия, боясь сказать неправильно или не зная, как сказать правильно,

говорящие предпочитают более «доступные» формы. У числительных вместо форм косвенных падежей все чаще используются именительный и частично родительный падеж или сочетание их форм в одной падежной форме косвенного падежа, например, *около две тысячи трехсот книг* или *около двух тысяч триста книг* вместо нормативной формы *около двух тысяч трехсот книг*.

Активизация давно идущих процессов имеет волнообразный характер изменений, ускоряющихся, замедляющихся или принимающих противонаправленные векторы развития. Волнообразна история заимствованных существительных *кофе* и *какао*, которые в XVIII — первой половине XIX в. были адаптированы морфологической системой русского языка и изменялись: *ка-каом, кофию* и т. д. [73]; в начале XIX в. трактовались как неизменяемые в связи с иностранным происхождением, и далее в течение более чем столетия использовались как изменяемые и неизменяемые варианты. В середине XX в. склоняемые формы этих слов исчезли из речи литературно говорящих, и слова стали привычными в качестве неизменяемых (так же, как *пюре, ателье, фото* и пр.). В данном примере процесс противоречил обычной адаптации заимствований к основной языковой системе — «от неизменяемых форм к изменяемым» и, вероятно, будет протекать до тех пор, пока не наступит баланс интересов говорящих и слушающих.

Быстрый темп новых изменений. Быстрый темп изменений отличает в основном те процессы, которые в течение длительного времени происходили в языке «почти незаметно», а в период «неспокойного» развития языка (на рубеже XX—XXI вв.) стали проявляться в качестве тенденций. Так, ошибки в узусе могли превращаться в варианты и переходить в систему. Например, при нормативной падежной форме составных слов типа *генерал-лейтенанта* для профессиональной сферы признается теперь и форма *генерала-лейтенанта*. Появляющиеся в речи непривычные формы управления мотивируются новым

узуальным использованием слов, например, глагол *заказать* в нормативном употреблении всегда управлял объектом-предметом (неодушевленным существительным), см.: *заказать костюм в ателье, заказать столик (ужин) в ресторане* и т. п. При развитии нового значения «подготовить, организовать убийство кого-либо» и стяжении нормативной конструкции «заказать убийство» глагол стал управлять объектом-лицом (одушевленным существительным), см.: *Киллерам заказали известного политического деятеля ... (из газет)* [59]. Подобное употребление стало очень частотным под влиянием внешних факторов (криминализации общества в 1990-е гг.).

Быструю адаптацию пережило в русском языке слово *Интернет*. В течение примерно четверти века первоначальное написание латиницей и несклоняемость слова сменились кириллическим оформлением на письме, полной склоняемостью и даже постепенной заменой прописной буквы на строчную [121].

Быстрый темп языковых процессов объясняет во многом их стихийный характер, который проявляется в разной хронологии изменений (неравномерной реализации у разных членов одной парадигмы), а также в одновременной потребности у многих говорящих использовать те или иные ненормативные формы, например, изменение флексий типа *закон о выборах* вместо нормативной формы *закон о выборах*. Ненормативные формы закрепляются в речи в несколько этапов: человек оговорился несколько раз, оговорка перестала фиксироваться сознанием; человек не исправил ошибку, теряя уверенность в правильности той или иной формы, иногда меняя правильную форму на неправильную; ошибка закрепилась в речи [121]. Чтобы нарушение нормы не закрепилось в сознании окончательно, необходимо сломать данную цепочку: осознанно проработать явление по современным словарям и справочникам и многократно закрепить в ближайшей речевой практике.

Развитие специфических только для русского языка явлений. Данная особенность связана с существенно бóльшим анали-

тизмом в русском языке в сравнении с другими славянскими языками. Например, в таких флективных славянских языках, как сербский, чешский, польский, отчетлива тенденция адаптировать заимствованные существительные и включить их в систему склонения, в то время как в русском языке многие заимствования несклоняемы и представляют собой часть словоизменительной системы. Другое заметное явление в русском языке — двувидовые глаголы, класс которых довольно продуктивен и непрерывно пополняется, в том числе за счет новообразований с русскими корнями, например, *военизировать*. В то же время в польских грамматиках двувидовые глаголы даже не упоминаются.

Незавершенность грамматических процессов. Данное качество морфологии абсолютно диалектично, потому что, как и все в мире, морфология развивается. Все грамматические новации появляются в основном в узусе и чаще всего предстают в виде новых лексем и форм, (квази)синонимичных существующим [121].

Названные особенности развития морфологической сферы русского языка характеризуют темпы и состояние постоянно протекающих процессов.

Сами же тенденции наиболее ярко проявляются в креативном функционировании грамматических категорий и в разных проявлениях аналитизма.

Тенденция лингвокреативности

Несмотря на консервативность морфологии и ограниченное количество возможных грамматических вариантов (например, только две формы *в отпуске* — *в отпуску*, *инженеры* — *инженера*), ученые фиксируют многочисленные случаи грамматических неправильностей в СМИ, рекламе, неформальном общении (подробнее см. работы Л. В. Зубовой, Б. Ю. Нормана, Е. Н. Ремчуковой и др.). Частотные проявления лингвокреатив-

ности стали возможны благодаря процессам демократизации, затронувшим все речевые практики современного коммуникативного пространства и повлиявшим на расширение границ неформального стиля общения.

Креативность в морфологии связана с функционированием грамматических категорий, репрезентированных ненормативными формами. К ним относятся неузואльные залоговые формы, случаи расширения или сужения сферы возвратности и др. Приведем примеры креативных явлений, описанные в ряде исследований (см. [94; 95; 96; 50]):

1) расширение сферы залога за счет использования неузואльных залоговых форм, например, пассивные причастия прошедшего времени от переходных глаголов (*полюбленный, исанный*), от непереходных глаголов совершенного и несовершенного вида (*поступленный*), причастия будущего времени (*пожелающий, делающий, прочитающий*) [94];

2) расширение сферы возвратности за счет создания потенциальных возвратных глаголов, например, *Если бы вы мне не **напомнились** — я бы об этом забыла; Мне **упалось**; Они хотели нас шокировать — и мы **шокировались**; Для меня главное, чтобы он завтра спокойно **презентовался*** и т. п.;

3) сужение сферы возвратности за счет утраты постфикса возвратности, в результате чего непереходные глаголы превращаются в переходные, например, *Я ее **засомневал** во всем; Я ее **улыбнул**; Они его **разбежали** как следует, и у него получилось **оторваться от земли**;*

4) одновременная актуализация в одном слове разных лексико-грамматических признаков, например, процесс адвербиализации, при котором предложно-падежные формы существительных объединяют значения существительного и наречия, см.: рекламные тексты: *Окна и двери: **без шума и пыли**; Catsan запирает запах **на замок**; Живи с **огоньком*** (в рекламе каминов); *Зубная паста Колгейт с облепихой — здоровые десны **от природы*** и др. [50; 95];

5) использование в речи неузальных компаративов, например, ...*Странно, что эта эпоха его не заметила, еще **страннее**, что ему удалось сыграть эту эпоху как бы от противного...* (об актере Марлоне Брандо). Использование подобных форм сравнительной и превосходной степени обычно сопровождается другой языковой тенденцией — развитием у относительных прилагательных качественных и оценочных значений, например, сочетания относительных прилагательных со словами с семантикой «степени проявления признака, качества» в текстах: *Это очень **пластический** хирург; В этой машине **слишком ручной** тормоз* (в разговорной речи); ***Ягоднее** ягод* (реклама морса); ***Самый игрушечный** магазин Катюша!* (реклама детского магазина); ***Самый сумчатый** магазин* (реклама магазина сумок) [95]. В студенческих граффити зафиксированы также окказиональные компаративы, которые в нарушение нормы образованы от назывных производящих: *похмелее* от «похмелье», *бодунее* от жаргонного «бодун» — «то же, что похмелье».

Сознательное включение в текст грамматических неправильностей имеет семантическую, стилистическую и прагматическую мотивацию. Отступление от стандарта делает текст более экспрессивным, позволяет экономить усилия при репрезентации желаемого содержания. Наиболее активными сферами лингвокреативных явлений выступают сферы рекламы, неформальной коммуникации, СМИ.

Рост аналитизма

Исторически русский язык представляет собой синтетический язык флективного типа, в котором грамматические отношения выражаются в основном формами самих слов, создаваемых с помощью аффиксации, флексий, ударения, супплетивизма и т. д. [120]. Современный этап развития языка демонстрирует востребованность аналитических форм, грамма-

.....

тическое значение которых передается вне пределов слова, т. е. выявляется в контексте при соотношении с другими словами (о движении русской морфологической системы к аналитизму см. [25; 106 и др.]).

Вслед за Н. С. Валгиной [21] коротко охарактеризуем наиболее значимые причины и проявления роста аналитизма в русской морфологии.

Сокращение числа падежей

Этот процесс начался в древнерусском языке и на современном этапе проявляется в наличии разных окончаний в формах того или иного падежа и в сохранении некоторых реликтовых форм.

Разные окончания характерны для форм современных родительного и предложного падежей и представляют собой результат объединения в них признаков ранее существовавших падежей.

Современный родительный падеж объединяет бывшие атрибутивный (определятельный: *прохлада леса, вкус чая*) и партитивный (количественный: *кубометр лесу, кусок сахара*) падежи, наследуя их окончания. Наличие флективных вариантов **-а** и **-у** в пределах родительного падежа ведет их к конкуренции. При многочисленных примерах сосуществования данные окончания демонстрируют их семантическую и стилистическую дифференциацию. Ученые указывают на бóльшую востребованность окончания **-а** в качестве общеупотребительного и нейтрального и сужение сферы функционирования и развитие оттенка разговорности у окончания **-у**. Последнее продолжает оставаться устойчивым в наречных сочетаниях *с испугу, с голоду* и т. п., в выражениях *задать перцу, комар носу не подточит* и т. п. Однако при обозначении собственно количества типа *много народу* уже возможно употребление *много народа*, при обозначении

количества у некоторых вещественных существительных типа *стакан чаю*, *кусоч сахара* чаще фиксируется *стакан чая*, *кусоч сахара*. В некоторых случаях осталось только окончание *-а* (без вариантов), например, *бутылка молока*.

Современный предложный падеж объединяет бывшие падежи: местный (*гулять в саду*) и изъяснительный (*говорить о саде*). Разные формы здесь развивают стилистическую и семантическую специфику либо остаются в качестве единственных. Так, в парах *в отпуске* и *в отпуску*, *в цехе* и *в цеху*, *на мысе* и *на мысу* первый вариант является общеупотребительным и нейтральным, второй — стилистически маркированным, а в паре *в саду* и *в саде* первый вариант является единственно верным, а второй имеет единичное употребление: *в «Вишневом саде» Чехова*.

По наблюдениям ученых, семантическое размежевание форм с окончанием *-у* или *-е* и их выбор могут зависеть от функции в предложении. Форма на *-у* чаще востребована при обстоятельном значении (хотя уже возможна и форма на *-е*), например, *где? — в кругу родных, стоять в строю, погиб в бою, но быть в отпуске* (хотя возможно разг. *в отпуску*) или *как? — ехать на полном газу*. Форма на *-е* предпочтительнее при передаче объектного значения, например, *в чем? — отказать в отпуске, в государственном строе, победить в первом круге соревнований; на чем? — готовить на газе*.

Сохранение реликтовых падежных форм в современном языке наблюдается в ряде случаев. Например, устаревшее окончание имени существительного в форме дательного падежа множественного числа в наречии *поделом*. К реликтовым формам, связанным с сокращением числа падежей, относится явление обращения, функцию которого прежде выполнял звательный падеж. После упразднения падежа звательная функция и интонация сохранились, и их реализацию взял на себя современный именительный падеж.

Рост несклоняемых имен

Данная тенденция касается как русского материала, так и иноязычных заимствований, массово проникающих в русский язык и переживающих в нем волнообразный процесс адаптации к действующим нормам. Рост несклоняемых имен активизировался во второй половине XX в. и в настоящий момент касается различных собственных имен (людей, географических объектов, в составе каких-либо типовых сочетаний), неизменяемых прилагательных, сложных наименований в некоторых профессиональных сферах, имен числительных, аббревиатур и др. Тенденция к несклоняемости отличает:

1) фамилии типа *Шевченко, Дурново, Живаго, Витте* и др., известные имена *Отелло, Микеланджело, Леонардо да Винчи, Нессельроде* (некоторые из них в первой половине XIX в. склонялись);

2) географические названия типа *Пушкино, Бутovo, Шереметьево* и т. п., пережившие с середины XX в. несколько этапов кодификации; в грамматиках 1952 г. и 1970 г. (АГ-52 и АГ-70) они относились к склоняемым; в грамматике 1980 г. (РГ-80) признавались несклоняемыми в разговорной, профессиональной и газетной речи, особенно при наличии родовых наименований, например, *в поселке Ивакино, на станции Фрязино*; в новой редакции «Правил» зафиксированы как несклоняемые;

3) иноязычные географические наименования в сочетании со словами *республика, королевство, штат, княжество* и т. п., не изменяющиеся в официальном языке, см.: *в Королевстве Бельгия, в штате Вирджиния, в Республике Кения, в Республике Берег Слоновой кости, в Королевстве Саудовская Аравия*; в разговорной речи подобные географические наименования часто склоняются, см.: *торговать с Республикой Индией, посетить Республику Намибию*;

4) имена собственные в роли приложений при родовых наименованиях *газета, журнал* и т. п., см.: *фотоконкурс газеты «Известия»* (процесс здесь противоречив);

5) некоторые неизменяемые прилагательные в позиции после определяемого слова, см.: *воротник апаши, цвет бордо, пальто маренго, платье беж, часы пик, рукав реглан, пальто деми, стиль гротеск, модерн*;

6) первые части сложных наименований в сфере военной и профессиональной лексики, см.: *капитан-инженеру, инженер-экономисту* (допускается *инженеру-строителю*), в разговорной сфере, см.: *плащ-палаткой, к матч-турниру, в яхт-клубе* (примерно две трети подобных слов утратили склоняемость первой части);

7) имена числительные при употреблении для нумерации домов, см.: *дом один, в доме один* от *дом номер первый* → *дом номер один* → ...; в качестве приложений, см.: *Луна-3, Олимпиада-2000*; в профессиональной речи, см.: *рукопись объемом 20 печатных листов, поднимается столб дыма высотой четыре километра*;

8) аббревиатуры с конечным гласным в официальной речи, см.: *НАМИ, РОЭ, МГУ, НИИ, РОСТА*; однако многие аббревиатуры с конечным согласным в разговорной и массовой письменной речи (газеты, журналы) имеют тенденцию к словоизменению, см.: *представление во МХАТе, выпускники ВГИКа, диссертация утверждена ВАКом, руководствоваться ГОСТом, солист ГАБТа* и др.

Формирование нового класса существительных общего рода

В современной речи увеличивается класс слов мужского рода, называющих лиц мужского пола по роду занятий, но часто использующихся для названия лиц женского пола. Например, *министр, президент, дипломат, юрист, врач, доктор наук, пилот, филолог, бухгалтер, инженер, декан, ректор, профессор, космонавт, генерал, полковник* и т. д. Чтобы указать на «женское» содержание в номинации, говорящие используют синтагматические или словообразовательные возможности языка.

Синтагматические возможности заключены в согласовании сказуемых или определений по смыслу, например, *наша менеджер, риелтор посоветовала, депутат Госдумы возмутилась, губернатор заступилась, руководитель пресс-службы МЧС сказала* [96]. Однако синтагматические возможности имеют ограничения. Во-первых, согласование по смыслу легко осуществляется в форме именительного падежа и почти не используется в косвенных падежах (там оно остается формально-грамматическим), см.: *наша экскурсовод Иванова*, но к *нашему экскурсоводу Ивановой*; *известная композитор Пахмутова*, но в *гостях у известного композитора Пахмутовой*. Во-вторых, согласование по смыслу не принято в строгом деловом стиле, где продолжает сохраняться формально-грамматическое согласование, см.: *Заведующему отделом Ивановой*. В-третьих, согласование по смыслу зависит от функции в предложении: определения согласуются легче, предикаты — труднее, см.: *наша диспетчер*, но *Иванова — хороший врач*.

Словообразовательные возможности языка для создания «женских» номинаций заключены в использовании суффиксов. Результат составляют часто потенциальные и окказиональные корреляты женского рода. Например, *олигархиня, врагиня, критикесса, романтическая, политикесса, летописица, прокурорша, метресса* [96], *авторка, режиссерка, блогерка, приятелка*. Особенности большинства таких слов в том, что они не являются литературными и могут иметь значения, отличные от «мужских» номинаций. Например, «обозначение жены по мужу» в словах *профессорша, генеральша, инженерша* вместо предполагаемых названий лица женского пола по должности, званию, профессии [21]; расхождение значений слов *меловщица* и *меловщик* — «девушка, которая натирает кий мелом в бильярдном зале» и «торговец мелом», слов *машинистка* и *машинист* — «женщина, работающая на пишущей машинке» и «...управляющий машиной / ... водитель поезда» [117] и др. В социолектах новые «женские» наименования часто представляют собой резуль-

тат языковой игры. Например, разговорное слово *электричка* в привычном значении «электropоезд» используется в студенческой среде в качестве названия студентки электротехнического факультета.

Итак, внешние факторы воздействия на язык (массовое включение женщин в разные общественные и бизнес-процессы) объясняют активность появления новых «женских» наименований, а категория рода вместе с категорией одушевленности представляет собой неиссякаемый источник языковых новообразований словообразовательного типа со значением «женскости». Однако важно, что большое количество подобных номинаций на современном этапе не является общелитературными и нейтральными.

Использование формы единственного числа для обозначения собирательности или обобщенной множественности

Значение собирательности или множественности в современном русском языке традиционно передается именами существительными в форме множественного числа и в форме единственного числа с помощью разнообразных суффиксальных средств с семантикой «много, множество». Например, *студенчество, профессура, детвора, ребятня, старище, молодежь*. Значение собирательности в таких словах заложено в структуре слова и присутствует словообразовательно.

Во второй половине XX в. для выражения множественности (собирательности) ученые отмечают активизацию некоторых бессуффиксальных форм единственного числа, прежде репрезентирующих только значение единичности (лица или предмета). Например, *Не тот пошел студент; Дом актера; Специалист всегда в чести*. В подобных формах значение собирательности можно выявить только в контексте, т. е. аналитически [21].

Обзор основных тенденций в русской морфологии, характера и темпов их протекания позволяет говорить о высокой интенсивности процессов и их многочисленных результатах в речи. Нарастание аналитических черт (увеличение количества несклоняемых имен, формирование нового класса существительных общего рода, развитие семантики множественности в некоторых бессуффиксальных существительных в форме единственного числа и др.), стремление уйти от флективных вариантов в формах одного падежа, креативность в функционировании грамматических категорий и другие процессы представляют собой следствие как внутриязыковых возможностей и «движений», так и влияния живой разговорной речи на появление новых форм.

Рекомендуемая справочная литература

1. Большой грамматический словарь: в 2 т. / авт.-сост. Л. З. Бояринова, Е. Н. Тихонова, М. Н. Трубаева. — Москва : Флинта: Наука, 2006. — 2 т.
2. Брусенская Л. А. Словарь неизменяемых иноязычных слов русского языка / Л. А. Брусенская. — Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. гос. пед. ун-та, 1997. — 238 с.
3. Граудина Л. К. Словарь грамматических вариантов русского языка / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. — 3-е изд., стер. — Москва : АСТ : Астрель ; Минск : Харвест, 2008. — 560 с.
4. Ефремова Т. Ф. Словарь грамматических трудностей русского языка / Т. Ф. Ефремова, В. Г. Костомаров. — Москва : АСТ : Астрель, 2006. — 384 с.
5. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение / А. А. Зализняк. — Москва : АСТ-Пресс, 2008. — 796 с.

6. Успенская И. Д. Современный словарь несклоняемых слов русского языка / И. Д. Успенская. — Москва : АСТ : Астрель, 2009. — 480 с.

Контрольные вопросы и задания

Примечание. Ответы на вопросы предполагают работу с материалом лекции, с современной научной литературой (обязательны ссылки на источники).

1. Назовите тенденции, сопровождающие конкуренцию форм рода у имен существительных. Приведите примеры.
2. Перечислите проявления особых случаев соотношения единственного и множественного числа одного слова.
3. Назовите лексико-семантические группы, слова которых имеют в качестве заголовка словарной статьи формы множественного числа.
4. Назовите новые тенденции в использовании форм множественного числа имен существительных.
5. Сформулируйте суть стилистической и семантической специфики имен существительных мужского рода в формах множественного числа с окончаниями *-ы/-а*.
6. Перечислите группы имен существительных с конкурирующими окончаниями (*-ов/нулевое*) в форме родительного падежа множественного числа.
7. Назовите особенности морфологических изменений некоторых глагольных форм.

Глава 8.

Тенденции в синтаксисе современного русского языка

ВОПРОСЫ ТЕМЫ

1. Рост аналитизма в синтаксисе.
2. Тенденция к фрагментарности и расчлененности синтаксических конструкций. Способы отражения разговорной речи на письме.
3. Тенденция к смысловой точности высказывания.

Современный синтаксис находится под активным влиянием разговорной речи, в силу чего вариативен, подвижен и необычен по сравнению с классическим синтаксисом. Классический синтаксис сохраняется сегодня преимущественно в официально-деловом и научном стиле в развернутых, логически выстроенных предложениях.

В текстах иных стилей современный синтаксис отличается частотными имплицитными связями и отношениями (вместо эксплицитных в классическом синтаксисе), при которых функции и значения словоформ определяются их позициями в предложении и связями с другими словоформами. Данная тенденция к аналитизму сопровождается предпочтениями более экономных и «мобильных» средств выражения, меняющих ритмический облик предложений. К особенностям организации последних относятся сокращение длины, нарушение грамматических рамок (отчленение каких-либо компонентов), активизация синтаксических связей типа примыкания, создание экспрессивности за счет грамматических структур (а не за счет подбора лексем) и др. [21; 137].

Опираясь на теоретические положения Н. С. Валгиной [21], приведем обзор тенденций в синтаксисе.

Расчлененность и сегментированность синтаксических построений

Влияние разговорного синтаксиса на письменную речь проявляется в том, что синтагматически выверенные конструкции (с относительно законченными грамматическими структурами) нередко уступают свои позиции конструкциям, отвечающим актуализированному синтаксису. Последние проявляются в нарушении «классических» синтагматических цепочек, в особом членении грамматического состава предложения, в подчеркнутом («фокусном») положении семантически значимых компонентов предложения.

Разговорная речь в письменном тексте не может быть воспроизведена в первозданном виде. Она может быть лишь имитирована с помощью разных способов включения. Основным способом включения признается использование расчлененных конструкций, дополнительным — использование сегментных (двучленных) конструкций.

Расчлененные конструкции как основной способ передачи разговорной речи в письменном тексте

Расчлененные конструкции демонстрируют прерванные синтагматические последовательности, имеют особое интонационное (и пунктуационное) оформление, передают дополнительный логический и экспрессивный смысл. Данные конструкции представлены несколькими разновидностями.

Во-первых, присоединительные конструкции. Конструкции находятся в рамках предложения, передают дополнительную мысль после основного высказывания, обычно отделяются тире. Например, *В термине «шестидесятники» отразились... схожие ощущения — **мира, жизни** [147]; Разбили нас — **как колоду карт!** [130]; Перед ней высветился дальний-дальний день — **и тоже с рекой** [93].*

Во-вторых, парцелированные конструкции. Парцеллы стоят после точки, но сохраняют обычные синтаксические связи с основным суждением, т. е. являются членами предложения или предикативными частями сложных предложений. Например, ...*Он хочет, чтобы они попытались сделать щитки на заднюю часть голени. Как лошадям. Потому что сейчас его бьют и сзади* [174]; ...*Этот обаятельный человек в свободное от работы время копает себе дорогу на волю. Обычным строительным мастерком!* [142]; *Все больные — дети. Даже когда им за семьдесят* [181]; *Минск получил нефтяной паек. Но только на три месяца* [12].

В-третьих, фрагментальные конструкции. Конструкции представляют собой однородные придаточные или обособленные обороты перед основным суждением, которые между собой и от основного суждения отделены точкой. Например, ...*Которого так желали. Чье появление предвосхищали. Не появился; Когда звенят ручьи. Когда щебечут птицы. Когда поет сердце. Наступает весна; Если мы не знаем о каждодневных предметах. Если мы не знаем о душе человеческой. Если мы не знаем, что такое электричество, то нам ли знать о значении и пределах искусства?* [97]. Фрагментальные конструкции не столь частотны в русском синтаксисе и представляют собой случаи нетипичного расчленения предложения.

Сегментные (двучленные) конструкции как дополнительный способ передачи разговорной речи в письменном тексте

Двучленные конструкции демонстрируют утрату компонентами предложения «классических» грамматических связей и представлены несколькими разновидностями: изолированными именительными и разъяснительно-пояснительными конструкциями.

1. Изолированные именительные конструкции. Могут находиться в препозиции или постпозиции по отношению к основному предложению.

Препозитивный номинатив — это именительный представления, или именительный темы, находящийся перед предложением. Может быть выражен именем существительным, инфинитивом, предикативным объединением, иными словоформами с функцией представления. Например, *Москва... как много в этом звуке / Для сердца русского слилось!* (А. Пушкин); *Смотреть на звезды — что может быть прекраснее и слаще!* (В. Соколов); *Праздничное настроение и светлость в сердце — где все это?* (В. Астафьев); *Удивительное ощущение. Вот я сижу у себя дома, пишу это...* (Е. Гришковец); *Нечего надеть! Как часто мы произносим эту фразу вслух или про себя, оглядывая набитый одеждой шкаф* [21].

Постпозитивный номинатив — это именительный, называющий тему предложения без логического утверждения и находящийся после предложения. Например, *Он не мог с ней договориться ни о чем. Полное непонимание и глухота; Время, когда весна превращается в лето. Май.*

2. Разъяснительно-пояснительные конструкции. Имеют двухчастную структуру: название общей проблемы и формулировку ее частных аспектов (детали, название места и пр.). Вторая часть предложения может иметь форму повествовательного или вопросительного именительного предложения. Например, *Почта России: и пусть весь мир подождет* [185]; *Идеальная фигура: мечта или реальность?* [149]; *Нина Симон: Икона джаза и история ее обреченной борьбы с собой и миром* [186]. Подобные конструкции востребованы в заголовках, в названиях газетных и журнальных рубрик и часто включают знак двоеточия между частями конструкции. Использование двоеточия является оправданным и с позиции единства предложения, и с позиции передачи конкретизирующе-пояснительных смыслов. Однако в § 24 новой редакции правил пунктуации двоеточие

в подобных конструкциях трактуется лишь как допустимое. В целом рекомендуется ставить точку, если за именительным темы следует вопросительное предложение, или тире, если вопросительная часть имеет форму именительного падежа (между частями можно поставить слово *это*). Например, *Разум на других планетах. Каков он?* (журн.) и *Сценарий — произведение или полуфабрикат?* (газ.); допустимо *Студенческий быт; каким ему быть?* (газ.) [90].

Специфика функционирования расчлененных и сегментных конструкций усматривается в их одновременной самостоятельности и несамостоятельности. Самостоятельность связана с положением вне основного предложения, несамостоятельность — с нефункциональностью без основного предложения (проявлением аналитизма). Расчлененные и сегментные конструкции позволяют с долей условности передавать на письме разговорный синтаксис, обеспечивают экономичность формы, смысловую емкость, стилистическую выразительность текстов.

Предикативная осложненность предложения

Данная тенденция связана с положением предикативной единицы в позиции члена предложения. Например, в позиции подлежащего в названии книги В. Т. Чумакова *«Вместо ё печатать е — ошибка»*; атрибутивное значение при субстантиве, см.: *Живем по принципу «человек человеку друг»*; *Вопрос «Кто виноват?» чужд православному* [140]; «ослабленное» придаточное, см.: *...Традиция превращать в шутку и таким образом осмысливать все что угодно в этом году только окрепла...* [137]; *Мы, конечно, продолжали делать что хотели* (Б. Полевой); в позиции дополнения, см.: *Кроме броского «да, мы говорим о Северной Корее и взрываем ее лидера в конце» и незамысловатых шуток, в фильме ничего нет* [184]; в позиции обстоятельства, см.: *Возраст здания*

выдают лишь коридоры: там **того и гляди** на тебя посыпется известка XVII века [156].

Тенденция предикативной осложненности отражает имитацию процесса говорения на письме и включает контаминации нескольких предложений. Например, в простом двусоставном предложении какой-либо член предложения может быть представлен:

1) простым предложением, см.: *Скромником не выглядит, улыбается, глаза блестят, бойко обменивается репликами* [101]; *Конвоир этот был сильный, приземистый немец, ... с автоматом на груди, в тесном ... кителе; из-под ... пилотки выбивался совсем не арийский черный, почти смоляной чуб* (В. Быков); *Я думал уж о форме плана и как героя назову* (А. Пушкин) — простые предложения в позиции одного из однородных членов предложения;

2) формой придаточного предложения, см.: *Самая поздняя осень — это когда от морозов рябина сморщится* (М. Пришвин); *А главная нужда — чтобы удалось себя и мир борьбы и потрясенный увидеть в обнаженности осенней* (Е. Евтушенко) — придаточные предложения в позиции сказуемого;

3) в виде парцеллята, см.: *В кино есть такое определение — синхронность. Это когда звук совпадает с изображением* (М. Светлов);

4) сложным предложением, см.: *Снежинск, Трехгорный и Озерск — не те территории, где можно пускать ситуацию на самотек...* [178] — сложное предложение в позиции сказуемого.

Возможны и другие случаи структурной контаминации, однако общей чертой усвоения осложненных конструкций письменной речью выступает рост «самостоятельности» зависимых синтаксических единиц и их дополнительная семантизация [21].

Активизация несогласуемых и неуправляемых словоформ

Ярким примером тенденции является именительный зависимый, когда вместо ожидаемой формы косвенного падежа используется форма именительного. Именительный зависи-

мый обычно распространяет имена существительные (например, *партия, матч, встреча, дуэт, союз, поединок, история, переписка, проблема* и т. п.), глаголы, слова категории состояния и др. Например, *История Печорин — Грушницкий; Делить чье-либо творчество на текст и музыка нельзя!; Вот молоко пакет; Как пройти проспект Мира?; на расстоянии пять километров; поддержка ЭКСПО — 2020* (вместо *две тысячи двадцатого года*); *В большом выборе ликеры — производство Германии; Рейс Панама — Париж задержан...* Именительный зависимый может включаться в однородные ряды вместе с другими падежными формами, например: *Выглядела она замечательно: без макияжа, в льняном платье, седые завитки волос и чудный французский аромат.* Именительный зависимый встречается в устной и письменной речи, фиксируется в рекламе, СМИ.

К случаям использования несогласуемых и неуправляемых словоформ относятся также:

1) конструкции «предлог *с* + имя существительное в форме творительного падежа», часто с неодобрительным оценочным значением, см.: *С зарплатой задержка; С дисциплиной плохо;*

2) форма родительного падежа в качестве предикативного элемента предложений разговорного типа, см.: *Ягод — собирай сколько хочешь; Хороших специалистов — днем с огнем не сыщешь;*

3) обстоятельства с локальным и темпоральным значением, отделенные от предложения точкой, см.: *В городе, по пути на вокзал. Извозчик летит во весь дух, с горы и на мост* (И. Бунин) [21].

Рост предложных сочетаний

Тенденция замены беспредложных сочетаний предложными стала особенно заметной во второй половине XX в. Вместо *акт поверки счетчиков* используется *акт о поверке счетчиков*, вместо *план выпуска iPhone* — *план по выпуску*. Активизацию со-

четаний с предлогами можно объяснить другой тенденцией — стремлением к большей смысловой точности речи.

Во многих случаях использование предлогов позволяет дифференцировать значения, например, *идти лесом* — *идти около леса*, *идти по лесу*, *идти через лес*, *идти вдоль леса*, или вносить новые значения, например, в тексте *Религия — опиум народа* в беспредложном сочетании *опиум народа* народ выступает субъектом, «творящим» ситуацию; в тексте *Религия — опиум для народа* в предложном сочетании *опиум для народа* народ оказывается субъектом, которому ситуация навязывается [21].

Большая смысловая точность речи и дифференциация значений достигаются использованием разных предлогов, что позволяет создавать не только двучленные, но и многочленные ряды близких по значению сочетаний, например:

1) двучленные ряды *полезный организму* — *полезный для организма*, *лететь самолетом* — *лететь на самолете*, *пражский самолет* — *самолет на Прагу*, *сельский пропагандист* — *пропагандист на селе*, *юношеский чемпионат* — *чемпионат среди юношей* и т. д.;

2) трехчленные ряды *квартирная плата* — *плата за квартиру* — *плата с квартиры*, *сезонная одежда* — *одежда к сезону* — *одежда по сезону* и т. д. [137].

Конкуренция беспредложных и предложных сочетаний при одновременном присутствии последних может быть использована как прием экспрессивизации текста, например, в утверждении *Вещи теряют в цене, но не достоинство*.

Использование разных предлогов имеет результатом не только варианты предложных сочетаний, но и конкуренцию этих предлогов. Так, предлоги *с* и *по* часто заменяют сильное глагольное управление, например, *откладывать отъезд* — *откладывать с отъездом*, *слесарь-ремонтник* — *слесарь по ремонту*, *преподаватель истории* — *преподаватель по истории*. По мнению ученых, предлог *по*, конкурируя с другими предлогами, часто вытесняет их. В парах предложных сочетаний *долги за газ* — *долги по газу*, *заявки на ремонт* — *заявки по ремонту*, *говорить о кан-*

дидатуре — говорить по кандидатуре сочетания с **по** оказываются более востребованными. В СМИ конструкции с предлогом **по** часто выражают значение «предмета речи», например, *переговоры по Боснии, голосование по кандидатуре NN, инициатива по Чечне, договоренность по Газпрому* [47; 31], и более распространены по сравнению с возможным синонимичным употреблением конструкций с предлогами **о**, **касательно**. По мнению М. Я. Гловинской, подобные конструкции представляют собой результат компрессии текста, когда на основе более развернутого словосочетания создается лаконичное. Например, вместо *программа изменения законов пользования землей* или *по пользованию землей* в речи используют *программа по земле*. По наблюдению Л. П. Крысина, конструкция с предлогом **по** возникла в чиновничьей среде, стала частотной в языке СМИ, однако мало характерна для устно-разговорной речи в других сферах деятельности. Она почти не встречается в речи гуманитарной интеллигенции [59].

Предлоги **в** и **на** также конкурируют в речи, хотя не имеют сколько-нибудь определенного семантического размежевания, см.: *на Украине — в Украине, на кухне — в кухне, на огороде — в огороде, на поле — в поле* и др. [21].

Важно отметить также, что, несмотря на распространение предложных сочетаний, последние не всегда являются нормативными. Языковую норму нарушают, например, словосочетания *оплатить за проезд* вместо *оплатить проезд*, *заметить о том, что* вместо *заметить что-либо* и др. [137].

Тенденция к смысловой точности высказывания

Стремление наиболее точно передать смысл в предложении соотносится с реальностью и проявляется в вариативных формах сказуемых или согласованных определений, демонстрирующих оппозиции рода (выбор формы мужского или женского

рода) и числа (выбор формы единственного или множественного числа).

Выбор формы мужского или женского рода для сказуемых или согласованных определений

Этот выбор связан прежде всего с использованием имен существительных мужского рода (например, *пилот, врач, доктор, инспектор, бухгалтер* и т. п.) для обозначения лиц женского пола. Если речь идет о женщине, для согласования с данными существительными предпочтение все чаще отдается формам женского рода, например, *Первая в истории французского футбола тренер-женщина начала карьеру с поражения* [177]; *Депутат рассказала об отсутствии обиды на Милонова* [153]; *Редактор нового англоязычного журнала ... о русском искусстве отправилась в российское турне...* [128]; *Фотограф из Екатеринбурга, ныне проживающая в Шанхае...* [54]. Дифференциация форм *корреспондент побывал* (о мужчине) и *корреспондент побывала* (о женщине) особенно заметна в современных СМИ.

История выбора формы мужского или женского рода при согласовании с именами существительными мужского рода включает этапы разного решения вопроса и его отражения в академических грамматиках. Так, грамматики 1952, 1954, 1970 гг. рекомендуют согласование только в форме мужского рода независимо от названия мужчины или женщины, грамматика 1980 г. допускает форму женского рода в разговорной речи, чаще — для сказуемых: *врач пришла, бригадир уехала в поле*, реже — для определений: *новая бригадир, прекрасная врач*. Как отмечалось в теме об активных процессах в морфологии, подобные согласования имеют ограничения в формах косвенных падежей, а также при использовании в функции предиката или определения.

Превращение многих прежде «мужских» видов деятельности в «женские» повлияло на расширение сочетаемости имен

существительных мужского рода. Подобные социальные процессы вызывают пополнение явлений, связанных в русском языке с категорией общего рода [21].

Выбор формы единственного и множественного числа для сказуемых при подлежащих типа «большинство людей, двое студентов, много предметов, несколько человек»

Этот выбор на современном этапе языкового развития отражает оппозицию старой и молодой нормы.

Сказуемое в форме единственного числа соответствует традиции формального согласования (старая норма) и продолжает сохраняться в текстах строгих стилей речи (научного, официального), в предикативных сочетаниях с подлежащими в форме «название количества + неодушевленное имя существительное», «название неопределенного количества + имя существительное», при выражении страдательного значения. Например, *Большинство депутатов **явилось** на заседание* (деловой стиль); *Много книг **лежало** на столе* (название количества + неодушевленное имя существительное); *Около пяти студентов **не прибыло** на сессию* (название неопределенного количества + имя существительное); *Взрывом **было убито** около сорока человек* (сказуемое в форме страдательного залога).

Сказуемое в форме множественного числа все чаще встречается в предикативных сочетаниях с подлежащими в форме «название количества + название лица (одушевленное имя существительное)», а также в случаях, когда при подлежащем есть обособленное определение или придаточная часть предложения, указывающие на множество субъектов (молодая норма). Например, *Несколько профессоров **обсудили** варианты лечения больного*; *...**Ранены 50 человек** из 10 стран* (о теракте 22 марта 2017 года) [139]; *Большинство студентов, **приехавших** на сессию, хорошо **сдали** экзамены*; *Ряд вопросов, **которые** были заданы выпавшими, **остались** без ответа*.

Приведенные примеры свидетельствуют, что при согласовании подлежащего типа «название количества + имя существительное» и сказуемого в современной речи используется как формальное, так и смысловое согласование. Выбор формы сказуемого в единственном или множественном числе зависит от семантических, грамматических, стилистических контекстуальных условий и отражает усиление тенденции к смысловой точности высказывания [21].

Синтаксическая компрессия и синтаксическая редукция

Данные явления отвечают действию закона экономии усилий и отражают влияние разговорного синтаксиса на письменную речь. Компрессия и редукция на синтаксическом уровне заключены в сохранении содержательно и коммуникативно значимых вербальных компонентов, содержание которых расширяется имплицитными логико-смысловыми компонентами.

Синтаксическая компрессия осуществляется за счет пропуска внутреннего звена конструкции (обычно глагола или причастия) при сохранении крайних компонентов, в которых заключается актуальный смысл. Компрессивные структуры на уровне означаемых имеют больше единиц (единиц смысла), чем на уровне означающих (словесно представленных единиц). Благодаря отсутствию глагольного слова происходит перераспределение синтаксических связей, в результате чего меняется грамматический облик конструкции. Например: *библиотека на общественных началах* вместо *библиотека, организованная на общественных началах*; *синий стержень* вместо *стержень, наполненный синими чернилами/пастой*; *Глеб Чернявский* — о *Стивене Джеррарде* [193] вместо *Глеб Чернявский рассказывает о Стивене Джеррарде*; *Скинув на компьютер фотографии за неделю...* вместо *... фотографии, сделанные за неделю*; *Глава первая, в которой Фандорин попадает под арест* (Б. Аку-

нин) вместо *Глава первая, в которой* [рассказывается о том, как] *Фандорин попадает под арест* [21].

Компрессивными являются также конструкции с нулевыми сказуемыми типа *Городам — чистый воздух; Вузы — народному хозяйству*. Подобные конструкции встречаются в основном в заголовках, лозунгах и т. п.

Синтаксическая редукция представляет собой отсечение необходимого грамматического звена (формы управления) в синтаксической структуре. Например, *Фирма гарантирует* (что? кому?); *Тема волнует* (чем? кого?); *Теннисисты радуют* (кого? чем?); *Высокое звание обязывает* (к чему?); *Портрет на фоне* (чего?) и др. Качество «недосказанности» делает редукцию восстребованной в рекламе с целью манипулирования сознанием реципиентов, создает интригу в текстах современной публицистики. На базе редукции образуются специфические официальные термины, например, *движение несопротивления, политика быстрого реагирования, мирное урегулирование, группа немедленного реагирования* и др. См. в текстах: *Были заключены договоренности о мирном урегулировании с умеренными лидерами оппозиции; [В 2012 году] на саммите Движения неприсоединения в Тегеране разразился ... скандал* [159]; *Путин обсудит с лидером Израиля ближневосточное урегулирование* [138]; *Важным условием разветывания движения Соппротивления было объединение антифашистских сил; силы быстрого реагирования, технологии быстрого реагирования, Казачий отряд быстрого реагирования* (о народной казачей дружине, созданной во Владимире в помощь правоохранительным органам) [160].

Редукцию используют в художественных текстах как выразительный прием, позволяющий делать неопределенным содержание текста и одновременно закладывать интерпретативный потенциал при его восприятии и осмыслении. Например, *Если бы молодость знала. / Если бы старость могла* [189].

Синтаксическая компрессия и синтаксическая редукция выполняют грамматические и стилеобразующие функции, отвеча-

ют действию закона экономии речевых средств и репрезентируют семантику «недосказанности, которая понятна». Последняя наиболее характерна для разговорной речи, имплицитное содержание которой поддерживается ситуацией общения, и для поэтической речи, где словесная оболочка высказывания всегда меньше, чем заключенный в ней смысл.

Ослабление синтаксической связи

Данная тенденция проявляется в случаях слабо выраженных падежных функций в рамках предложения. Данную тенденцию поддерживают многие названные выше синтаксические процессы, такие, как употребление несогласуемых и неуправляемых словоформ, зависимого именительного падежа; выражение грамматического значения слова с опорой не на его форму, а на структуру предложения в целом; смысловая и позиционная актуализация информационно значимых единиц; рост явлений несклоняемости; отсечение обязательных управляемых распространителей в подчинительных словосочетаниях и др. Например, в интернет-тексте ...*Музыканты традиционно исполняют свои лучшие **фанки-панки-инди** произведения* определение перед именем существительным несклоняемо, композитно (несколько слов в одном), с нехарактерной для русского языка формой (написание слова с помощью нескольких дефисов), не кодифицированной в языке. Несмотря на необычность композитного новообразования, последнее способно создать эффект одного слова с комплексной признаковой семантикой.

Традиционные правила формально-грамматического соединения словоформ в речи нарушаются не только в связи с употреблением несклоняемых слов. Размытость соединения словоформ зависит также от многочисленных случаев одновременной связи какой-либо словоформы с разными членами предложения. В качестве примера приведем фрагмент предыдущего пред-

ложения, см.: ...*Правила формально-грамматического соединения словоформ в речи нарушаются не только в связи с употреблением несклоняемых слов.* Словоформа в речи здесь может относиться и к слову *соединения*, и к слову *нарушаются*, выполняет обстоятельственные локальные функции со специфичной семантикой для каждого синтагматического фрагмента, каждый из которых при актуальном членении предложения и в связи с прагматикой текста оформляется интонационно. В живом общении двусторонние синтаксические связи конкретной словоформы могут зависеть от коммуникативного задания предложения, определяющего и словорасположение, и особую интонацию [21]. Подобные синтаксические связи усматриваются в таких явлениях современного русского языка, как номинативные предложения с обстоятельственными распространителями, например, *Зима в Ялте; Ягоды в лукошке*; морфологические отличия однородных членов предложения, например, *Усталый и ни на кого не глядя, он тихо присел* и др.; неуправляемые свободные словоформы в косвенных падежах в качестве самостоятельных конструкций, например, *Уobelиска; В гостях у сказки; Без права на ошибку*.

Грамматически невыраженные синтаксические отношения между словами часто наблюдаются в рекламных, особенно в переводных текстах. Под влиянием последних в русском языке все чаще появляются нехарактерные аналитические многословные сочетания. Например: *немоллюкс гель сода эффект; комет чистящий порошок антиржавчина; комет чистящий порошок лимон* [163].

Аффективное и интеллектуальное в синтаксисе

Коммуникативно-прагматическое изучение русского языка свидетельствует об активном развитии экспрессивного синтаксиса, особенно отличающего тексты бытовые, публицистические, рекламные, художественные. К синтаксическим сред-

ствам создания экспрессивности относятся актуализированный порядок слов, сегментация, эллиптичность построений, введение аффективных разговорных форм и пр.

Аффективное в сообщении связано с выражением отношения говорящего, сопровождаемым большим чувством (лат. *affectus* — «душевное волнение, страсть»). Аффективное в речи отражает усиленное личностное начало (снятие безликости и безадресности), диалогичность речи, увеличение ее спонтанности (особенно в публичной речи).

Логическое (интеллектуальное) противоположно аффективному, реализуется за счет эксплицитных синтаксических связей и последовательного расположения компонентов. Логичность отличает научные и официальные тексты.

В качестве примеров аффективных и логических репрезентаций приведем эмоциональные авторские тексты, передающие отношение к событию с помощью особого членения текста (1), и их формальные эквиваленты, представляющие констатацию фактов и отвечающие традиционным синтаксическим нормам (2).

(1) *Важно научиться одной простой непростой вещи. Определению приоритетов. Сейчас. В данный момент. В перспективе. Четко знать и активно желать.*

(2) *Важно научиться одной простой непростой вещи — определению приоритетов сейчас, в данный момент, и в перспективе, четко осознавать их и активно желать их осуществления.*

Обзор тенденций в русском синтаксисе позволяет говорить о влиянии разговорного синтаксиса на расшатывание представлений о незыблемости синтаксических норм и борьбу старой и молодой норм. Существенное обновление традиционного облика русского синтаксиса заключено в росте аналитических черт, распространении случаев ослабленных синтаксических связей; в тенденциях экспрессивного членения конструкций и компрессивных репрезентаций, фиксируемых в многочисленных примерах в условиях разных речевых практик.

Рекомендуемая справочная литература

1. Ефремова Т. Ф. Словарь грамматических трудностей русского языка / Т. Ф. Ефремова, В. Г. Костомаров. — Москва : АСТ : Астрель, 2009. — 384 с.
2. Золотова Г. А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. — Москва : Едиториал УРСС, 2011. — 440 с.
3. Лебедева М. Н. Словарь-справочник синтаксической сочетаемости глаголов / М. Н. Лебедева. — 3-е изд. — Москва : Русский язык. Курсы, 2006. — 192 с.
4. Ломов А. М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка / А. М. Ломов. — Москва : АСТ : Восток-Запад, 2007. — 416 с.
5. Меликян В. Ю. Синтаксический фразеологический словарь русского языка / В. Ю. Меликян. — Москва : Флинта : Наука, 2013. — 404 с.
6. Русские глагольные предложения. Экспериментальный синтаксический словарь / под ред. Л. Г. Бабенко. — Москва : Наука : Флинта, 2002. — 464 с.
7. Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. — 3-е изд., испр. — Москва : Русский язык, 2002. — 816 с.

Контрольные вопросы и задания

Примечание. Ответы на вопросы предполагают работу с материалом лекции, с современной научной литературой (обязательны ссылки на источники).

1. Сформулируйте суть расчлененных и сегментных конструкций, приведите примеры.
2. Назовите особенности пунктуационного оформления присоединительных и парцелированных конструкций.

3. Приведите примеры контаминаций, демонстрирующие предикативную осложненность предложения.
4. Назовите причины роста предложных сочетаний.
5. Перечислите проявления тенденции к смысловой точности высказывания.
6. Сформулируйте суть синтаксической компрессии и редукции.
7. Назовите средства создания аффективного на синтаксическом уровне.
8. Перечислите основные тенденции в синтаксисе, сформулируйте их суть.

Задание по теме

Подберите примеры основных тенденций в синтаксисе.

Глава 9.

Тенденции в пунктуации современного русского языка

ВОПРОСЫ ТЕМЫ

1. Пунктуация и синтаксическая система русского языка. Принципы русской пунктуации: грамматический, смысловой, интонационный.
2. Изменение функций пунктуационных знаков (тире, скобки, двоеточие и др.). Расширение экспрессивной функции знаков препинания.
3. Свод правил пунктуации (1956) и современная практика их употребления.

Принципы русской пунктуации

В современной пунктуации действует три принципа членения текста с помощью знаков: структурный, смысловой, интонационный.

Структурный (формально-грамматический) принцип является доминирующим и диктует расстановку знаков препинания с учетом синтаксического строения. Принцип отличает большую часть современных правил пунктуации, обеспечивая стабильность пунктуационного оформления письменных текстов.

Помимо структурного принципа пунктуации значительно возросла роль смыслового и интонационного принципов членения текста, особенно востребованных в художественной литературе и отвечающих тенденции влияния разговорной речи на письменный синтаксис.

Смысловый принцип учитывает содержание логически выделенных фрагментов текста, определяя выбор знака. Например, в предложении *Молодые специалисты стараются быть незаменимыми на предприятии, рынок спроса и предложения человеческих способностей расширился* запятая передает перечисление событий; *Молодые специалисты стараются быть незаменимыми на предприятии; рынок спроса и предложения человеческих способностей расширился* — двоеточие передает значение причины того, о чем говорится в первой части (... стараются быть незаменимыми, **потому что**...); *Молодые специалисты стараются быть незаменимыми на предприятии — рынок спроса и предложения человеческих способностей расширился* — тире передает значение следствия из первого предложения (... специалисты стараются быть незаменимыми, **и, как следствие**, рынок способностей расширился).

Смысловой принцип постановки знаков очень востребован в творческом процессе создания отпрецедентных текстов, где специфика пунктуационного членения текста и содержания осознается с опорой на прецедент-источник. Прием разноместной постановки знака, позволяющий передать противоположные смыслы, известен по языковой игре в выражении *казнить, нельзя помиловать* и *казнить нельзя, помиловать* и узнаваем в выражениях *уйти нельзя остаться*, *ломать не стоит восстанавливать* и т. п.

Интонационный принцип отвечает преимущественно авторским интенциям, передавая с помощью знаков разнообразие смысловых оттенков и эмоций. Например, постановка восклицательного знака в следующем тексте: *Увидел я этот валун, и так захотелось прислониться. А за валуном отдыхал медведь! Я чуть не наступил на него* [166].

Важно, что смысловой и интонационный принципы не являются определяющими в пунктуационном оформлении текста. При совпадении со структурным членением они обеспечивают однозначность пунктуационных знаков, в случае расхождения со структурным членением — могут привести к спорному

(с формально-грамматической точки зрения) пунктуационному оформлению текста. Примеры расхождений с современными пунктуационными нормами наблюдаем в текстах СМИ: *Репутация — не горит!* [National Business, 2013: 76]; *<...> улыбочные тайцы готовы <...> увлечь разомлевших фарангов в глубины страны — чтобы они выложили как можно больше разноцветных банкнот...* [111]; *На певца дал показания прокуратуре его... родственник!* [Тайны звезд, 2013: 9]; *А вот немцев «обнаженка» их канцлера... не удивила!* [Тайны звезд, 2013: 4]; *Министр образования России Дмитрий Ливанов влип в скандал! Он... выругался матом!* [Тайны звезд, 2013: 5].

Действие принципов пунктуации, значения знаков имеют свое развитие. Многие знаки в XIX в. чаще использовались в иных позициях, чем в современных текстах. В качестве примеров приведем фрагменты из произведений русской классики, изданных в первой половине XX века (Гоголь, 1951; Достоевский, 1930; Пушкин, 1933). См.:

Но как вино подавалось у нас только за обедом <...>: то мой Бопр очень скоро привык к русской настойке (Пушкин) — двоеточие между частями сложноподчиненного предложения;

Покой был известного рода; ибо гостиница была тоже известного рода (Гоголь) — точка с запятой между частями сложноподчиненного предложения;

Батюшка <...> разбудил его очень неосторожно, и стал осыпать укоризнами (Пушкин); *Вы еще довольно легкомысленны, и способны, пожалуй, играть* (Достоевский) — запятая между однородными членами с одиночным союзом *и*;

У Амальхен уж щеки ввалились; сохнет (Достоевский) — точка с запятой между однородными сказуемыми;

К обеду ждали Мезенцова, французика и еще какого-то англичанина; как водится, деньги есть, так тотчас и званый обед, по-московски (Достоевский) — точка с запятой между частями сложного предложения (по смысловым связям похоже на бессоюзное либо на предложение с вставной конструкцией);

Я хотел было взять Мишу и Надю и пойти с ними гулять, но с лестницы меня позвали к генералу; ему заблагорассудилось осведомиться, куда я их поведу (Достоевский) — точка с запятой между частями сложного предложения (по смысловым связям похоже на бессоюзное);

На водах, — да, кажется, и во всей Европе, — управляющие отелями <...> редко ошибаются (Достоевский) — сочетание запятой со знаком тире для обособления вставной конструкции.

Практика издания одних и тех же текстов в XIX и XX вв. довольно часто позволяет наблюдать расхождения в их пунктуационном оформлении (тем более что издания могли не отражать в полной мере авторских знаков в результате корректорской и редакторской правки). Недоумение у современного читателя вызывает отсутствие ряда пунктуационных знаков в текстах писем Л. Н. Толстого [127]. Например, (1) *Впрочем_ письмо это не считайте письмом_ а просьбой*; (2) *Спасение лошадей в том_ чтобы для них устраивать столовые, дворы_ где их кормить до весны*. Оформленные в соответствии с действующими правилами пунктуации, эти же тексты на электронном ресурсе [187] выглядят следующим образом: (1) *Впрочем, письмо это не считайте письмом, а просьбой*; (2) *Спасение лошадей в том, чтобы для них устраивать столовые, дворы, где их кормить до весны*.

Расхождения в употреблении пунктуационных знаков касаются как издательской практики разных веков и лет, так и действующих правил 1956 г. Близкие по времени издания тексты могут иметь разное пунктуационное оформление. Например, строчка из стихотворения М. Цветаевой «Рас-стояние: версты, мили...» в издании конца XX в. выглядит следующим образом: *Который уж — ну который — март?! [130]*, а в учебном издании начала XXI в. оформлена так: *Который уж, ну который — март?! [103]*. Учитывая действующее правило оформления вставных конструкций (в данном случае имитирующих разговорный синтаксис) с помощью тире или скобок с двух сторон, первый вариант постановки знаков препинания кажется более корректным.

Резюмируя, подчеркнем следующее. Структурный принцип русской пунктуации обеспечивает относительно единообразное пунктуационное оформление текстов. Смысловый и интонационный принципы либо усиливают действие структурного принципа, либо противоречат ему, репрезентируя явления экспрессивного разговорного и авторского синтаксиса. Отсутствие однозначной регламентации пунктуационного оформления последних, активное субъективное начало, а также профессиональная компетенция корректоров и редакторов влияют на возможные расхождения в выборе знаков не только в разных, но и в одинаковых текстах. Важно, чтобы постановка знаков не противоречила авторскому замыслу и могла быть логически оправдана с позиции как структурного, так и смыслового и экспрессивного синтаксиса.

Современные особенности функционирования пунктуационных знаков

В русском письме набор пунктуационных знаков довольно устойчив. Однако традиционное назначение знаков сосуществует с их новой функционализацией, включая случаи замен одних знаков другими.

Знак «точка»

Точка традиционно указывает на конец повествовательного предложения, однако существенно более часто стала использоваться при оформлении парцеллятов и отделении от базового предложения сегментов, например, изолированных именительных конструкций.

При парцелляции точка разрывает грамматическую структуру, отделяя какой-либо член предложения и тем создавая

смысловые и интонационные акценты. Например, *Грузинские вина*, *Гордые, как грузины*; *Современные подростки безумно любят книги*, *Про Гарри Поттера*; *Мне сюда приходится*, *Приползать*, *Прилетать* [98]; ...*Мать сидела на лавочке, смотрела в ту сторону, откуда они появились*, *Поднялась и осталась так стоять* [102].

Наряду с парцелляцией, акцентирующей внимание на актуальных смыслах, все чаще появляются тексты с мнимой парцелляцией, где использование точки является ошибочным. Критерием ошибки выступает несамодостаточность основного суждения. Ср.:

(1) ...*Нюрка по-прежнему каждую субботу бегала на лесопункт*, *Одна. По темному лесу* [3] — точка допустима, отделяет парцелляты от основного предложения, которое может функционировать самостоятельно;

(2) *Тогда, когда тело человека скрылось под водой, мы увидели*, *Круги*; *Произведение написано в стиле*, *Высоком, приподнятом*; *Он сказал*, *Что вернется завтра*; *Я скучаю*, *Без. Тебя. Моя. Дорогая* [112]; *Просто знай, что ты меня*, *Сильней* [132] — точки отделяют мнимые парцелляты от логически недостаточных основных предложений и в данных примерах являются пунктуационными ошибками.

Ненормативное использование точки нередко наблюдается в заголовках, состоящих из одного предложения. Например, в дипломной работе выпускника вуза заголовки оформлены следующим образом:

1. Теоретическое обоснование проблемы развития связной речи у младших школьников.

1.1 Особенности развития связной речи младших школьников.

В «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 г. данное явление не было регламентировано, и заголовки часто оформлялись как обычные предложения с конечной точкой. В соответствии с § 2 новой редакции «Правил» в конце заголовка точка не ставится [90], и, следовательно, пунктуацион-

ное оформление приведенных заголовков не является нормативным.

К динамическим языковым процессам относится использование точки при отделении от основного предложения сегментов типа препозитивных или постпозитивных изолированных именительных конструкций. Использование точки делает такие конструкции позиционно более самостоятельными, однако конкурирует с запятой, точкой с запятой или тире [21]. Например, *Январь в Крыму. На черноморский берег зима приходит как бы для забавы...* [20]; *Ни одной фишки с «нано», а это нынче в моде. Серьезное упущение* [131].

Материалы интернет-общения демонстрируют новое использование точки в качестве указателя пробела между стихотворными строками. Схематично это выглядит так:

xxxxxxxxxxxxx (текст)

xxxxxxxxxxxxx (текст)

•

xxxxxxxxxxxxx (текст)

xxxxxxxxxxxxx (текст)

Важно и то, что точка в интернет-общении часто заменяется другими знаками, не характерными для русской пунктуации, но выполняющими разграничительную функцию точки. Например, знаки | (пайп, вертикальная палочка) и /, // (слэш, двойной слэш, косые палочки) в текстах *КНИЖНЫЕ ПОКУПКИ | НОЯБРЬ 2016* [128]; *МОЯ РОСКОШНАЯ ЖИЗНЬ В ПАТТАЙЕ // Таиланд, ПАТТАЙЯ* [148].

Наблюдения свидетельствуют, что точка в современном синтаксисе расширяет свои функции, не только структурно члени текст, но и участвуя в стилистических, акцентных и смысловых репрезентациях. В одной и той же синтаксической позиции точка может конкурировать с другими знаками (запятой, точкой с запятой, тире) и способна усиливать художественную и публицистическую выразительность письменного текста. В интернет-общении точка фиксируется в новой функции указате-

для межстрофного деления стиха, а также конкурирует с новыми для русской пунктуации знаками.

Знак «точка с запятой»

Точка с запятой традиционно используется в предложениях с распространенными однородными членами или сложными предложениями однородного состава (сложноподчиненными или бессоюзными с перечислительными отношениями). Например, *Формировать мощный интеллектуальный потенциал страны невозможно без такой молодежи, которая умеет думать, то есть способна ставить задачи и решать их; обладает навыками интеллектуальной комбинаторики, то есть умением привлекать для решения профессиональных задач методы, технологии и знания из различных областей знания; имеет широкий кругозор и глубокую эрудицию и как следствие этого видит реальную картину мира* [179]. Точка с запятой здесь разделяет распространенные однородные сказуемые в определительном придаточном предложении, позволяя акцентировать внимание на новых признаках одного предмета речи.

Точка с запятой сегодня мало востребована на письме и часто трудно отличима от использования запятой. По мнению Н. С. Валгиной, основные различия между этими знаками усматриваются в абсолютной заменяемости точки с запятой на запятую и далеко не всегда возможной обратной замене, а также в степени длительности фиксируемой этими знаками паузы [21], т. е. влиянии просодии на выбор знака.

Важно, что в среде специалистов (особенно старшего поколения) точка с запятой продолжает оставаться востребованной, выполняя структурно-смысловую функцию преодоления нагромождения запятых в объемных предложениях, выделения новой смысловой линии или ее аспектов в таких предложениях.

Знак «двоеточие»

Двоеточие на протяжении почти двух веков переживает заметное обновление своих функций. В XIX в. двоеточие могло стоять перед союзами *но*, *и* при обозначении противопоставления и следствия. В современных правилах такая функция не кодифицирована. Сегодня с двоеточием преимущественно связано выражение значений причинной обусловленности и обоснования (обычно в бессоюзном сложном предложении), раскрытия содержания, конкретизации общего понятия (в предложениях с обобщающими словами при однородных членах предложения). Например, *Мы существуем вне жанровых рамок: на «Дикой мяте» вы услышите и рок, и джаз, и world music* [171].

Во второй половине XX в. двоеточие стало востребованным в так называемых разъяснительно-пояснительных конструкциях, ставших модными в газетных заголовках, названиях журнальных рубрик и подобных текстовых фрагментах. Например, *Переделкино: планерка главных* [135]; *Ожидаемый бунт: бессмысленный и беспощадный* [144]. Организация разъяснительно-пояснительных конструкций двухчастна и чаще всего включает название предмета речи и конкретизирующих его аспектов. Например, в названии мастер-класса *Технология интервью: искусство задавать вопросы и получать ответы*; в названиях статей: *«Анна Каренина» Шахназарова: все за и против* [173]; *Поэтическая иерархия: да или нет* [115]; *Борьба мифов: русская идиллия и русская героика* [69]; *Точка в заголовке: ставить или нет* [130]. Нередко вторая часть подобных конструкций оформляется в виде вопросительного предложения. Например, *Вегетарианство: польза или вред?* [141]. Двоеточие в подобных конструкциях дает возможность при минимуме вербальных средств назвать проблему, обозначить перспективу ее рассмотрения, мотивировать рефлексию воспринимающих текст. Новое ритмико-эмфатическое (от греч. *emphasis*, *эмфаза* — «выразительность»)

качество двоеточия здесь обеспечивает броскость, рекламность текстов и поддерживается их краткостью.

В современной практике письма между частями разъяснительно-пояснительных конструкций наряду с двоеточием фиксируются и иные пунктуационные знаки. Например, использование точки в рекламе: *Blend-a-med. Безупречная белизна зубов.* Постановка знаков в подобных конструкциях нуждается в правилах, позволяющих уйти от разнобоя в пунктуационном оформлении текстов. В новой редакции «Правил русской орфографии и пунктуации» предпринята попытка решить проблему: в позиции между частями разъяснительно-пояснительных конструкций предлагается ставить точку. Однако в примечаниях при определенных условиях «допускается» постановка двоеточия или тире.

По наблюдениям Н. С. Валгиной, функции двоеточия сужаются, а вместо него могут ставиться другие знаки [21]. Например, тире, см.: *Это мой новый стиль — мне нравится рубить фразы, это модно и в духе времени* [112]; *Мать продала много чего ненужного — желтенькую цепочку, которую прежде даже на ночь не снимала с шеи, серьги из ушей с блестящими стеклышками, кольцо* [102]. В приведенных текстах на месте выделенного тире более ожидаемо двоеточие для выражения значения разъяснения первой части сложной конструкции (в первом примере) и для выражения значения конкретизации обобщающего сочетания при однородных членах предложения (во втором примере), однако авторы использовали тире.

В современной практике письма стабильно нежелательным остается повторение двоеточия в пределах одного предложения, чего при большом распространении текста или многоступенчатой рубрикации (обычно в деловых или научных текстах) бывает трудно избежать. Например, *Я всегда говорю молодым международникам, как им несказанно повезло, — все то, о чем другие читали в учебниках, сейчас происходит в реальном времени, перед нашими глазами; тектонические социальные сдвиги, оконча-*

тельный уход одного мироустройства и возникновение другого, можно видеть все приводные ремни смены геополитических формаций... [168]. В приведенном тексте на месте выделенных запятой и тире должно было быть двоеточие, выражающее значение причины в бессоюзном сложном предложении, однако вместе со следующим двоеточием произошло бы повторение двоеточия в пределах одного предложения. Используя тире, автор избежал этого нарушения.

Знак «тире»

Тире в русском языке многофункционально и используется довольно часто, участвуя в передаче структурных, смысловых, экспрессивных смыслов.

Структурные функции тире заключены в замещении «грамматических» пропусков, ассоциирующихся с имплицитными членами предложения: связками в сказуемом, фрагментами неполных предложений, нулевыми сказуемыми, противительными союзами. Например, *Мирослав Лаюк — украинский поэт, с которым я познакомился на чтениях во Львове несколько лет назад* [65] — пропуск связки в предложении; *На кого-то свалилась ответственность, на кого-то — бандитская крыша* [164] — пропуск сказуемого в неполном предложении; *Евгению Евтушенко не прощают ничего. А Иосифу Бродскому — все* [154] — пропуск подлежащего в неполном предложении; *Не с ним — с огнем теперь веду я речь* [119] — пропуск противительного союза между однородными членами в простом предложении; *Опыт разный — цвет один* [34] — пропуск противительного союза в сложном предложении.

Структурной организации текста служит также *отграничительная функция* тире между авторскими словами и прямой речью, при абзацном расположении реплик диалога.

Смысловая функция тире заключена в фиксации внимания на передаче значений, которые не выражены лексически, т. е.

союзами. Обычно это значения условия, времени, сравнения, следствия, противопоставления, сопоставления в бессоюзных сложных предложениях. Например: *Хотел исчезнуть, спрятаться от всех — не получилось* (отсутствие противительного союза компенсирует тире, указывающее на смысловую связь частей предложения).

Одновременно со смысловой функцией тире выполняет *интонационную и композиционную функции*. Интонационная — связана с уточнением смысловых отношений между членами предложения, выражением неожиданности либо логическим выделением и реализуется отделением с помощью тире любой части предложения. Например, *Посмотрите вокруг — и убедитесь в этом* [15]; *Договоров нет. Зарплаты — тоже* [62]; *У друзей — делается все слаженно* [143]; *Коллеги по цеху отзываются о нем как о сильном профессионале, хотя в целом «банных политехнологов» (ЦИК находится в Банном переулке...) недолюбливают — за протекционизм* [136]. Композиционная функция тире связана с особым расположением структурных частей предложения. Например, *Будем мы счастливы или нет — время покажет* (Время покажет, будем мы счастливы или нет); *Вместо расчетов — эмоции, вместо резонов — восклицания...* (Эмоции вместо расчетов, восклицания вместо резонов) [4].

Экспрессивная функция тире заключена обычно в разрыве интонационной плавности фразы, создании эмоциональной напряженности и выразительной паузы. Например, *Пахом ... с трудом владел руками, не попадая даже ложкой в рот, а уж про ноги — и говорить не стоило* [91]; *И вот они точно в самом прямом смысле этого слова — не патриоты, а негодяи* [152]; *Я — шпион! Какой вздор!* [7]; *Лиды выпрямилась рывком, поймала на лету фонарь — и вдруг разревелась* [45]; *Америка пожаловала к нам вместе с нарушением этих самых прав. Поэтому — не могу молчать!* [71].

Итак, современное функционирование тире традиционно связано с фиксацией «грамматичных» пропусков, передачей особых смысловых отношений и созданием эмоционально-

экспрессивных качеств речи. Однако тире расширяет границы использования и часто заменяет другие знаки вопреки существующим правилам и в соответствии с авторским замыслом. Например, 1) тире используется вместо двоеточия: *Она везде — и в поле, и в лесу, и на берегу заросшего осокой пруда, и в саду, и в гамаке после обеда* [13] (перед перечислением после обобщающего слова); *Такое время адово/На нынешней Руси/— Проси не у богатого,/У бедного проси* [67] (между частями бессоюзного сложного предложения); 2) тире используется вместо запятой в сложноподчиненных предложениях: *Надо было срочно узнать — какой ключ от сейфа* и др. Кроме того, тире ставится, чтобы избежать повторного использования двоеточия в рамках одного предложения.

Знак «многоточие»

Многоточие в «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 г. [88] связывается с незаконченностью высказывания, заминкой в речи, пропуском при цитировании. Например, *Он с гордостью показывал видео, снятые на мобильный телефон: похороны одного из революционеров, обстрел артиллерией какого-то города, беспорядки в Триполи, мертвые солдаты где-то в пустыне...* [133]; *Нам нужен этот... как его... определитель номера* и др.

В современной практике письма традиционные функции многоточия конкретизируются новыми значениями, связанными с содержательными и эмоциональными особенностями речи [21]. К новым значениям относится указание на подтекстовое содержание. Например, в заголовке статьи *Крутой парень Раскольников...* [49] подтекстными выступают отпрецедентные текст, имя, ситуация, контрасты «старое — новое», «стилистически нейтральное и маркированное» и пр. К новым значениям многоточия относится передача неожиданного содержания и связанной с ним эмоциональности текста, например, *В го-*

сти к выпускникам Уральского федерального едут... «Градусы»! (Из объявления в вузе, 2017); Вошел и... Сколько лет, сколько зим! Одинокашник! [62] — эмоциональность поддерживают восклицательные знаки в части после многоточия. Многоточие создает эмоциональное напряжение (интонационное повышение тона) и как бы подготавливает к новому содержанию текста, например: Лебедев мгновенно шагнул на ступеньку и... Произошло чудо [108]. Нередко многоточие концентрирует внимание на алогичном содержании, репрезентированном нарушенной сочетаемостью слов, например, в газетном заголовке Санкции хотелось бы... продать [161] нарушена семантика глагола продать «отдать за определенную плату нечто вещественное».

Многоточие в традиционных функциях и новых значениях широко востребовано в текстах СМИ, в художественных, особенно поэтических текстах. Многократное повторение многоточия в обозримом фрагменте текста или целом тексте не просто указывает на перспективу развития событий, но используется как композиционный прием скрепления частей текста в единое целое, например: Ну и пусть... Правит грусть / Я ее... Наизусть. / Ветка хруст... Жизни вест... / Все равно... Не успеть. / ... [188] или из дневниковой записи:

Вчера в моего отца попала пуля. Все в порядке — тонкая царапина на лбу...

Пуля... Выпущенная из нарезного оружия немецкого производства... Примерно 60 лет назад...

<...> Он работает с деревом... И вот вчера циркулярная пила вырывает из цельного тела доски пулю <...>

Она была выпущена в ходе боев под Харьковом... Она вошла в древесину, и со временем сосна затянула отверстие входа... Пуля 60 лет летела, до тех пор, пока не нашла свою жертву... <...>

Мы никогда не знаем чем и как закончатся дела начатые нами... каждое твоё слово, каждое действие, каждое нажатие курка могут похоронить пулю в древесине на долгие годы... и стечение обстоятельств выбросит ее наружу... [129].

Многоточие может указывать на разрыв в повествовании, репрезентировать резкий переход от одной темы к другой (обычно в начале абзаца), например: *Ссорились, выясняли отношения, обижались... Приехала бабушка, потребовала покоя для себя и своей собачки, опасно выглядывающей из-под пухового платка на груди.*

Итак, традиционные значения многоточия (передача недосказанности, недоговоренности, прерывистости и затрудненности речи, указание на преднамеренные пропуски частей высказывания) в современной письменной речи дополняются новыми содержательными и эмоционально-экспрессивными значениями: указание на «трудность» подбора слов для выражения мысли, подтекстовый характер и особую эмоциональность сказанного, психологическое напряжение и резкую смену тем и др.

Новая пунктуация в интернет-коммуникации

В современном интернет-общении участвуют миллионы людей, обменивающихся частными письменно оформленными (напечатанными) текстами. Последние нередко содержат нарушения действующих языковых, в том числе пунктуационных норм. Однако важно, что при любой степени лингвистической ущербности текстов факт их членения признается коммуникантами и репрезентируется с помощью особенностей пространственно-графического расположения фрагментов текстов и с помощью пунктуационных знаков и их комбинаций. Активно используются как традиционные, так и новые (заимствованные) знаки. Отвечая нуждам общения, знаки расширяют традиционные функции и демонстрируют новые. Так, для русской пунктуации не характерны комбинации двоеточия и «закрывающей» скобки, многоточия и «открывающей» скобки, многочисленных скобок в конце предложения. В интернет-общении они очень востребованы, одновременно выполняя функцию

конечного знака (традиционно это функция точки), функцию знака эмоции, схожую с ролью смайликов, имитирующих выражение лица. Например, *Разберем какие правила существуют, чтобы знать, как их нарушать.¿* [190] или *Не знаю, что из этого выйдет...¿* (авторская пунктуация сохранена).

Помимо новых комбинаций привычных знаков в интернет-общении активно используются также заимствованные знаки, например, из специальных сфер: знаки */** — «звездочка/несколько звездочек», < > — «угловые скобки», |, /, \ — «вертикальная черта без наклона или наклоном вправо или влево», из иноязычной культуры общения: знаки @ — «собака», # — «решетка» (октотóрп, хештэг) и др. Приведем некоторые примеры их использования в русском интернет-общении.

Знак * — «звездочка/несколько звездочек»

Знак «звездочка» имеет разное назначение. Это может быть указатель ссылки на мысль или ее источник, знак замены заголовка, знак отсылки к предыдущему тексту или его фрагменту. В интернет-общении звездочка указывает на членение текста и может находиться как в начале, так и в конце предложения. Попутно с членением текста звездочка может быть сигналом исправления предыдущего фрагмента текста. Например:

Пользователь 1: *почему ты опять не можешь прийти?*

Пользователь 2: *только *можешь*

Пользователь 1: *а, да. ну так почему?*

Или:

Пользователь 1: *приходи к семи вечера завтра*

Пользователь 1: *ой, то есть к восьми вечера послезавтра**

Знак < > — «угловые скобки»

Знак «угловые скобки» указывает на текстовые пропуски, цитирование, комментариев в связи с предыдущим текстом. Знак

имеет варианты исполнения в виде одной или нескольких скобок (чаще правых). Например, в обсуждении в комментариях:

Пользователь 1: *Почему большевики и вообще революционеры не любили попов? Они считали церковь обычным казенным ведомством...* (авторская орфография сохранена)

Пользователь 2: *>>Они считали церковь обычным казенным ведомством. Оно им и было. Церковь была подчинена государству [165].*

Знаки |, /, \ — «вертикальная черта без наклона, с наклоном вправо (слеш) или влево (обратный слеш, бэкслеш)»

Варианты знака «вертикальная черта» прежде отличали тексты научного стиля и использовались для указания на какое-либо примечание, пропущенный фрагмент текста, возможный выбор в одной позиции и др. В интернет-сфере знаки востребованы при разделении предложений текста, например, пояснительно-разъяснительного типа, см.: *Практика | Дизайн-маркет «Фактура»* [190]. Знак | («вертикальная черта без наклона») заменяет здесь точку или двоеточие, предусмотренные в новой редакции «Правил орфографии и пунктуации» для подобных структур.

Знак @ — «собака»

Знак «собака» с развитием интернета стал востребован в адресах электронной почты, где отграничивает условное собственное имя пользователя сети Интернет от имени одного из доменов Интернета, например, *mail@mail.ru*. В социальных сетях знак @ расширяет свои функции, отграничивая предложения друг от друга и «заставляя» их располагаться каждый раз в отдельной строке. Позиция знака между строк не просто разрывает сплошную ткань текста, но акцентирует внимание на каждом отдельно расположенном фрагменте. Например:

Почесался

@

Смотришь на руку

@

Рука в крови

Как видим, несмотря на близость функции знака @ функции точки, знаки не идентичны и по местоположению, и по обязательности. Например, в конце текста знак @ может отсутствовать.

Знак # — «решетка» (октотóрп, хештэг)

Знак «решетка» используется в микроблогах и социальных сетях для облегчения поиска сообщений по теме или содержанию. Обычно находясь перед словом, словосочетанием или предложением, знак # служит разделению смысловых частей, заменяя традиционное пунктуационное оформление. Например, *#еда #любуется* или *#новыйгод #новыевозможности*. Знак здесь выступает маркером связности нескольких твитов (кратких записей в твиттере) разных авторов или разных мыслей одного автора.

Итак, новая функционализация старых пунктуационных знаков, их нетрадиционные комбинации, включение заимствованных знаков представляет собой активный процесс в современном интернет-общении, находящийся в русле тенденций экспрессивного синтаксиса и авторской организации текста.

Очевидно, что речевая практика интернет-мессенджеров (мобильных приложений), социальных сетей, SMS-коммуникации способствует активному распространению нового пунктуационного оформления текстов в интернет-общении, внедрению новых знаков в повседневное и даже деловое письменное общение. Например, в электронной переписке использована комбинация двоеточия и «закрывающей» скобки, см.: *Все будет сделано. Спасибо за помощь:).* Новизна, комплексность семантики

(функции членения текста, содержательная и коммуникативная функции, функция графического оформления текста), экономия усилий при наборе текста и его восприятии делают новые знаки и их комбинации популярными в интернет-сфере. Однако, несмотря на распространение, они не универсальны для всего языкового сообщества и не являются кодифицированными.

Функционально-стилевое использование пунктуации

Использование пунктуации отвечает нуждам письменных текстов, хотя и не одинаково в различных стилях письменной речи.

В *научном* и *официально-деловом* стилях пунктуация стандартна (без индивидуального осмысления), опирается на структурный принцип, ориентирована на отражение полноты и завершенности предложений, а также их последовательности. Знаки, выражающие эмоциональные и экспрессивные оттенки речи, отсутствуют.

В научно-популярных и публицистических произведениях пунктуация менее стандартна, может отражать особенности разговорной и по-особому выразительной речи.

Тексты официально-делового стиля, связанные со специальным выделением отдельных фрагментов, по-разному дифференцирующих предмет речи, часто имеют трудности пунктуационного оформления. Чтобы передать все обстоятельства дела, такие фрагменты включают разную рубрикацию и (или) нумерацию тезисов, положений, распоряжений и представляют собой осложненные или сложные предложения со многими придаточными, причастными и деепричастными оборотами, с перечислением однородных членов и пр. Такие текстовые фрагменты требуют от редактора особых усилий по пунктуационному оформлению текста. Обычно в конце каждого элемента рубрикации ставится запятая или точка с запятой (при значительной усложненности текста). Например:

3. Управлению здравоохранения Администрации города Екатеринбурга:

1) постоянно проводить обучение медицинских работников по вопросам организации рационального питания;

2) осуществлять разъяснительную работу по вопросам рационального питания;

3) обеспечить осуществление медицинскими работниками постоянного контроля за соблюдением санитарных правил хранения продуктов, а также за качеством приготовления пищи [180].

По мысли Н. С. Валгиной, закономерность взаимодействия знаков и вербальных средств заключена в обратной зависимости: чем полнее представлены вербальные средства, тем меньше требуется знаков; чем меньше вербальных средств (при свертывании сообщения), тем больше знаков [21]. Это значит, что знаки в совокупности с вербальными средствами обеспечивают наибольшую стандартность и информативность текста.

В художественных текстах пунктуация отражает индивидуальность пишущего, позволяет передавать оттенки смысла, для репрезентации которых недостаточно словесных или структурных особенностей. Пунктуация способна сделать текст более выразительным, в связи с чем художественные тексты часто включают оригинальные, отступающие от нормы знаки.

Письменно представленная *разговорная речь* сложно укладывается в стандартные схемы и модели постановки знаков. Разного рода вставки, замечания по ходу рассуждения осложняют пунктуационное оформление, создают условия для нагромождения знаков, их неоднозначности или непривычной сочетаемости.

Итак, русская пунктуация для текстов любых стилей принципиально едина и опирается в первую очередь на структурный принцип. Однако пунктуация имеет специфику в зависимости от степени строгости (стандартности) требований функционального стиля, от степени значимости структурных, содержательных, просодических, эмоциональных, коммуникативных ре-

презентаций, а также испытывает влияние авторских интенций, отступая от регламентированных правил. Последние являются строго обязательными либо допускают выбор одного из нескольких знаков или выбор между знаком и его отсутствием.

Нерегламентированная пунктуация

Нерегламентированная пунктуация заключена в отклонениях от общих норм и объединяет в себе неавторскую и авторскую пунктуацию.

Неавторская пунктуация представлена ситуативно и контекстуально обусловленными знаками, а также знаками для оформления разговорной речи.

Ситуативно обусловленные знаки зависят от функциональных качеств конкретного вида текста, характера текстовой информации и обеспечивают особую информационность и экспрессивность речи. Они сосуществуют с общепринятыми знаками и выполняют ряд функций:

- 1) логико-смысловую (преимущественно в научных и официально-деловых текстах);
- 2) акцентно-выделительную (преимущественно в официальных, частично в публицистических и художественных текстах);
- 3) экспрессивно-эмоциональную (в художественных и публицистических текстах);
- 4) сигнальную (в рекламных текстах) [21].

Например, двоеточие перед перечислением без обобщающего слова (преимущественно в научных и официально-деловых текстах), см.:

Собрание трудового коллектива постановило:

- 1) расширить состав ассистентов экспериментальной лаборатории,
- 2) назначить и. о. начальника лаборатории эколога О. П. Сичкину.

Контекстуально обусловленные знаки зависят от особого осмысления текста (конкретных задач высказывания) и (или) отображаемой речевой ситуации и отвечают смысловому принципу пунктуации. Они могут не соответствовать принятым правилам и нормам, но не являются индивидуально-авторскими. Например, тире в текстах *В девять вечера я — не вышел, колобком выкатился из подъезда Виктории Борисовны* [129] или *Рубанов — не называет. Он рассказывает, живописует, намекает...* [72] разделяет подлежащее и сказуемое, акцентируя внимание на противопоставлении по отношению к последующему тексту.

Знаки для оформления разговорной речи обычно отступают от структурного принципа и имитируют прерывистость, интонацию разговорной речи. Например, использование многоточия в тексте: *Для начала... такие... формальные вопросы* [136]. Подобные знаки не являются индивидуальными и оговорены в «Правилах русской орфографии и пунктуации».

Авторская пунктуация связана с нестандартными или отступающими от современной нормы знаками и наиболее заметна в художественной литературе.

Авторские знаки всегда имеют особую смысловую, художественную, интонационную, экспрессивную нагрузку и включаются в понятие авторского слога. Известно, что для стилей конкретных авторов характерны предпочтения одного из знаков (по признаку большей частотности). Например, И. С. Тургенев часто пользовался точкой с запятой, имя М. И. Цветаевой ассоциируется с тире, а при упоминании Ф. М. Достоевского всплывают в памяти многочисленные точки с запятой и тире. В текстах Ф. К. Сологуба частотным является лишний с точки зрения современной нормы знак запятой между однородными сказуемыми, соединенными одиночными соединительными союзами, см.: *Передонов и Варвара сутились около нее, и старались усадить ее на стул поближе к прихожей <...>; Хозяйка не садилась, ничего не брала, и рвалась в столовую <...>* (схема О и О приобретает вид О, и О) [134].

Авторские знаки заставляют внимательно следить за текстом и размышлять над причинами их использования: случайностью или необходимостью выразить особую авторскую мысль. Например, нерегламентированные восклицательные знаки внутри предложения усиливают эмоциональность, активизируют подтекстовое содержание, создают особую ритмику текста, см. [155]:

*Мне б окружить ее блокадой рифм,
теряться, то бледнея, то краснея,
но женщина! меня! благодарит!
за то, что я! мужчина! нежен с нею!*

Е. Евтушенко

По мысли Н. С. Валгиной, авторские знаки нацелены не на нарушение пунктуационной системы, а на усиление их значимости как дополнительных средств передачи мыслей, чувств в письменном тексте, на расширение границ их использования [21]. Причины авторских знаков могут быть связаны с сознательным использованием значения знака, с влиянием устаревших норм и даже с ошибочным набором текста. Собственно авторские знаки, как правило, оговариваются предупреждением «В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация» либо расцениваются как таковые, если многократно фиксируются в одинаковых случаях замен традиционного знака иным [134].

Авторские знаки могут выходить за пределы нормы (см. пример выше) и могут быть допустимыми. Например, в тексте *Первый раз сказанное = ты = прозвучало Людмиле нежною ласкою* (Ф. Сологуб) тире подменяет кавычки, отделяя цитату из собственно авторского текста [134].

Резюмируя, подчеркнем следующее.

1. Структурный принцип остается ведущим принципом русской пунктуации. Однако тенденции отражения на письме явлений экспрессивного синтаксиса, имитации устной речи и неполнота соответствующих правил создают условия для пун-

туационной вариантности в оформлении письменных текстов, изменения функций пунктуационных знаков (их обновления, расширения или сужения).

2. Наряду с регламентированной активно развитие нерегламентированной пунктуации, связанной с усилением значимости знаков препинания. Последние не просто членят текст, но взаимодействуют с вербальными средствами, способствуя большей информативности текста. Знаки создают подтексты, влияют на синтактику, ритмику, стилистику письменных текстов.

3. Параллельно с традиционным использованием привычных пунктуационных знаков наблюдается их новая функционализация, нетрадиционные для русской пунктуации комбинации, а также использование заимствованных знаков. Эти процессы отвечают тенденциям экспрессивного синтаксиса, авторской организации текста, широко распространены в интернет-общении и проникают в иные сферы коммуникации.

Рекомендуемая справочная литература

1. Валгина Н. С. Русский язык. Орфография и пунктуация. Правила и упражнения / Н. С. Валгина, В. Н. Светлышева. — Москва : Неолит, 2000. — 414 с.
2. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. — Москва : АСТ-Пресс, 2009. — 432 с.
3. Розенталь Д. Э. Большой справочник по русскому языку / Д. Э. Розенталь. — Москва : Мир и Образование, 2015. — 1008 с.
4. Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке / Д. Э. Розенталь. — Москва : Айрис-Пресс, 2016. — 368 с.

Рекомендуемые справочные электронные ресурсы

Справочник по пунктуации/авт.-сост. В. В. Свинцов [и др.]/Грамота.ру. — URL: <http://bit.ly/2wKuUla> (дата обращения — 10.10.2017).

Контрольные вопросы и задания

Примечание. Ответы на вопросы предполагают работу с материалом лекции, с современной научной литературой (обязательны ссылки на источники).

1. Назовите принципы пунктуации и их суть.
2. Сформулируйте причины расхождений между новыми явлениями пунктуационного оформления и Правилами 1956 г.
3. Приведите примеры ошибочного употребления точки.
4. Назовите условия использования точки с запятой.
5. Перечислите значения современного двоеточия.
6. Перечислите значения тире.
7. Перечислите значения многоточия.
8. Сформулируйте признаки нерегламентированной пунктуации.

Задания по теме (выполняется одно задание по выбору)

Задание 1. Сравните пунктуационное оформление одного текста в изданиях разных лет, подчеркните случаи расхождений (привести не менее 10 сравниваемых позиций). Проанализируйте знаки препинания с точки зрения соответствия Правилам 1956 г. и современным тенденциям. В заключении отразите ваши наблюдения: а) о функциях знаков в прошлом; б) о суже-

нии/расширении функций знаков в XX–XXI вв.; в) об отражении в тексте современных тенденций и пр.

Пример оформления:

А. С. Пушкин «Евгений Онегин»

Пушкин А. С. Евгений Онегин: роман в стихах / А. С. Пушкин. — Париж : Etoile, 1937. — 335 с.	Пушкин А. С. Евгений Онегин: роман в стихах / А. С. Пушкин. — М. : Астрель : АСТ, 2004. — 417 с.
Его примѣръ другимъ наука: ¹ Но, Боже мой, ² какая скука Съ больнымъ сидѣтъ <u>и день, и</u> ночь, ³ Не отходя ни шагу прочь!	Его пример другим наука: ¹ Но <u>боже мой,</u> ² какая скука С больным сидеть <u>и день и</u> ночь, ³ Не отходя ни шагу прочь!

Комментарии

1. ...
2. ...
3. ...

Задание 2. Подберите в современных текстах примеры действия принципов пунктуации и активных процессов в ней. Дайте комментарии к особенностям пунктуационного оформления текстов.

Темы докладов (презентаций)

Примечание. В подготовке одного доклада могут участвовать два человека.

Развитие пунктуации в современных текстах.

Заключение

Реформы в России на рубеже XX–XXI вв. нашли отражение в особенностях массовой психологии и «языковом вкусе» нового поколения. Активное личностное начало в процессе смысловых репрезентаций, неологический бум, распространение демократичных социальных моделей дискурсов (например, неформального), ерничающий стиль репрезентаций и синергетичная соревновательность в данном процессе, деидеологизация или иная идеологизация многих предметов речи, игнорирование предписаний доминирующей культуры и другие особенности современного речетворческого процесса влияют на динамику и креативность функционирования языковой системы.

Активные внешние влияния на язык вызывают в научной среде стремление решать назревшие проблемы теории и практики языка. Особую актуальность научного вмешательства на данном этапе демонстрируют сферы орфографии, орфоэпии, акцентологии, пунктуации, нуждающиеся в упорядочении системы правил написания, произношения, ударения, пунктуационного оформления текстов. Систематизация явлений и регламентирующих их правил происходит в соответствии с требованиями полноты, непротиворечивости, терминологической точности, минимизации списков исключений, а также требованиями единообразного отражения одних и тех же явлений в синхронных словарях и справочниках.

В сфере звучащей речи выявлены такие особенности словесной и фразовой просодии, которые квалифицируются сегодня как элементы изменений в развивающейся системе языка. К ним относятся явления ритмического равновесия, унифика-

ции ударения в аналогичных формах, тенденции отказа от архаики и исключений и др.

Период реформ сопровождается чрезвычайной интенсивностью творческого использования средств и возможностей языка, обусловившей активное пополнение и обновление словарного запаса современников. Данный процесс включает появление новых слов, переоценку прежней лексики и значений, создание единиц с неопределенными частеречными признаками, востребованность оригинальных производящих (иноязычных, социолектных, прецедентных и др.) и редких ранее способов словообразования (например, способов компрессии) и др. Творчески ориентированное словоупотребление и словообразование наиболее заметно в СМИ, рекламе, неформальной коммуникации. Оно напрямую связано с проблемами лексикографии, с теорией нормы, прогнозированием языкового развития и его отражением в современных словарях, с минимизацией стихийности и субъективности в оценке языковых явлений.

Значительные изменения коснулись грамматической системы языка, основные тенденции которой заключаются в росте аналитических черт в сфере морфологии и синтаксиса: в увеличении количества несклоняемых имен, формировании нового класса существительных общего рода, развитии семантики множественности в некоторых бессуффиксальных существительных в форме единственного числа, частотности ослабленных синтаксических связей и др. На существенное обновление традиционного облика морфологии и синтаксиса активно влияет живая разговорная речь с ее экспрессивным членением, компрессивными репрезентациями, фиксируемыми в разных речевых практиках. Борьба старой и молодой норм наблюдается в расшатывании представления о незыблемости грамматических норм, в стремлении к преодолению флективных вариантов в формах одного падежа, в креативном функционировании грамматических категорий и др. Названные процессы демонстрируют внутри- и внеязыковую готовность к изменениям репрезентативных средств и возможностей языка.

Заметная динамика обновлений отличает сегодня русскую пунктуацию. Несмотря на ведущее положение структурного принципа, тенденция отразить на письме явления экспрессивного синтаксиса, симитировать устную речь активизирует действие смыслового и интонационного принципов, вызывая пунктуационную вариантность в оформлении письменных текстов. Случаи изменения функций пунктуационных знаков (их обновление, расширение или сужение) и их значений объясняются как фактором субъективности (проявляется в нерегламентированной пунктуации), так и неполнотой соответствующих правил. Очевидно, что знаки пунктуации все чаще не просто членят текст, но, взаимодействуя с вербальными средствами, создают подтексты, влияют на синтактику, ритмику, стилистику письменных текстов, способствуя их большей информативности. Новая функционализация пунктуационных знаков и их нетрадиционное комбинирование, использование заимствованных знаков отвечают запросам экспрессивного синтаксиса, авторской организации текста, в том числе в интернет-общении, представляющем сегодня сферу разнообразных языковых новаций.

Знание явлений активной динамики языковых процессов чрезвычайно важно для специалистов, профессионально связанных с языком. Формирование научно обоснованных представлений о тенденциях и особенностях развития языка, изучаемых в рамках освоения дисциплины «Активные процессы в современном русском языке», способствует развитию языковой компетенции, профессиональному выбору языковых средств и форм в конкретных случаях редактирования текстов и их подготовки к публикации. Знание факторов влияния на языковую динамику и языковой политики государства относительно этой динамики, умение ориентироваться в авторитетном словарном и справочном фонде русского языка позволяют специалисту квалифицированно организовывать процесс редактирования и расширять сферу откорректированного общения.

Примерный перечень заданий текущего контроля

Выполнение домашних работ, заданий текущего контроля предполагает:

1) опору на знание теории по курсам «Современный русский язык», «Практическая и функциональная стилистика русского языка», «Активные процессы в современном русском языке»;

2) владение видами лингвистического анализа (словообразовательного, синтаксического, семантического, стилистического и др.);

3) работу с современными словарями с целью квалификации языковых явлений с позиции современной языковой нормы и языковых тенденций;

4) работу с современными текстовыми источниками с целью развития профессиональной наблюдательности при обнаружении языковых явлений, отражающих младшую и старшую языковую норму, а также современные языковые тенденции.

Домашние работы предусматривают следующие регулярные виды деятельности:

1) конспектирование учебной и научной литературы;

2) выявление примеров современных процессов в русском языке в разных текстовых источниках (СМИ, интернет-коммуникация, устное общение, реклама, тексты Национального корпуса русского языка и др.);

3) выполнение практических заданий, требующих аналитической деятельности, опоры на современные научные, учебные и справочные материалы (лекции, конспекты, словари, научную литературу и др.).

Промежуточный контроль знаний предполагает работу в аудитории со сквозным вопросником по теоретическому материалу курса (проводится в конце семестра).

Примерный список вопросов к промежуточному срезу знаний

1. Влияние СМИ на современные литературные нормы.
2. Суть действия законов языка.
3. Суть языковых антиномий (говорящего и слушающего, кода и текста, узуса и возможностей языка (системы и нормы), асимметричности языкового знака, информационной и экспрессивной функций языка, устной и письменной форм языка).
4. Языковая норма, ее признаки и виды.
5. Современные нормативные словари, справочники, пособия: принципы новизны.
6. Языковые варианты: подходы к классификации.
7. Тенденции в сфере глагольного ударения.
8. Тенденции в сфере именного ударения.
9. Тенденции в сфере ударения в заимствованных словах.
10. Активные словообразовательные явления (агглютинация и ее проявления в языке).
11. Наиболее продуктивные словообразовательные типы.
12. Семантические процессы в лексике (расширение, сужение, переосмысление значения).
13. Стилистические преобразования в лексике (нейтрализация, перераспределение).
14. Теории неологизмов.
15. Типы неологизмов по виду языковой единицы (неолексемы, неофраземы, неосемемы).
16. Типы неологизмов по степени новизны языковой единицы (абсолютные неологизмы, относительные неологизмы).
17. Типы неологизмов по виду обозначаемой реалии.
18. Типы неологизмов по способу образования (внешние и внутренние заимствования, словообразовательные и семантические неологизмы).
19. Типы окказиональных новообразований (фонетические, лексические, грамматические (морфологические), семантические, сочетания слов, фразеологические, синтаксические, сло-

вообразовательные разных степеней: потенциальные, частично стандартные, нестандартные).

20. Проявления аналитизма в морфологии.

21. Усиление экспрессивной функции средств письма.

22. Тенденции в современном синтаксисе и их суть.

23. Тенденции в современной русской пунктуации и их причины.

Список библиографических ссылок

Литература и источники

1. 60 минут. Эфир от 11.11.2016 / ВГТРК. — М. : ТВ-Медиа Интернешнл, 2016.
2. 60 минут. Эфир от 28.12.2016 / ВГТРК. — М. : ТВ-Медиа Интернешнл, 2016.
3. Абрамов Ф. А. Две зимы и три лета. — М. : Детская литература, 1997. — 320 с.
4. Аграновский А. А. Техника без опасности // Избранное. — М. : Художественная литература, 1980. — С. 526–536.
5. Айзенберг М. Н. Другие и прежние вещи. — М. : Новое литературное обозрение, 2000. — 96 с.
6. Активные процессы в современном русском языке / сост. Н. В. Любезнова. — Саратов : ССЭИ РЭУ, 2010. — 128 с.
7. Андреев Л. Н. Нет прощения // Иуда Искарот. Повести и рассказы. — М. : Эксмо, 2002. — С. 516–536.
8. Аничков Е. В. Правописание и классики // Русская школа за рубежом. — Прага : Изд. об-ния зем. и гор. деят. в Чехословакии, 1923. — Кн. 5–6. — С. 78–87.
9. Новый большой англо-русский словарь. В 3 т. Т. 1. А–F / Ю. Д. Апресян [и др.]. — М. : Русский язык, 1993. — 832 с.
10. Арефьева О. В. Иноходец. Стихи. — М. : Livebook, 2014. — 352 с.
11. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М. : Советская энциклопедия, 1966. — 607 с.

12. Барсуков Ю. Минск получил нефтяной паек // Коммерсантъ. — 2013. — 14 мар. — С. 6.
13. Бару М. Картонная папка с тесемками // Арион. — 2016. — № 4 (92). — С. 54–61.
14. Баскова Ю. С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук. — Краснодар, 2006. — 162 с.
15. Беликов Ю., Авагян Н. Настоящие русские, или Кубок с ликом вашего победителя // День и ночь. — 2017. — № 1. — С. 61–71.
16. Бельчиков Ю. А. О стабилизационных процессах в русском литературном языке 90-х годов XX века // Семиотика, лингвистика, поэтика. К столетию со дня рождения А. А. Реформатского / отв. ред. В. А. Виноградов. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — С. 27–35.
17. Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Правила русской орфографии с комментариями. — Тамбов : ТОГОАУ ДПО, 2012. — 187 с.
18. Большая советская энциклопедия. В 30 т. Т. 17. Моршин — Никиш / под ред. А. М. Прохорова. — М. : Советская энциклопедия, 1974. — 616 с.
19. Братья Грим. Love Лови // Самая любимая музыка. — М. : Первое музыкальное издательство, 2015.
20. Бродский И. А. Ночной полет. Избранные стихотворения 1962–1972 годов. — СПб. : Лениздат, 2016. — 288 с.
21. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. — М. : Логос, 2003. — 304 с.
22. Вепрева И. Т. О кодифицированной норме в современной культурно-речевой ситуации: норма и мода // Русский язык сегодня / отв. ред. Л. П. Крысин. — М. : ИРЯ РАН, 2006. — Вып. 4. — С. 111–119.

23. Давайте говорить правильно! Трудности современного русского произношения и ударения / Л. А. Вербицкая [и др.]. — 6-е изд., стер. — СПб. : Филол. фак. СПбГУ ; М. : Академия, 2008. — 160 с.
24. Вести. Эфир от 08.06.2016 / ТВ-Медиа Интернешнл. — М. : ВГТРК, 2016.
25. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). — М. : Высшая школа, 1972. — 614 с.
26. Военная тайна с Игорем Прокопенко [от 30.01.2016] / реж. Ю Евграфьев ; РЕН-ТВ. — М. : Формат ТВ, 2016.
27. Волкова Н. Дорогая теща // Огонек. — 2006. — № 10. — С. 23.
28. Вопросы культуры речи / отв. ред. А. Д. Шмелев. — М. : АСТ-Пресс, 2011.
29. Всеволодова М. В. К вопросу об объективной грамматике // *Urbi et Academiae*. Граду и научному сообществу. — 2012. — № 1 (3). — С. 42–49.
30. Глинкина Л. А. Иллюстрированный словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII–XIX веков. — Оренбург : Оренбург. кн. изд-во, 1998. — 280 с.
31. Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике // *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)* / под ред. Е. А. Земской. — М. : Языки русской культуры, 1996. — С. 237–304.
32. Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. На материале современного русского языка. — Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. — 240 с.
33. Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. — 3-е изд., испр. — М. : Просвещение, 1989. — 208 с.
34. Горелик М. Хождение за возлюбленным // *Новый мир*. — 2016. — № 7. — С. 166–176.

35. Григорьева Т. М. Русская орфография в посттоталитарный период // Русский язык сегодня / отв. ред. Л. П. Крысин. — М. : Азбуковник, 2000. — Вып. 1. — С. 66–77.
36. Григорьева Т. М. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). — М. : Элпис, 2004. — 456 с.
37. Денисова С. Юбка по-пекински // Огонек. — 2007. — № 15. — С. 10.
38. Елистратов В. С. Арго и культура. — М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1995. — 232 с.
39. Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона. — М. : Азбуковник, 1999. — 320 с.
40. Еськова Н. А. Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение. — 2-е изд., стер. — М. : Русский язык, 1994. — 448 с.
41. Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Ладомир, 2001. — 349 с.
42. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. — 4-е изд., испр. и доп. — М. : Русские словари, 2003. — 800 с.
43. Златоустова Л. В. Компрессия и ее связь с фонетическим и грамматическим строем языка // Русский язык: исторические судьбы и современность: материалы III Междунар. конгр. исследователей рус. яз. (Москва, МГУ, 20–23 марта 2007 года). — М. : Макс Пресс, 2007. — С. 343–344.
44. Зубова Л. В. Категория рода и лингвистический эксперимент в современной русской поэзии // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании / отв. ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубик. — СПб. : Наука, Ленингр. отд-ние, 2000. — С. 194–210.

45. Иванова В. День ангела // Сибирские огни. — 2013. — № 1. — С. 49–51.
46. Иванова В. Ф., Осипов Б. И. О недоброкачественных изданиях орфографических словарей // Вестн. Омского ун-та. — 1996. — № 1. — С. 103–104.
47. Иомдин Л. Л. Русский предлог ПО: этюд к лексикографическому портрету // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich/red. Z. Saloni.* — Białystok: Dział Wydawnictw Filii UW w Białymstoku, 1990. — С. 241–260.
48. Калакуцкая Л. П. Русский литературный язык в конце второго тысячелетия // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова) / отв. ред. М. В. Ляпон. — М. : ИРЯ РАН, 1995. — С. 197–209.
49. Калинин А. Крутой парень Раскольников... // Литературная газета. — 2016. — № 15 (6549). — С. 19.
50. Калякина О. А., Ремчукова Е. Н. «Живи с огоньком!». Игровой потенциал наречий в рекламных текстах // Русская речь. — 2007. — № 5. — С. 64–70.
51. Караулов Ю. И. Великий... могучий... многострадальный... // Неделя. — 1989. — № 40. — С. 14–15.
52. Ковшова М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. — М. : Гнозис, 2007. — 320 с.
53. Козырев В. А., Черняк. В. Д. Русская лексикография. — М. : Дрофа, 2004. — 286 с.
54. Контрибьюторы // What's The Fashion? — 2013. — № 3. — С. 8–9.
55. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб. : Златоуст, 1999. — 320 с.
56. Котелова Н. З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. — Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. — С. 5–25.

57. Котелова Н. З. Предисловие // Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. — М. : Советская энциклопедия, 1971. — С. 5–15.
58. Крысин Л. П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. — 2000. — № 5. — С. 63–91.
59. Крысин Л. П. Русская литературная норма и современная речевая практика // Русский язык в научном освещении. — 2007. — № 2 (14). — С. 5–17.
60. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. — 1994. — № 1/2. — С. 28–49.
61. Кузнецов О. А. Об особенностях реализации зияний в русской речи // Русский язык: исторические судьбы и современность: материалы III Междунар. конгресса исследователей рус. яз. (Москва, МГУ, 20–23 марта 2007 года). — М. : Макс Пресс, 2007. — С. 349–350.
62. Кузнечихин С. Конец цитаты // День и ночь. — 2017. — № 1. — С. 125–126.
63. Кузьмина Н. А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Либроком, 2011. — 272 с.
64. Лаптева О. А. Кризисные точки языковых изменений // Активные языковые процессы конца XX века: тез. докл. междунар. конф. IV Шмелевские чтения, 23–25 фев. 2000 г. / отв. ред. Л. П. Крысин. — М. : Азбуковник, 2000. — С. 104–105.
65. Лаюк М. Школьные деревья // Новая юность. — 2014. — № 3 (120). — С. 61–73.
66. Ленинград. Дачники : альбом. — М. : Мистерия звука, 2000.

67. Лиснянская И. Л. Цветные виденья. — М. : Эксмо, 2011. — 336 с.
68. Маринова Е. В. Адаптация иноязычной лексики на современном этапе: новые явления и тенденции // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. — 2011. — № 6 (2). — С. 399–403.
69. Михайловская Т. Борьба мифов: русская идиллия и русская героика // Арион. — 2016. — № 1(81). — С. 112–124.
70. Москвин В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. — М. : ЛЕНАНД, 2007. — 260 с.
71. Мостовой П. О пользе курения // Отечественные записки. — 2014. — № 2 (59). — С. 153–167.
72. Муратханов В., Климова Г. Из книжных лавок // Арион. — 2016. — № 4 (92). — С. 122–126.
73. Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском языке. — М. : Наука, 1971. — 298 с.
74. Наблюдашки и размышлизмы. Концерт Михаила Задорнова / реж. К. Владимиров; РЕН-ТВ. — М. : Студия-21, 2015.
75. Нешименко Г. П. «Устнизация» современной публичной вербальной коммуникации и ее влияние на динамику языковой культуры // Активные языковые процессы конца XX века : тез. докл. междунар. конф. IV Шмелевские чтения, 23–25 фев. 2000 г. / отв. ред. Л. П. Крысин. — М. : Азбуковник, 2000. — С. 117–122.
76. Николина Н. А. Новые тенденции в современном русском словотворчестве // Русский язык сегодня / отв. ред. Л. П. Крысин. — М. : Азбуковник, 2003. — Вып. 2. — С. 376–387.
77. Новейший словарь иностранных слов и выражений / отв. ред. В. В. Адамчик. — М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2001. — 976 с.

78. Новый энциклопедический словарь / под ред. А. П. Горкина. — М. : Большая Российская энциклопедия: РИПОЛ классик, 2000. — 1456 с.
79. Ночные снайперы. Тригонометрия : альбом. — М. : REAL Records, 2003.
80. Ночные снайперы. Цунами : альбом. — М. : REAL Records, 2002.
81. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Азъ, 1994. — 908 с.
82. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р. И. Аванесова. — 4-е изд., стер. — М. : Русский язык, 1988. — 704 с.
83. Панов М. В. Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики // Труды по общему языкознанию и русскому языку: в 2 т. — М. : Языки славянской культуры, 2007. — Т. 2. — С. 63–84.
84. Панов М. В. Русская фонетика. — М. : Просвещение, 1967. — 440 с.
85. Плещенко Т. П., Федотова Н. В., Чечет Р. Г. Стилистика и культура речи. — Минск : ТетраСистемс, 2001. — 544 с.
86. Плотникова Л. И. Инновационные тенденции в русском языке начала XXI века // Русский язык: исторические судьбы и современность: труды и материалы IV Междунар. конгр. исследователей рус. яз. (Москва, 20–23 марта 2010 г.). — М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2010. — С. 811–812.
87. Попова Т. В., Рацибурская Л. В., Гугунава Д. В. Неология и неография современного русского языка. — 2-е изд., стер. — М. : Флинта: Наука, 2011. — 168 с.
88. Правила русской орфографии и пунктуации / под ред. Л. А. Чешко. — М. : Учпедгиз, 1956. — 176 с.

89. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / отв. ред. В. В. Лопатин. — М. : Эксмо, 2006. — 480 с.
90. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. — М. : АСТ-Пресс, 2009. — 432 с.
91. Прозоров А. Д. Князь. Последняя битва. — СПб. : Ленинградское издательство, 2011. — 352 с.
92. Прямой эфир от 06.02.17. У Магомаева есть сын! / ВГТРК. — М. : Новая компания, 2017.
93. Распутин В. Г. Последний срок. — М. : Современник, 2003. — 336 с.
94. Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики. — М. : РУДН, 2005. — 329 с.
95. Ремчукова Е. Н. Креативность как фактор развития грамматики // Актуальные проблемы русской грамматики. — М. : РУДН, 2010.
96. Ремчукова Е. Н. Лингвокреативные составляющие современных СМИ на фоне активных языковых процессов // *Humaniora: Lingua Russica*. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. — Тарту : Тарту. гос. ун-т, 2009. — С. 303–316.
97. Рерих Н. К. Пламя // *Сердце Азии*. Сказки. Дневники. — М. : Эксмо, 2009. — С. 577–602.
98. Рождественский Р. И. Стихотворения. — М. : Эксмо, 2007. — 480 с.
99. Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке. — 5-е изд., испр. — М. : Книга, 1985. — 320 с.
100. Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. — М. : ЧеРо, 1999. — 400 с.
101. Рубанов А. В. Психодел. — М. : Ред. Елены Шубиной, 2011. — 352 с.

102. Рубина Д. И. Когда выпадет снег. — Екатеринбург : У-Фактория, 2000. — 425 с.
103. Русская литература. Большой учебный справочник для школьников и поступающих в вузы / под ред. Т. Д. Дажиной. — М.: Дрофа, 2005. — 1296 с.
104. Русская грамматика. В 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Наука, 1980. — 784 с.
105. Русский орфографический словарь / Б. З. Букчина [и др.]. — М.: Азбуковник, 1999. — 1262 с.
106. Русский язык и советское общество. В 4 кн. Кн. 3. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / под ред. М. В. Панова. — М.: Наука, 1968. — 368 с.
107. Салтыков-Щедрин шоу. Пятый выпуск / реж. М. Комаровский; телекомпания НТВ. — М.: НТВ-центр, 2016.
108. Свободин А. П. В мире актеров. — М.: СВ-принт, 2014. — 496 с.
109. Седакова О. А. Музыка глухого времени (русская лирика 70-х годов) // Вестн. новой лит. — 1990. — № 2. — С. 257–265.
110. Сейчас: [эфир от 25.12.2015] / Пятый канал. — СПб.: Петербург, 2015.
111. Селезнев В. Королевство неполной луны // What's The Fashion?. — 2013. — № 4. — С. 146–149.
112. Семенов Ю. С. Нежность. Испанский вариант. — М.: Астрель, 2008. — 160 с.
113. Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. — М.: Флинта : Наука, 2008. — 464 с.
114. Сеничкина Е. П. Эвфемизмы русского языка. — М.: Высшая школа, 2006. — 152 с.
115. Скворцов А. Поэтическая иерархия: да или нет // Арион. — 2017. — № 1 (93). — С. 17–24.

116. Скворцов Л. И. Теоретические основы культуры речи. — М. : Наука, 1980. — 352 с.
117. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 2. К—О / под ред. А. П. Евгеньевой. — М. : Русский язык, 1986. — 736 с.
118. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. — М. : ИЯ РАН, 2006. — 312 с.
119. Снегова И. А. Август. — М. : Советский писатель, 1963. — 116 с.
120. Советский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. — М. : Советская энциклопедия, 1985. — 1600 с.
121. Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX—XXI веков / отв. ред. Л. П. Крысин. — М. : Языки славянских культур, 2008. — 712 с.
122. Соловьев Н. В. Русское правописание. Орфографический справочник (словарь, комментарий, правила). — 2-е изд., испр. и доп. — СПб. : Норинт, 1997. — 848 с.
123. Таблетка. Грибок. Выпуск от 02.02.2016 / Первый канал. — М. : Первый канал, 2016.
124. Тогоева С. И. Новое слово: подходы и проблемы // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека. — Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 1999. — С. 75—101.
125. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складерской. — СПб. : Фолио-Пресс, 2000. — 702 с.
126. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г. Н. Складерской. — М. : АСТ, 2001. — 944 с.
127. Толстой Л. Н., Страхов Н. Н. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870—1894 // Толстовский музей. — В 2 т. Т. 2. — СПб. : О-во Толст. музея, 1914. — 480 с.
128. Федорова А. Завтра наступило вчера // What's The Fashion?. — 2013. — № 3. — С. 72—75.

129. Фрай М. Жалобная книга. — М. : АСТ, 2016. — 416 с.
130. Цветаева М. И. Избранное. — М. : Просвещение, 1990. — 368 с.
131. Цыганова Н. Д. Смысловые тенденции современного целенаправленного словотворчества // Экология языка и коммуникативная практика. — 2016. — № 2. — С. 16–26.
132. Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи // Избранные труды: в 2 т.. — М. : Просвещение, 1970. — Т. 1. — С. 443–640.
133. Чумаков В. Т. Узаконить букву Ёё на письме и в печати — неотложная задача сохранения русского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность : материалы III Междунар. конгр. исследователей рус. яз. (Москва, МГУ, 20–23 марта 2007 года). — М. : Макс Пресс, 2007. — С. 357–358.
134. Шалина Л. В. К вопросу о сущности неологизма в современной лингвистике // Известия ПГУ им. В. Г. Белинского. — 2007. — № 8. — С. 73–77.
135. Шаталова Ю. Н. Неузальные способы создания новых слов в повседневной разговорной речи // Молодой ученый. — 2009. — № 2. — С. 192–196.
136. Шукшин В. М. Гринька Малюгин // Беседы при ясной луне. — М. : Эксмо, 2010. — С. 15–28.
137. Юдина Н. В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс?. — М. : Гнозис, 2010. — 293 с.
138. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. — М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. — 686 с.
139. Mallinson B. Public Lies and Private Truths. An Anatomy of Public Relations / B. Mallinson. — London : Cassel, 1996. — 172 p.

Электронные ресурсы

140. 2 talk girls. КНИЖНЫЕ ПОКУПКИ | НОЯБРЬ 2016 / 2 talk girls // YouTube. — URL: <http://bit.ly/2pauQNE> (дата обращения — 30.03.2017).
141. Canterbury. Невероятно, но факт...: [от 22.09.2003] / Canterbury // Journals.ru. — URL: <http://bit.ly/2x3NHdU> (дата обращения — 30.04.2017).
142. Katerrina. Точка в заголовке: ставить или нет: [от 04.05.2015] / Katerrina // КакПросто. — URL: <http://bit.ly/2plpfkF> (дата обращения — 30.04.2017).
143. Wildchaser. Обзор материнской платы ASUS M4A89GTD PRO USB3 [от 04.05.2010] // Overclockers.ru. — URL: <http://bit.ly/2o4Zf8Q> (дата обращения — 20.03.2016).
144. YuKiBox. Просто знай, что ты меня. Сильней / YuKiBox // Книга Фанфиков. — URL: <http://bit.ly/2wTM820> (дата обращения — 16.05.2016).
145. Аверин Л. У нас будет все: свобода и нефть: [от 29.08.2011] / Л. Аверин // Русский репортер. — URL: <http://bit.ly/2wr2GLm> (дата обращения — 30.04.2017).
146. Базжина Т. В. Авторская пунктуация / Т. В. Базжина, Т. Ю. Крючкова // Русский язык. — 2000. — № 14. — URL: <http://bit.ly/2wRswNA> (дата обращения — 30.04.2017).
147. Бахнов Л. Переделкино: планерка главных: [от 21.11.2007] / Л. Бахнов // Литературная газета. — URL: <http://bit.ly/2gYVzYm> (дата обращения — 30.04.2016).
148. Бекбулатова Т. Деньги, доступ и снова деньги: [от 10.04.2017] / Т. Бекбулатова // Meduza. — URL: <http://bit.ly/2qjy242> (дата обращения — 30.04.2017).
149. Биргер К. Что произошло с поп-культурой за год: [от 23.12.2013] / К. Биргер // Wonderzine. — URL: <http://bit.ly/2ihim1L> (дата обращения — 16.04.2016).

150. В Сочи Путин и Аббас обсуждают вопросы ближневосточного урегулирования: [от 11.05.2017] // РИА Новости. — URL: <http://bit.ly/2eERQi2> (дата обращения — 12.05.2017).
151. В центре Лондона автомобиль наехал на пешеходов: [от 26.03.2017] // РИА Новости. — URL: <http://bit.ly/2w0UDEY> (дата обращения — 26.03.2017).
152. Васюнин И. Вопрос «Кто виноват?» чужд православному: [от 29.01.2004] / И. Васюнин // Новая газета. — URL: <http://bit.ly/2xjnFn8> (дата обращения — 17.05.2016).
153. Вегетарианство: польза или вред?: [от 05.03.2016] // Women's Health. — URL: <http://bit.ly/2oAuoTn> (дата обращения — 16.05.2016).
154. Вержба М. Из-под земли — на свободу: [от 24.10.2002] / М. Вержба // Труд. — URL: <http://bit.ly/2tTWzxЕ> (дата обращения — 16.04.2016).
155. Версон М. Прекрасный город Юнивелл: [от 09.06.2015] / М. Версон // Самиздат. — URL: <http://bit.ly/2xvgUiv> (дата обращения — 30.04.2017).
156. Веселова Н. Ожидаемый бунт: бессмысленный и беспощадный: [от 21.11.2007] / Н. Веселова // Литературная газета. — URL: <http://bit.ly/2eT9I5g> (дата обращения — 30.04.2016).
157. Вопрос № 252948 // Грамота.ру. — URL: <http://bit.ly/2tX6BQg> (дата обращения — 31.03.2017).
158. Вопрос № 260878 // Грамота.ру. — URL: <http://bit.ly/2uvmQaC> (дата обращения — 31.03.2017).
159. Галкина Ю. Социолог Елена Омельченко — о поколении Крыма, прагматичном патриотизме и исчезновении готов: [от 27.03.2015] / Ю Галкина // The Village. — URL: <http://bit.ly/2jTRAgV> (дата обращения — 10.03.2016).
160. Гасанов К. МОЯ РОСКОШНАЯ ЖИЗНЬ В ПАТТАЙЕ / К. Гасанов // Таиланд, ПАТТАЙЯ // YouTube. — URL: <http://bit.ly/2qAR1YI> (дата обращения — 30.03.2017).

161. Гаус В. Идеальная фигура: [от 31.08.2010] / В. Гаус // Виктория Гаус. — URL: <http://bit.ly/2vU5DoX> (дата обращения — 16.04.2016).
162. Гетманская М. Семантико-стилистические особенности телескопизмов в современном русском языке / М. Гетманская // Пятигор. гос. ун-т. — URL: <http://bit.ly/2t7btVO> (дата обращения — 31.01.2017).
163. Глава ОКР: «чистые» спортсмены должны быть допущены до Олимпиады: [от 02.08.2016] // Коммерсантъ. — URL: <http://bit.ly/2urriol> (дата обращения — 23.08.2016).
164. Данилин П. Последнее прибежище патриота: [от 05.02.2016] / П. Данилин // Известия. — URL: <http://bit.ly/2f4JNrS> (дата обращения — 30.04.2017).
165. Депутат рассказала об отсутствии обиды на Милонова за обвинение в одержимости: [от 18.03.2015] // Lenta.ru. — URL: <http://bit.ly/2vGYuLF> (дата обращения — 26.03.2017).
166. Драгунский Д. Поэзия зависти: [от 07.04.2017] / Д. Драгунский // Газета.Ru. — URL: <http://bit.ly/2nVP5YS> (дата обращения — 30.04.2017).
167. Евтушенко Е. Благодарность: [1968]/Е. Евтушенко // Ruthenia.ru. — URL: <http://bit.ly/2uqADND> (дата обращения — 30.04.2017).
168. Жемчуг Д. Milan Fashion Week: день третий: [от 26.02.2011] / Д. Жемчуг // Wonderzine. — URL: <http://bit.ly/2x2Utyf> (дата обращения — 30.03.2017).
169. Иванов С. Василий Уткин: Ткачев — это хороший подхват для ЦСКА, где короткая скамейка: [от 13.01.2016] / С. Иванов // Советский спорт. — URL: <http://bit.ly/2xcHwF1> (дата обращения — 15.01.2016).
170. ИМХО//Словарь молодежного слэнга. — URL: <http://bit.ly/2uuyvoN8> (дата обращения — 21.12.2016).
171. Иран и Сирия раскалывают Движение неприсоединения: [от 09.09.2012] // Геополитика. — URL: <http://bit.ly/2vGvdRF> (дата обращения — 12.05.2017).

172. Казаки быстрого реагирования: [от 28.02.2017] // Владимирский электронный дайджест. — URL: <http://bit.ly/2xKekTk> (дата обращения — 02.03.2017).
173. Колташов В. Санкции хотелось бы... продать: [от 31.01.2017] / В. Колташов // Известия. — URL: <http://bit.ly/2wHrF8r> (дата обращения — 30.04.2017).
174. Кутырева Н.Л. Е. Кругликова: «У каждого поколения должен быть свой словарь» / Н.Л. Кутырева // Русский на 5. — URL: <http://bit.ly/2tUFW9z> (дата обращения — 31.03.2017).
175. Левонтина И. SYNTAXISU. NET. О грамматике потребления: [от 18.01.2006] / И. Левонтина // Стенгазета. — URL: <http://bit.ly/2x3pQJg> (дата обращения — 31.03.2016).
176. Лейбин В. Последнее лето: [от 18.07.2016] / В. Лейбин // Русский репортер. — URL: <http://bit.ly/2w7sd0F> (дата обращения — 30.04.2017).
177. Лентач: запись на стене [от 25.04.2017] // ВКонтакте. — URL: <http://bit.ly/2q9N8N5> (дата обращения — 30.04.2017).
178. Лесняк А. Как прожить в волчьей стае: [от 17.11.2016] / А. Лесняк // Российская газета. — URL: <http://bit.ly/2x9zYDz> (дата обращения — 30.03.2017).
179. Лол // Словарь молодежного слэнга. — URL: <http://bit.ly/2tBIIbt> (дата обращения — 21.12.2016).
180. Лукьянов Ф. О девочках и скуке: [от 19.04.2017] / Ф. Лукьянов // Газета.Ru. — URL: <http://bit.ly/2osI1T0> (дата обращения — 30.04.2017).
181. Мазилкин А. Святая земля. Где «Саутгемпτον» покупать игроков, когда лидеров опять разберут: [от 08.01.2015] / А. Мазилкин // Eurosport. — URL: <http://bit.ly/2ukKLsE> (дата обращения — 16.04.2015).
182. Миллер: в I квартале газ для Украины будет дороже: [от 19.12.2016] // РИА Новости Украина. — URL: <http://bit.ly/2vxHV0m> (дата обращения — 20.12.2016).

183. Мильчин К. О кризисе, жанрах и хороших людях: [от 06.03.2016] / К. Мильчин // Русский репортер. — URL: <http://bit.ly/2plhQij> (дата обращения — 30.04.2017).
184. Минобороны ответило на карикатуру Charlie Hebdo о крушении Ту-154: [от 29.12.2016] // Взгляд. — URL: <http://bit.ly/2tPsgfL> (дата обращения — 31.03.2017).
185. Москвитин Е. «Анна Каренина» Шахназарова: все за и против: [от 24.04.2017] / Е. Москвитин // Meduza. — URL: <http://bit.ly/2xXDayA> (дата обращения — 30.04.2017).
186. Моуринью: «Азару нужны щитки, полностью закрывающие ноги, потому что его постоянно бьют сзади»: [от 21.02.2015] // Eurosport. — URL: <http://bit.ly/2xaoD1u> (дата обращения — 31.03.2017).
187. Нечаева И. В. Что такое орфографические варианты и почему они появляются в языке: [дек. 2012] / И. В. Нечаева // Культура письменной речи. — URL: <http://bit.ly/2uJGQDc> (дата обращения — 31.03.2017).
188. Николенкова Н. В. Орфографические словари русского языка сегодня и их соответствие действующим правилам русского языка: [от 04.02.2008] / Н. В. Николенкова // Культура письменной речи. — URL: <http://bit.ly/2sUCf2f> (дата обращения — 31.03.2017).
189. Первая в истории французского футбола тренер-женщина начала карьеру с поражения: [от 06.08.2014] // ZN.UA. — URL: <http://bit.ly/2vvEKWM> (дата обращения — 16.04.2016).
190. Полевой В. Скандалы, траты, Новый год...: [от 29.12.2012] / В. Полевой // Курс дела. — URL: <http://bit.ly/2v3go7k> (дата обращения — 30.03.2017).
191. Пономарева Е. Миром правят молодые: [от 27.04.2017] / Е. Пономарева // Известия. — URL: <http://bit.ly/2gHRqVc> (дата обращения — 30.04.2017).

192. Постановление № 1240 от 13.07.2017 // Официальный портал Екатеринбурга. — URL: <http://bit.ly/2xDtgzM> (дата обращения — 26.09.2017).
193. Прием у Человека: [от 25.10.2000] // Аргументы и факты. — URL: <http://bit.ly/2tDBDQw> (дата обращения — 16.04.2016).
194. С какой максимальной скоростью Вы ездили?: [от 25.04.2002] // AUTOLADA.RU. — URL: <http://bit.ly/2tteBue> (дата обращения — 12.04.2016).
195. Сатов О. Умение действовать прямо: [от 24.06.2008] / О. Сатов // Психология без соплей. — URL: <http://bit.ly/2t85JYM> (дата обращения — 16.04.2016).
196. Синютина Р. Золушка, кроссдрессинг и тоталитаризм: [от 12.14.2016] / Р. Синютина // Cinemaholics. — URL: <http://bit.ly/2we8YSr> (дата обращения — 30.03.2017).
197. Славецкая Ж. Почта России: и пусть весь мир подождет: [от 30.06.2012] / Ж. Славецкая // LiveJournal. — URL: <http://bit.ly/2fUNwLS> (дата обращения — 16.04.2017).
198. Таежная А. Нина Симон: Икона джаза и история ее обреченной борьбы с собой и миром: [от 24.03.2015] / А. Таежная // Wonderzine. — URL: <http://bit.ly/2wdSLfZ> (дата обращения — 16.04.2016).
199. Толстой Л. Н. Страхову Н. Н., 11 декабря 1891 г. / Л. Н. Толстой // Лев Толстой. — URL: <http://bit.ly/2yb64eo> (дата обращения — 30.04.2017).
200. Тот С. Стихи с многоточиями: [2016] / С. Тот // Стихи.ру. — URL: <http://bit.ly/2h4NxcT> (дата обращения — 30.03.2017).
201. Уфлянд В. Сеть любимой (1996) / В. Уфлянд // Стихи, Поэзия, Литература. — URL: <http://bit.ly/2xqAtbV> (дата обращения — 16.04.2016).
202. Фотошкола УрФУ: запись на стене [от 23.04.2017] // Вконтакте. — URL: <http://bit.ly/2k09iiF> (дата обращения — 30.04.2017).

203. Фотошкола УрФУ: запись на стене [от 26.04.2017] // Вконтакте. — URL: <http://bit.ly/2hw0CvW> (дата обращения — 30.04.2017).
204. Челси — Тоттенхэм Хотспур (2:0), 01 марта 2015. Кубок английской лиги 2014–15. Протокол матча: [от 01.03.2015] // Sportbox.ru. — URL: <http://bit.ly/2uui0IX> (дата обращения — 10.05.2016).
205. Чернявский Г. «Я помню его голы и под 28-м номером, и под 17-м»: [от 30.03.2015]/Г. Чернявский // Eurosport. — URL: <http://bit.ly/2wGp4Sw> (дата обращения — 16.04.2016).
206. Что такое Корпус? // Национальный корпус русского языка. — URL: <http://bit.ly/2uqu8M0> (дата обращения — 31.03.2017).
207. Экслер А. Ты еще за обмудирование ответишь!: [от 01.06.2014] / А. Экслер // Exler.ru. — URL: <http://bit.ly/2tUp56M> (дата обращения — 31.03.2017).

Для заметок

.....

Учебное издание

Ларионова Алла Юрьевна

**ДИНАМИЧЕСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ:
В ПОМОЩЬ БУДУЩЕМУ РЕДАКТОРУ**

Редактор М. А. Терновая
Верстка О. П. Игнатьевой

Подписано в печать 26.09.2018. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Цифровая печать. Усл. печ. л. 11,6.
Уч.-изд. л. 9,2. Тираж 50 экз. Заказ 204

Издательство Уральского университета
Редакционно-издательский отдел ИПЦ УрФУ
620049, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 5
Тел.: +7 (343) 375-48-25, 375-46-85, 374-19-41
E-mail: rio@urfu.ru

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-58-20, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
<http://print.urfu.ru>

